

Название статьи	Страницы	Цит.
СОЦИАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ		
 <u>ПЕРЕСТРОЙКА РАСПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ</u> <i>Шевяков А.Ю.</i>	7-14	<u>3</u>
 <u>РЕГИОН КАК САМОРАЗВИВАЮЩАЯСЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА: ПЕРЕХОД ЧЕРЕЗ КРИЗИС</u> <i>Татаркин А.И., Дорошенко С.В.</i>	15-23	<u>81</u>
 <u>СОЦИАЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И ФАКТОРЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА (ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ)</u> <i>Сухарев О.С.</i>	23-31	<u>6</u>
СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ		
 <u>ВОСПРОИЗВОДСТВО НАСЕЛЕНИЯ В РЕГИОНАХ РОССИИ</u> <i>Кузьмин А.И., Примак Т.В., Кузьмина А.А.</i>	32-41	<u>12</u>
 <u>ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ФАКТОР РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ РЕГИОНОВ УРАЛА</u> <i>Сурнина Н.М., Печура О.В.</i>	41-49	<u>4</u>
 <u>СОВРЕМЕННЫЕ МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ (НА ПРИМЕРЕ ЕВРЕЙСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ)</u> <i>Мищук С.Н.</i>	50-57	<u>7</u>
 <u>ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ)</u> <i>Черепанова А.В., Васильева Е.В.</i>	57-61	<u>13</u>
 <u>PROBLEMS AND PROSPECT OF SOCIO-DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT OF RUSSIAN REGIONS (BY THE EXAMPLE OF SVERDLOVSK REGION)</u> <i>Cherepanova A.V., Vasilyeva E.V.</i>	62-65	0
РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ		
 <u>ОСОБЕННОСТИ РЕГУЛИРОВАНИЯ ЗАНЯТОСТИ В УСЛОВИЯХ ДЕФИЦИТА ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ</u> <i>Шаймарданов Н.З., Неклюдова Н.П.</i>	66-69	<u>10</u>
 <u>EMPLOYMENT REGULATION PECULIARITIES IN THE TERMS OF LABOUR SHORTAGE</u> <i>Shaimardanov N., Nekludova N.</i>	70	0
 <u>СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВОСПРОИЗВОДСТВА ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ В СЕВЕРНОМ РЕГИОНЕ</u> <i>Логинов В.Г.</i>	73-78	0
 <u>ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ИНСТРУМЕНТАРИЯ АНТИКРИЗИСНОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА НА РЕГИОНАЛЬНОМ РЫНКЕ ТРУДА</u> <i>Бедрина Е.Б., Франц О.Б.</i>	79-85	0
ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОГО КАЧЕСТВА ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА		

☐	<u>ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ</u>		
	<u>ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО И ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА</u>	86-93	<u>11</u>
	<i>Белкин В.Н., Белкина Н.А., Антонова О.А., Лузин Н.А.</i>		
☐	<u>ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ДОХОДОВ НАСЕЛЕНИЯ И</u>		
	<u>ПРОБЛЕМА БЕДНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ТЮМЕНСКОЙ</u>	93-98	<u>12</u>
	<u>ОБЛАСТИ)</u>		
	<i>Куклин А.А., Леонтьева А.Г.</i>		
☐	<u>DIFFERENTIATION OF POPULATION INCOME AND POVERTY</u>		
	<u>PROBLEM (BASED ON THE DATA OF TYUMEN REGION)</u>	99-103	0
	<i>Kouklin A.A., Leontieva A.G.</i>		
☐	<u>ПРОБЛЕМЫ ОЦЕНКИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В</u>		
	<u>КОНТЕКСТЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО БОГАТСТВА</u>	104-109	<u>26</u>
	<u>РЕГИОНОВ РОССИИ</u>		
	<i>Мызин А.Л., Гурбан И.А.</i>		
☐	<u>ISSUES OF HUMAN CAPITAL ASSESSMENT IN THE CONTEXT</u>		
	<u>OF RESEARCH INTO THE NATIONAL WEALTH OF THE RUSSIAN</u>	110-115	0
	<u>REGIONS</u>		
	<i>Myzin A.L., Gurban I.A.</i>		
☐	<u>ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ТРУДОВОГО ПОТЕНЦИАЛА</u>		
	<u>МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ</u>	115-122	<u>8</u>
	<i>Козлова О.А., Лаврентьев А.С., Лобарева Н.С.</i>		
ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА И БИЗНЕСА			
☐	<u>ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ АСПЕКТОВ</u>		
	<u>ПРЕДП РИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА</u>		
	<u>СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ</u>	123-130	<u>6</u>
	<u>УЗКОСПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫХ ТЕРРИТОРИЙ</u>		
	<i>Козаков Е.М., Глухих П.Л.</i>		
☐	<u>ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ</u>		
	<u>СОЦИАЛЬНО ОТВЕТСТВЕННОЙ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ</u>	130-136	<u>10</u>
	<u>ПОЛИТИКИ</u>		
	<i>Мыслякова Ю.Г., Бронштейн С.Б.</i>		
☐	<u>ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ</u>		
	<u>КОРПОРАТИВНОГО РАЗВИТИЯ В РОССИИ: СОЦИАЛЬНАЯ</u>		
	<u>ОТВЕТСТВЕННОСТЬ БИЗНЕСА</u>	137-142	<u>11</u>
	<i>Беляева Ж.С.</i>		
☐	<u>TRANSFORMATION PROCESSES OF THE CORPORATE</u>		
	<u>DEVELOPMENT IN RUSSIA : CORPORATE SOCIAL</u>	142	0
	<u>RESPONSIBILITY</u>		
	<i>Belyaeva Z.S.</i>		
☐	<u>ЭКОЛОГИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО</u>		
	<u>РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ КАК ИНСТРУМЕНТ</u>		
	<u>РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ</u>	147-153	<u>6</u>
	<u>ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ</u>		
	<i>Беляев В.Н., Илинбаева Е.А.</i>		
ОТРАСЛЕВЫЕ КОМПЛЕКСЫ В СОЦИАЛЬНОМ РАЗВИТИИ РЕГИОНА			
☐	<u>ОЦЕНКА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ</u>		
	<u>РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ ОРГАНИЗАЦИЙ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ</u>	154-156	<u>1</u>
	<i>Леонтьев И.Л., Штейгервальд М.Б.</i>		
☐	<u>ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ИННОВАЦИИ: ПРАКТИКА</u>	157-165	0

	<u>ВНЕДРЕНИЯ КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ПОДХОДА</u> <i>Селянская Г.Н.</i>		
	<u>ИНДУСТРИЯ ТУРИЗМА РЕГИОНА В КОНТЕКСТЕ</u>		
	<u>ПРИНЦИПОВ САМОРЕГУЛИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ</u>	166-170	<u>4</u>
	<u>СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ</u> <i>Шеломенцев А.Г., Головина А.С.</i>		
	<u>ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ВНУТРЕННЕГО</u>		
	<u>РЫНКА ПРОДУКТОВ ПИТАНИЯ</u>	170-175	0
	<i>Варшавский А.Е.</i>		
ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМАХ			
	<u>РОЛЬ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В</u>		
	<u>СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ РЕГИОНА</u>	176-181	<u>15</u>
	<i>Андреева Е.Л., Ратнер А.В.</i>		
	<u>СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОДХОД К</u>		
	<u>ИССЛЕДОВАНИЮ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ</u>	182-186	<u>7</u>
	<u>РЕГИОНА</u> <i>Мингалева Ж.А., Лосева Е.Ю., Оборина Е.Д.</i>		
	<u>SOCIO-ECONOMIC APPROACH TO THE STUDY OF FOREIGN</u>		
	<u>ECONOMIC RELATIONS OF THE REGION</u>	187-191	0
	<i>Mingalyova Zh.A., Loseva E.Y., Oborina E.D.</i>		
	<u>ПРЕИМУЩЕСТВА ЮГА РОССИИ ПРИ АКТИВИЗАЦИИ</u>		
	<u>УЧАСТИЯ В НАЦИОНАЛЬНЫХ И МИРОХОЗЯЙСТВЕННЫХ</u>	191-196	<u>1</u>
	<u>ПРОЦЕССАХ</u> <i>Решиев С.С.</i>		
ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ РЕГУЛИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ			
	<u>WHY WE NEED A THEORY OF CSR</u>		
	<i>Warren R.C.</i>	197-211	0
	<u>ОСОБЕННОСТИ ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В</u>		
	<u>ВОСТОЧНОЙ ГЕРМАНИИ</u>	212-216	0
	<i>Дате М.</i>		
	<u>СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПЕНСИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ</u>		
	<u>УЗБЕКИСТАНА В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ</u>	216-223	0
	<u>НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ</u> <i>Умурзаков Б.Х.</i>		
	<u>ПОИСК НОВОЙ ПАРАДИГМЫ МЕНЕДЖМЕНТА В</u>		
	<u>УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ</u>	223-228	0
	<i>Батхурэл Г.</i>		
МНЕНИЯ И СУЖДЕНИЯ			
	<u>ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ КАК</u>		
	<u>ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СТРАНЫ</u>	229-233	<u>6</u>
	<i>Шахова О.А., Воронина Л.Н., Евтюгина А.А.</i>		
	<u>РОЛЬ СТРОИТЕЛЬНО-СБЕРЕГАТЕЛЬНЫХ КАСС НА РЫНКЕ</u>		
	<u>ИПОТЕЧНОГО КРЕДИТОВАНИЯ: МИРОВОЙ ОПЫТ И РОССИЯ</u>	234-237	<u>3</u>
	<i>Пилавова Э.Г.</i>		
	<u>ТРАНСФОРМАЦИЯ УСЛОВИЙ ЗАНЯТОСТИ В</u>		
	<u>ИНФОРМАЦИОННО-СЕТЕВОЙ ЭКОНОМИКЕ</u>	237-241	<u>4</u>
	<i>Козлов А.В., Макарова М.Н.</i>		

	<u>РАЗДЕЛЕНИЕ РОССИИ НА 20 АГЛОМЕРАЦИЙ: РЕАЛЬНОСТЬ ИЛИ УТОПИЯ?</u>	241-244	<u>4</u>
	<i>Патрушев А.В.</i>		
	<u>СОЦИАЛЬНАЯ РОЛЬ ТРАНСПОРТА В ЭКОНОМИКЕ РЕГИОНА</u>	244-248	<u>2</u>
	<i>Рощин Л.В., Гольская Ю.Н.</i>		
	<u>МЕЖДУНАРОДНЫЕ МИГРАЦИОННЫЕ СВЯЗИ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ</u>	249-251	<u>1</u>
	<i>Носов А.А.</i>		
	<u>INTERNATIONAL MIGRATION LINKS OF SVERDLOVSK REGION</u>	251-253	0
	<i>Nosov A.A.</i>		
	<u>РАЗВИТИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ СЕТЕЙ В СФЕРЕ ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА В РЕГИОНАХ</u>	253-255	0
	<i>Лисин Г.И.</i>		
	<u>СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ОЦЕНКА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ОРГАНИЗАЦИЙ АПК</u>	256-260	<u>8</u>
	<i>Светлаков А.Г., Васев С.В.</i>		
	<u>КАЧЕСТВО ТУРИСТИЧЕСКИХ УСЛУГ КАК СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ОСНОВА РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА</u>	260-263	<u>10</u>
	<i>Кобяк М.В.</i>		
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ			
	<u>ОСОБЫЕ ГРАНИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ И НЕ ТОЛЬКО</u>	264-267	<u>32</u>
	<i>Берсенев В.Л., Важенин С.Г., Павлов Б.С.</i>		
	<u>НОВАЯ ФОРМА СТРАНОВОЙ ИНТЕГРАЦИИ: МОТИВЫ И МЕХАНИЗМЫ РАЗВИТИЯ</u>	268-269	0
	<i>Перский Ю.К.</i>		
	<u>I ВСЕРОССИЙСКИЙ СИМПОЗИУМ ПО РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКЕ ЕКАТЕРИНБУРГ, 28 ИЮНЯ - 1 ИЮЛЯ 2011 Г</u>	270	0
			
ЮБИЛЕИ			
	<u>ПОДРАВЛЯЕМ С ЮБИЛЕЕМ</u>	272-273	0
			

СОЦИАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

ПЕРЕСТРОЙКА РАСПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ

А. Ю. Шевяков

В статье рассмотрены проблемы неравенства и бедности в демографической динамике. Предложена кривая распределения доходов в РФ в сравнении с европейскими стандартами. Особое внимание уделено механизмам формирования и перераспределения доходов населения, от которых в настоящее время выигрывают лишь богатые слои населения, а для динамики доходов наименее обеспеченных слоев характерна тенденция снижения.

Сегодня правительство всерьез озаботилось проблемой сохранения качества человеческого потенциала; остро стоит вопрос, как побороть бедность и преодолеть демографический кризис. Кризис еще больше обострил проблемы социальной сферы. Вкладываются огромные средства, чтобы изменить ситуацию, но ожидаемых результатов это не дает.

И дело все в том, что сложившаяся ситуация обусловлена несколькими фундаментальными причинами, которые не осознаются или не принимаются во внимание правительством при осуществлении социальной политики, неэффективность которой связана прежде всего с тем, что ее основу составляют ложные парадигмы и мифы.

Во-первых, это миф о том, что по мере экономического роста будут автоматически создаваться возможности для успешного решения социальных проблем и повышения уровня жизни большинства населения и все проблемы социальной сферы лежат в ресурсной плоскости.

Так, до сих пор социальная политика в РФ строится в соответствии с либеральной точкой зрения, согласно которой в странах, осуществляющих модернизацию экономики, рост неравенства неизбежен и представляет собой временное явление. Такие страны должны делать выбор между ограничением роста неравенства и экономическим ростом. По мере экономи-

ческого роста неравенство стабилизируется, а затем снизится до масштабов, близких к масштабам неравенства в развитых странах, и бедность, обусловленная высоким неравенством, в конечном итоге будет устранена. Именно эта точка зрения была взята на вооружение нашим правительством и определяла вектор социальной политики в период реформ¹.

Сегодня теоретические и практические исследования в этой области показывают ошибочность таких представлений.

Согласно данным Мирового банка, учитывая результаты обширных статистических исследований по странам мира, критический уровень неравенства, после которого идет падение темпов экономического роста, в терминах индекса Джини следует оценивать в 40%².

Несмотря на то что выявленная зависимость не объясняет значительной части различий между странами по масштабам неравенства и темпам экономического роста и поэтому почти не имеет предсказательной силы, статистическое подтверждение отрицательного влияния чрезмерного неравенства на экономический рост имеет очень важные политические последствия.

Еще раньше развитие теоретического моделирования неравенства привело к результату, который смутил самих теоретиков и пока остается неизвестным политикам. В динамических моделях рынка с накоплением и наследованием имущества неравенство неограниченно возрас-

¹ Исследование Мирового банка показывает, что высокое неравенство (выше 0,4 для коэффициента Джини) препятствует экономическому росту и прогрессивным преобразованиям институтов [5].

² Повышенное внимание к социальной сфере, которое в последнее время демонстрирует власть, связано, скорее, с интуитивным ощущением опасности, а не с пониманием причин и следствий процессов, происходящих в социальной сфере.

тает, а рост неравенства, не сдерживаемый прогрессивными налогами и перераспределением доходов, приводит к существенному росту доходов только богатых и обнищанию практически всего остального населения [2].

Все это, безусловно, подтверждается на практике динамикой неравенства и относительной бедности в Российской Федерации, где прогрессивное налогообложение правительством всячески отвергается.

Сегодня в России несмотря на позитивную динамику роста средних показателей денежных доходов социальная поляризация и концентрация ввиду форсированного роста самых высоких доходов не уменьшаются, а продолжают нарастать¹.

Общим следствием проводимой в стране социальной политики являются острые социально-экономические диспропорции в социальной сфере, которые выражаются, в первую очередь, в избыточном экономическом неравенстве доходов и бедности населения, беспредельно высоком неравенстве в распределении собственности и сегодня в связи с кризисом могут получить дальнейшее ускоренное развитие и еще больше обострить и так уже напряженную ситуацию в социальной сфере.

В настоящее время коэффициент Джини в РФ давно превысил критический уровень Мирового банка 0,4 и приближается к отметке 0,5². В 1990 г. относительная граница бедности (ОГБ, 60% от среднедушевого дохода) пролегла между среднедушевыми доходами 3-й и 4-й децильных групп. В начале XXI столетия пока-

затели ОГБ приблизились к среднедушевому доходу в 6-й децильной группе и вместе с неравенством продолжают расти — и тем больше, чем выше экономический рост и богаче регион. Так, в самом богатом регионе, Москве, где уровень доходов в три раза превышает средний по стране, неравенство в 2007 г. почти в два с половиной раза превышало среднероссийское: 42 против 17 в коэффициентах дифференциации

Если говорить о перспективе, то наши прогнозные оценки показателей неравенства и относительной бедности (в правительственных документах они вообще не фигурируют) в рамках стратегии 2020 для РФ и 2025 для Москвы также показывают их дальнейший рост.

Во-вторых, связывая рост благосостояния только с экономическим ростом, правительство оценивает и подменяет достижения в социальной сфере экономическими показателями³, а ориентирами для оценки успешности социальной политики и выработки мероприятий по решению социальных проблем служат в основном среднестатистические показатели, которые не только не дают реального представления о продолжающемся углубляться социально-экономическом неравенстве и бедности, о существовании и глубине проблем деформации распределительных отношений, но даже и дезориентируют.

Ярким примером здесь может служить то, как понимают и измеряют сегодня у нас бедность [1]. Показатели бедности базируются на понятии прожиточного минимума (ПМ). Выбор значения прожиточного минимума достаточно субъективен, и поэтому снижение показателя бедности может говорить не о его реальном уменьшении, а о неоправданном занижении правительством величины прожиточного минимума, отставании ее корректировки из-за роста цен и т. п. Вообще говоря, сама идеология построения этого уровня уходит своими корнями в советскую действительность, когда многие необходимые потребности населения удовлетворяло через общественные фонды потребления и семья даже с низкими доходами

¹ Из структуры доходов населения по их источникам видно, что доходы богатых подвергаются меньшей налоговой нагрузке, так как большую часть их доходов составляет не заработная плата, а другие доходы (доходы от собственности, дивиденды, и т. п.), которые облагаются налогами по значительно более низкой ставке, чем фонд заработной платы. Таким образом, реальная дифференциация еще выше, так как в проигрыше оказываются доходы от экономически активной деятельности в противовес рентным и другим.

² Мы сознательно не останавливаемся на подробном анализе имеющихся диспропорций, заметим только, что чрезмерные показатели неравенства доходов проецируются, в свою очередь, на доступность для населения таких важнейших услуг социальной сферы, как жилье, здравоохранение, образование и т. д. Так, например, коэффициент доступности жилья даже в среднем по нашим нормам находится, по европейской классификации, в области «существенно недоступно» — 10 лет, а для низкодоходной группы в Москве составляет вообще запредельную величину — 80 лет. Аналогичная ситуация в здравоохранении, когда 30% населения (1–3-й децили) имеют доступ только к 2–3% современных услуг в этой сфере.

³ Здесь интересно отметить, что случайно или нет, но во всех планах правительства по снижению бедности фигурируют не собственно показатели бедности, а показатели увеличения МРОТ, пенсий, пособий, зарплат бюджетникам и т. п. Заметное подтягивание этих показателей к прожиточному минимуму демонстрирует «серьезные» усилия правительства по решению проблемы бедности, в то время как влияние этих мероприятий на снижение показателей бедности, как мы уже отметили, относительно мало. Сам же показатель бедности и нормативы его снижения в планах правительства напрямую нигде не обозначены.

имела реально бесплатный доступ к услугам здравоохранения, образования и отдыха. Мы сколь угодно можем говорить о бесплатном образовании и здравоохранении, но сегодня даже за скорую помощь приходится платить. Эти и многие другие аспекты жизнедеятельности человека в прожиточном минимуме практически не представлены, и он является скорее уровнем выживания. Хотя о каком выживании можно говорить, когда в нем отсутствуют затраты на приобретение или аренду жилья.

Если же говорить о показателях относительной бедности, которые используются в странах ЕС, где в качестве ее границы выступают, как правило, 60% от медианного (среднего) уровня доходов, то численность относительно бедного населения России неуклонно продолжает расти. С точки зрения нормальной экономической логики (тем более логики социального государства) это представляется просто абсурдным и показывает, что деформация распределительных механизмов, связанная, прежде всего, с концентрацией доходов богатых, достигла такого уровня, при котором нарушается даже естественная логика снижения бедности по мере экономического роста.

Естественно, что такой подход к измерению бедности на фоне победных цифр снижения абсолютной (по ПМ) бедности не вписывается в логику настоящей социальной политики и не находит отражения в оценке как текущей, так и прогнозируемой ситуации.

Определяя уровень бедности на основе прожиточного минимума, правительство связывает снижение масштабов бедности только с повышением МРОТ, зарплаты бюджетникам, пенсий и других пособий, выделяя для этого дополнительные средства. И можно было бы оставаться сторонником такого подхода к оценке бедности и вытекающих из него «очевидных» мероприятий по ее снижению (увеличения МРОТ, пенсий, пособий, зарплат бюджетникам и т. п.), если бы только не низкая эффективность этих мероприятий: только 12–15% выделяемых на эти цели ресурсов попадают к действительно бедным¹. К тому же, как показывает детальный анализ на уровне различных доходных групп населения, даже достаточно ра-

дикальные предложения по повышению МРОТ и пенсий, которые в последнее время афишируются многими экономистами и политиками, не могут привести к заметным успехам в плане снижения бедности и уменьшения избыточного неравенства.

Однако многочисленные исследования, в том числе и международные сопоставления, свидетельствуют о том, что без активной перераспределительной государственной политики экономический рост не приводит к снижению масштабов неравенства и бедности. Так, для РФ прогнозные расчеты показывают, что проблема снижения масштабов высокого неравенства и относительной бедности без институциональных преобразований в сфере распределительных отношений не решается автоматически, даже несмотря на высокие темпы экономического роста, и будет только углубляться.

В-третьих, при подготовке социально-экономических решений задачи макроэкономической и социальной политики рассматриваются, как правило, отдельно, без четкого представления о влиянии состояния и качества социальной среды на социально-экономическое развитие страны.

Финансирование социальной политики все еще продолжает строиться по остаточному принципу, а успешность решения социальных проблем ставится в зависимость от экономического роста, а не от реальной потребности².

Такому положению дел в многом способствует тот факт, что обратное влияние социальных факторов и качества социальной среды на экономическую динамику в социально-экономической политике осознается лишь на вербальном уровне и в реальных расчетах во внимание практически никак не принимается³.

Такой подход в условиях сравнительно высоких темпов экономического роста и благоприятной внешнеэкономической конъюнктуры позволял правительству увеличивать бюджетные расходы, в том числе на увеличение пенсий, пособий, МРОТ, зарплат в бюджетной сфере и т. п. и тем самым создавать иллюзию эффективной социальной политики.

¹ Дело в том, что повышение зарплат и пенсий происходит применительно конкретной личности, а уровень бедности измеряется по отношению к домохозяйствам. А пенсионеры, бюджетники и пр. присутствуют и в богатых, и в бедных домохозяйствах, что приводит к размыванию эффекта мероприятий по повышению МРОТ, пенсий и др. по всем доходным группам.

² Это хорошо видно на примере уровня детских пособий, которые покрывают всего несколько процентов дефицита доходов в бедных семьях, или материнского капитала, уровень которого несопоставим с ценами на жилье или образование.

³ Точно так же, как нет и четких представлений об эффективности влияния вкладываемых ресурсов на те или иные социальные показатели.

Однако несмотря на определенные усилия правительства по увеличению оплаты труда в бюджетной сфере, ее уровень еще далеко не адекватен реальной значимости и важности для государства труда работников этой сферы. Анализ выявляет также недостаточный уровень социальной поддержки со стороны государства малоимущих (прежде всего детей), уровень бедности которых в два раза выше, чем средний по стране.

Простое увеличение бюджетных расходов (а кризис ограничивает возможности дальнейшего роста расходов государства на социальные нужды) в рамках принятой парадигмы в принципе не может привести к существенным изменениям в решении проблемы снижения уровня неравенства и бедности, так как не устраняет причин, порождающих это неравенство. Не говоря уже о том, что для радикальных изменений необходимы огромные дополнительные ресурсы, а это инфляционные риски¹.

Вместе с тем условия и предпосылки развития человеческого потенциала определяются распределением ресурсов между людьми, и от характера этого распределения данное развитие зависит не меньше, а даже больше, чем от количества самих ресурсов. Конечно, общее количество таких ресурсов зависит от успехов в экономической сфере, но от того, как они распределяются, в итоге зависит и сам экономический рост. Для эффективного социально-экономического роста доходы большинства населения должны быть выше определенных функциональных границ, ниже которых у людей возникают трудности по реализации своих репродуктивных желаний, поддержанию здоровья и получению образования, а качество трудовых ресурсов общества и система стимулирования должны быть настроены на максимальное ис-

¹ Сравнение с развитыми странами показывает кардинальные отличия характера обеспеченности различных групп населения РФ от обеспеченности населения США и Европы, в том числе резкий, все увеличивающийся крен распределения доходов в пользу 15–20% богатого населения, и позволяет получить представление о характере и масштабах таких институциональных изменений. В частности, для того чтобы приблизить *относительное* соотношение доходов разных групп населения к западноевропейским стандартам, необходимо поднять доходы 75–80% населения начиная с самой низкодоходной группы почти в три раза в среднем с постепенным убыванием этого коэффициента вплоть до 8-й группы, и ограничить, не выходя за рамки существующих в этих странах нормативов, доходы только 15–20% богатого населения. Особенно значительна эта разница для Москвы: здесь доходы нижней группы необходимо поднять почти в семь раз!

пользование возможностей производительных сил общества. Точно также демографическая проблема не может быть решена даже несколькими газпромами — нужно настроить на ее решение и обеспечить возможностями большинство жителей страны. Именно на это должны быть ориентированы уровень и распределение ресурсов для воспроизводства человеческого капитала и соответствующие распределительные механизмы. И основное значение здесь имеет распределение доходов населения². Системной характеристикой такого распределения ресурсов является социально-экономическое неравенство³, а его системная роль в определении совокупных функциональных возможностей населения выражается в том, что при одних и тех же интегральных значениях фундаментальных факторов (ресурсов) общий уровень осуществимости и доступности каждой из значимых для развития человеческого потенциала функций может варьироваться в широких пределах. Являясь таким системным и, по существу, определяющим динамику социально-экономических факторов, неравенство доходов почти всегда оставалось на периферии проблемного поля не только социальной политики, но и экономической теории. Отсутствие четких, научно обоснованных представлений о прямых и обратных связях неравенства и социально-экономического роста давало почву для формирования неверных, глубоко ошибочных точек зрения, которые составляли основу социально-экономической политики. Интересно сравнить при этом уровень европейских стандартов и наших «достижений» в росте показателей неравенства и бедности. Для того чтобы понять, как и насколько наша ситуация отличается от стандартов распределительных отношений в развитых странах и в какую сторону должна быть направлена реформа этих отношений в России, мы пошли по пути сравнения параметров кривой распределения доходов населения РФ и кривой, близкой к среднеевропейскому стандарту: относительная бедность 10–14%, коэффициент

² Если говорить о ресурсном аспекте социальной политики, то ее основу составляют бюджет и доходы населения. Здесь мы не рассматриваем вопросы формирования и распределения бюджета по социальным статьям — это тема отдельного разговора. При всей их значимости острота проблем в сфере распределения и перераспределения доходов населения и их обратного влияния на экономические и демографические процессы значительно выше.

³ Среднестатистические показатели никак не могут дать представление о таком неравенстве, и оно вообще выпадает из поля зрения.

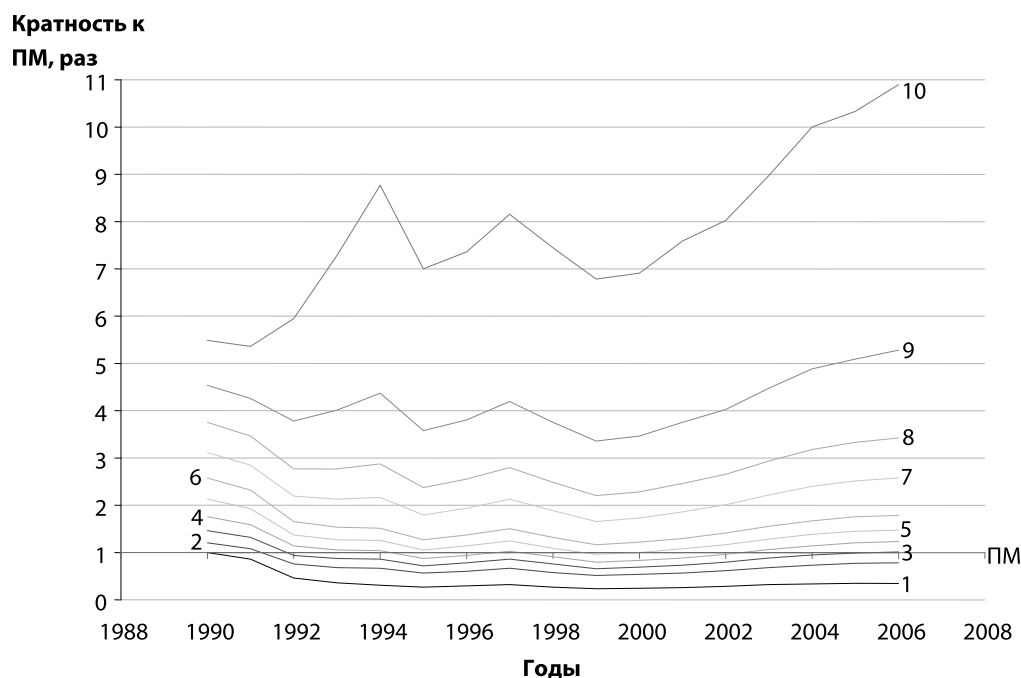

Рис. Динамика соотношения доходов

дифференциации — 7–8¹. Несмотря на достаточно иллюстративный характер, такой анализ достаточно точно характеризует направление и порядок необходимых изменений (табл.).

Так, для приведения кривой распределения доходов в РФ к европейским стандартам распределения необходимы ограничение роста доходов только в двух последних децилях, не превышающих существующую в этих странах ставку регрессионной шкалы налогов, увеличение доходов 80% населения: почти в три раза для 1-го дециля с постепенным убыванием такого роста вплоть до 8-го дециля включительно. Здесь следует отметить, что настройка распределительных механизмов подобно европейским практически совпадает с требованиями, которые предъявляет к ним, если так можно сказать, «оптимизация» социально-экономической и демографической динамики.

У нас же существующие сегодня механизмы формирования и перераспределения доходов населения настроены и работают в пользу богатых, большая доля совокупного роста доходов уходит на рост доходов наиболее обеспеченных

¹ Такие характеристики неравенства обусловлены, в первую очередь, прогрессивной системой налогообложения и позволяют европейцам иметь пенсионное обеспечение на уровне 50–90% от средней зарплаты против 20% у нас; сам этот уровень зарплат в бюджетной сфере и МРОТ почти в 10 раз отличается от МРОТ в РФ, и, что самое главное, может обеспечить высокий уровень социальных гарантий и достойный уровень жизни для большинства населения и эффективное развитие человеческого потенциала.

Таблица

Необходимые изменения денежных доходов

Дециль	Необходимые изменения ДДД в децилях, % по отношению к существующему ДДД*	
	Москва	Средние по РФ
1	646	292,4
2	403	217,7
3	306	184,0
4	245	160,6
5	201	142,1
6	165	126,5
7	135	111,9
8	108	102,4
9	81	82,1
10	42	55,7

* ДДД — душевой денежный доход.

слоев населения, а на повышение доходов наименее обеспеченных остаются крохи (см. рис).

Таким образом, в результате реформ в России выиграли только 20% наиболее обеспеченного населения (9-я и 10-я децильные группы)². Группы населения со средними (близкими к медиане) доходами не только не разбогатели, но и

² Причем в 2006 г. соотношение дохода 9-й децильной группы с прожиточным минимумом увеличилось по сравнению с 1990 г. только на 16%. А соотношение с прожиточным минимумом дохода верхней, 10-й группы выросло за тот же период двукратно! Заметим, что в период с 2000 по 2006 гг. ВВП России вырос на 58%, тогда как соотношение доходов верхней группы с прожиточным минимумом выросло на 72%.

не восстановили тот уровень благосостояния, который они имели в 1990 г. А группы населения с самыми низкими доходами остались за чертой абсолютной бедности.

Все это означает, что отдельные группы населения имеют институциональные преимущества, что позволяет наиболее обеспеченным перетягивать эффекты экономического роста на себя. Все это в полной мере подтверждается тем, что, как мы уже отмечали, численность относительно бедного населения России неуклонно продолжает расти.

С точки зрения нормальной экономической логики (тем более логики социального государства) это представляется просто абсурдным и показывает, что деформация распределительных механизмов, связанная, прежде всего, с концентрацией доходов богатых, достигла такого уровня, когда нарушается даже естественная логика снижения бедности по мере экономического роста¹.

Правительство, находясь, как мы уже отмечали, в плену ложной парадигмы и не понимая, что речь идет не о недостатке ресурсов, а об институциональных дефектах системы, не может осуществлять эффективную социальную политику.

Все это свидетельствует о том, что проблема избыточного неравенства и относительного обнищания населения правительством не осознается и не ставится как важнейшая социальная проблема, а проблема развития социальной сферы сводится лишь к росту абсолютных показателей.

¹ Говоря о динамике показателей бедности и возможных путях снижения ее масштабов, необходимо ясно представлять разницу понятий абсолютной и относительной бедности. Динамика показателей абсолютной бедности, расчет которой базируется на понятии прожиточного минимума, помимо динамики показателей доходов, совершенно естественно зависит от значения и динамики изменений этого минимума. Выбор значения прожиточного минимума достаточно субъективен, и поэтому снижение показателя бедности может говорить не о его реальном уменьшении, а о неоправданном занижении правительством величины прожиточного минимума, отставании ее корректировки из-за роста цен и т. п.

Показатели относительной бедности, где в качестве ее границы выступает, как правило, 60% от медианного (среднего) уровня доходов, используются в странах ЕС. В российских условиях, когда за счет высокого неравенства средний уровень дохода значительно ниже среднедушевого дохода, мы берем в качестве границы относительной бедности 60% от среднедушевого дохода. Такой подход является, на наш взгляд, более информативными с точки зрения характеристики имманентных свойств механизмов распределения доходов.

В основе этого, как мы уже говорили, лежит, в числе прочего, и непонимание того, насколько мощное обратное воздействие на экономическую и демографическую динамику оказывает социально-экономическая дифференциация населения.

Исследования в этой области, проведенные в ИСЭПН РАН в последние годы и основанные на структурном разложении неравенства, не только дают ключ к пониманию этих связей, но и позволяют с хорошей статистической значимостью дать им количественную оценку. Они вскрыли новые, неизвестные до настоящего времени закономерности влияния относительных показателей неравенства и бедности на экономический рост, демографическую динамику и качество человеческого капитала. И здесь, как показал анализ, именно относительные показатели уровня жизни различных слоев или групп населения проявляют устойчивые и статистически значимые связи с показателями экономического роста и демографической динамики.

Количественная оценка эффектов взаимодействия социальных и экономических факторов является важным и принципиально новым результатом разработанной нами теории и методологии анализа влияния социально-экономической дифференциации населения на экономическую и демографическую динамику, которая позволяет утверждать, что факторы избыточного неравенства и высокой относительной бедности являются определяющими в объяснении динамики социально-экономических и демографических показателей.

Наш новый подход базируется на двух основополагающих моментах.

Во-первых, как показали многочисленные исследования, общие показатели неравенства (например, коэффициент Джини или дифференциации) не проявляют заметных статистических связей ни с показателями экономического роста, ни с демографической динамикой. Дело в том, что показатель неравенства может быть одним и тем же в двух диаметрально разных ситуациях: когда много богатых и когда мало бедных и когда много бедных и мало богатых. А само влияние неравенства на экономическую и демографическую динамику также носит двоякий характер. С одной стороны, возможность достижения высоких доходов и потребительских стандартов стимулирует людей на более качественный, квалифицированный и интенсивный труд, что положительно влияет на экономический рост. С другой — часть населения,

живущая за чертой относительной бедности, испытывает нейропсихологическую напряженность, связанную с низкой оценкой социальных перспектив, безвыходностью социально-экономического положения, отсутствием путей для желаемой реализации своего человеческого потенциала. Эффект негативного социального напряжения подобен эффекту тяжелой депрессии, при которой ценность жизни утрачивается.

Во-вторых, для разделения положительных и отрицательных эффектов неравенства и выявления статистических зависимостей мы производим разложение общих показателей неравенства на структурные компоненты, исходя из того, что различным видам экономического, социального и демографического поведения населения соответствуют определенные функциональные границы, или пороговые уровни, доходов, переход через которые необходим для того, чтобы соответствующие виды поведения были полноценно осуществимыми¹. Определение такой функциональной границы для того или иного вида активности позволяет не просто фиксировать размеры существующего неравенства, а подразделить его на нормальное и избыточное неравенство с точки зрения осуществимости человеческих возможностей. Неравенство доходов выше функциональной границы мы интерпретируем как нормальное, а неравенство доходов ниже нее — как избыточное.

Именно после такого подразделения (на основе статистической оценки соответствующих функциональных границ и их изменчивости при изменяющихся условиях) объяснение воздействия неравенства на макроэкономические и демографические показатели приобретает окончательную ясность, которую искали, но не могли найти до этого многочисленные исследователи.

На основе этой новой методологии были проведены обширные исследования взаимосвязей структурно-функциональных характеристик экономического неравенства с основными

показателями социально-экономического и демографического развития России в целом и ее отдельных регионов. Анализ таких связей показал, что нормальное неравенство всегда обнаруживает себя как позитивный фактор, а избыточное — как негативный, и динамика социально-экономических и демографических процессов хорошо объясняется динамикой соотношений между этими факторами².

Так, из совместного анализа значений функциональных границ по экономическому росту и демографической динамике и соотношений доходов по децильным группам населения с этими функциональными границами следует, что значения таких границ в 2–2,5 раза превосходят прожиточный минимум и составляют 60–70% среднедушевого дохода. Доходы более 60% населения лежат ниже этих границ, что не позволяет этой большей части населения эффективно реализовывать себя в экономике и накладывает ограничения на их здоровье и репродуктивное поведение.

Выявленные статистические зависимости позволяют говорить об исключительной значимости фактора неравенства в российских условиях: при оптимальном перераспределении доходов, снижающем величину коэффициента дифференциации до 7–10, рост ВВП в период 2000–2007 гг. мог бы быть выше фактического на 30–50%, а при годовом росте реальных доходов — на 10%, в принципе, можно было бы выйти на положительный естественный прирост населения в размере 3,3 промилле³.

Таким образом, можно сказать, что параметры распределительных механизмов, когда неравенство находится в пределах значений 7–9 для коэффициента фондов, являются оптимальными как в экономическом, так и в общестратегическом (в том числе геополитическом) плане. Именно при таких параметрах распределения большая часть населения сможет

¹ Наш подход развивает теорию человеческих возможностей Амартии Сена, в которой осуществимость тех или иных функциональных возможностей человека связывается не просто с уровнем его дохода, но и с его положением в распределении доходов в обществе. Наша инновация состоит в том, что с помощью введения понятия функциональной границы и соответствующего разложения неравенства доходов на нормальную и избыточную составляющие мы придаем идеям Сена операциональное содержание, включая возможности статистического измерения и использования соответствующих показателей при разработке прогнозов.

² Тот же самый вывод следует из анализа по странам мира, где показатели нормального и избыточного неравенства позволяют с высокой точностью отразить влияние неравенства на уровень продуктивности экономики и экономического роста.

³ Более детальный анализ и оценка системного эффекта воздействия снижения неравенства на демографическую динамику демонстрируют прогноз численности населения РФ до 2050 г.: при условии сохранения на перспективу полученных на статистике 1990–2006 г. закономерностей взаимодействия этих факторов прирост населения к 2050 г. мог бы составить 15–19 млн чел., а численность населения России могло бы возрасти на 159–161 млн чел. (только за счет внутренних возможностей, без учета эффекта миграции).

реализовывать свои чаяния в экономическом и репродуктивном поведении, сохранении своего здоровья, наращивании человеческого потенциала и т. п., и они являются общественно справедливыми.

Итак, на сегодняшний день мы видим, что основная проблема неравенства и бедности населения инициирована не недостатком ресурсов, а механизмами их распределения и перераспределения. Этот вывод представляется очень важным в современных условиях, когда кризис ограничивает возможности дальнейшего роста бюджетных расходов государства на социальные нужды.

Все это требует радикальной смены парадигмы социально-экономической политики и ее переориентации на нужды большинства населения, которая невозможна без радикальной перестройки распределительных отношений.

Перераспределение доходов — это и ключевой момент, и системный и принципиально важный способ создания оптимальных условий для ускорения экономического роста и изменения направления вектора демографической динамики. Без увеличения налоговой нагрузки на сверхдоходы и увеличения доходов малоимущих мы проблему нарастающей относительной бедности и увеличивающегося разрыва «бедные — богатые» не решим.

Наши расчеты показывают принципиальную возможность подобного перераспределения. Такая коррекция может быть осуществлена не путем вливания дополнительных средств, а только перестройкой распределительных механизмов (в пределах существующих в Европе и США нормативов), когда одновременно с увеличением доходов малоимущих происходят

сокращение разрыва в темпах роста доходов богатых и бедных и перенос тяжести налоговой нагрузки на богатые слои населения.

Как показывает анализ, переход на «оптимальный» характер перераспределения доходов может затронуть не более 8—9% общего объема доходов и значительно (до 7—10 в значении децильного коэффициента дифференциации) снижает неравенство, абсолютную и относительную бедность.

Одновременно с этим необходимы серьезная модификация и расширение системы статистики социальной сферы, куда следует включить структурно-функциональные показатели неравенства и относительной бедности, которые должны стать ключевым ориентиром согласованной экономической, социальной и институциональной политики.

Список источников

1. Демографическая политика в регионе: проблемы и перспективы : сб.ст. / Под ред. д.с.н. А. И. Кузьмина. Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 2010. 196 с.
2. *Atkeson A., Lukas R. E.* On efficient distribution with private information // *Review of Economic Studies*. 1992. 59. №3. P. 427-453.
3. *Farhi E.* Werning. Inequality, social discounting and estate taxation // *Farhi*. NBER working paper. 2005. №11408. [Electronic resource]. URL: <http://www.nber.org/papers/w11408>
4. *Phelan C.* On the long run implications of repeated moral hazard // *Journal of Economic Theory*. 1998. 79. №2. P. 174-191.
5. World Bank. *Equity and Development*. World Development Report 2006. N.Y.: The World Bank and Oxford University Press, 2006

УДК 314.15(1)

ключевые слова: социально-экономическое развитие, социальная сфера, динамика неравенства и относительная бедность в Российской Федерации

РЕГИОН КАК САМОРАЗВИВАЮЩАЯСЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА: ПЕРЕХОД ЧЕРЕЗ КРИЗИС¹

А. И. Татаркин, С. В. Дорошенко

В статье развиваются представления о сущности саморазвития региональной социально-экономической системы, рассматриваемой в ранге субъекта Российской Федерации, раскрывается понятие адаптивного потенциала, приводятся результаты его расчета по авторской методике на примере Свердловской области за докризисные 2006–2007 гг. и кризисные 2008–2009 гг.

Слово «кризис», написанное по-китайски, состоит из двух иероглифов: один означает «опасность», другой — «благоприятная возможность». Джон Кеннеди

Несмотря на то, что пик обращения экономистов, политологов, социологов к идее регионального саморазвития пришелся на 1990-е годы, она по-прежнему не утратила свою значимость [1, 2]. Более того, сегодня мы можем говорить о своеобразном возрождении интереса к этой парадигме со стороны регионалистов, поскольку уникальная сложная территориальная организация России, своеобразие протекающих процессов, тенденции мирового развития доказывают, что принцип саморазвития сохраняет большое значение для современной региональной политики. При этом периоды кризисного развития не становятся исключением, в особенности если не трактовать кризис как сугубо негативное явление.

Неоспоримо, что кризисы являются неотъемлемой частью эволюционного процесса. Именно с понятием эволюции по традиции связывается представление о восходящем движении, в котором каждый следующий шаг содержит в себе накопления предыдущих шагов. В любой системе отчета на траектории этого движения различимы отрезки медленного и быстрого восхождения. В итоге создается картина движения, в котором сопрягаются, складываются тенденции направленного восходя-

щего и циклического возвратного развития. На выходе получается классическая эволюционная спираль с закономерно вписанными в нее кризисными этапами [3].

Однако современные экономические кризисы уже не рассматриваются только как закономерная фаза цикла конъюнктуры, о чем когда-то писали Н. Д. Кондратьев [4], М. И. Туган-Барановский [5], а в дальнейшем и другие известные отечественные и зарубежные экономисты [например, 6, 7].

Все больше появляется публикаций, где обосновывается тезис о том, что сегодняшние кризисы организуются и провоцируются сознательно, их протекание часто не сопровождается классическими процессами и явлениями, свойственными кризисам XIX и первой половины XX столетия, их возникновение предопределяется необходимостью решения конкретных политических задач экономическими методами [к примеру, 8].

Но каковы бы ни были истинные причины возникновения мирового кризиса, начавшегося в 2008 году, — политические или исключительно финансовые, трудно опровергнуть его масштаб и глубину вызванных им потрясений даже в странах, население которых принято относить к так называемому золотому миллиарду. Неслучайно известный норвежский предприниматель и историк экономической мысли Эрик Райнерт отмечает, что «нынешний финансовый кризис в Евросоюзе и США знаменует наличие «структурных корректировок» в центрах мировой экономики. Теперь им самим грозит пройти через то, что выпало на долю Латинской Америки в 1980-е и Восточной Европы в 1990-е годы — деиндустриализация и падение реальных доходов» [9].

Безусловно, этот кризис нанес серьезный урон финансовому и реальному сектору экономики российских регионов, обнажил проблемы, выявил слабые звенья.

Целью авторов статьи не является представление данных о ситуации в одном из признанных регионов-лидеров России — Свердловской области, за 2008–2010 гг. При желании с ними можно ознакомиться на официальном сайте Министерства экономики и труда Свердловской

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке УрО РАН — проект № 09-П-6-1003 «Закономерности формирования и функционирования саморазвивающихся экономических систем (хозяйствующих агентов, территорий, регионов) на основе использования передовых организационных и управленческих технологий» Программы фундаментальных исследований Президиума РАН

области, почерпнуть из других официальных статистических документов.

В рамках данной публикации на базе авторской методики через одну из ключевых функций саморазвивающейся системы — адаптацию, оцениваются произошедшие социально-экономические изменения в Свердловской области в период 2008–2009 гг., а также кратко характеризуются выбранные федеральными и региональными властями механизмы выхода из сложившейся ситуации, поскольку сегодняшняя рефлексия сознания во многом определяет вектор завтрашнего развития.

Предварим основные результаты исследования небольшой справочной информацией. По оценкам различных экономистов, Свердловская область обладает высоким социально-экономическим потенциалом. По мнению региональных официальных структур, Свердловская область относится к территориям с благоприятными условиями для развития бизнес-сообщества [10].

Международные рейтинговые агентства с 2004 г. оценивают кредитный рейтинг области на уровне В+ (прогноз — «позитивный»). В декабре 2008 года рейтинговое агентство Standard & Poors подтвердило долгосрочный кредитный рейтинг Свердловской области на уровне «ВВ», вместе с тем прогноз по рейтингу изменен с «позитивного» на «стабильный». При подтверждении рейтинга учитывалось, что Свердловская область — один из наиболее промышленно развитых регионов Российской Федерации. Компанией Standard & Poors учитывались низкий уровень долга, нацеленность администрации на поддержание сбалансированного бюджета в среднесрочной перспективе, большой объем накопленного основного капитала в промышленности и высокий уровень благосостояния в области (в российском контексте). Прогноз «стабильный» отражал мнение компании Standard & Poors о том, что в 2009–2010 гг. администрация Свердловской области сумеет сдерживать рост расходов и поддержать сбалансированный бюджет, не допуская снижения текущего профицита до среднего уровня ниже 5% текущих расходов. Кроме того, компания Standard & Poors исходила из предположения о том, что долг области останется на низком уровне [11].

Однако с началом кризиса область в числе еще 17 субъектов попала в группу регионов, где наблюдалась самая тяжелая ситуация [12].

Каким же образом региональная социально-экономическая система в целом воспри-

няла изменения в макросреде? Где наибольшие потери и что окажется спасательным кругом для системы? Как сокращение ресурсов скажется на реализации способности региона к саморазвитию?

Напомним, что под саморазвитием территориальных экономических систем понимается устойчивая способность региона (муниципального образования) в условиях сложившейся в обществе макросреды обеспечивать расширенное воспроизводство валового регионального продукта за счет имеющегося потенциала собственных ресурсных возможностей и доходных источников в интересах реализации как макроэкономических целей и общенациональных приоритетов, так и внутрирегиональных целевых установок системного характера [2, с. 4–5].

Таким образом, саморазвитие региональных экономических систем предполагает обязательное наличие двух системообразующих признаков: внутренней самодостаточности, обеспечивающей долговременную устойчивость регионального развития за счет имеющихся ресурсов, целевых установок и способности к автономной перенастройке региональных подсистем, благоприятных внешних условий, определяющих в своей совокупности устойчивое сбалансированное саморазвитие региона на стратегическую перспективу.

Если внутрирегиональная самодостаточность региональной экономической системы обеспечивает источники ее развития и воспроизводства ВРП, простого или расширенного, то внешние условия призваны формировать и воспроизводить общественно-политическую, законодательную, макроэкономическую и внешнеэкономическую среду, способную обеспечивать наиболее полное и результативное использование территориальных возможностей и ресурсов для реализации общефедеральных и региональных целевых задач.

Вышесказанное позволяет сформулировать своеобразную триаду необходимых императив регионального саморазвития: «внутренние ресурсы — внешние условия — ценностные ориентиры».

На наш взгляд, что важно именно наличие ценностных ориентиров, качественных целей развития региональной социально-экономической системы, без которых расширенное воспроизводство экономики может просто приобрести, как отмечал американский писатель Эдуард Эбби, «идеологию раковой клетки — рост ради роста».

Такой подход и позволяет рассматривать саморазвитие региона и как реализацию способности к относительно самостоятельному целенаправленному качественному социально ориентированному расширенному воспроизводству имеющихся ресурсов в условиях средовых взаимодействий различных уровней [13].

Саморазвитие ни в коем случае не означает изолированность региональной системы от макросреды, разорванность мезо- и макропроцессов. Скорее, наоборот, — наблюдается своеобразное уравнивание их роли в саморазвитии. Невольно напрашивается аналогия с одним из важнейших принципов дзен-буддизма — равенство творческой активности творящего (в нашем случае — макросреды) и творческой активности воспринимающего творение (региона). Не исключается и подчинение воспринимающим творящего.

Иными словами, с одной стороны, макросреда создает сама условия для саморазвития региона. С другой — возникающие изменения во внешней среде вызывают необходимость адекватного и желательно быстрого реагирования на них со стороны региона. Эндогенные факторы находятся под постоянным воздействием экзогенных, вынуждены приспосабливаться к происходящим изменениям. Если же региональная система по каким-либо причинам не рефлексирует, не дает ответной реакции на вызовы внешнего окружения, ее внутренние подсистемы не выстраивают должного взаимодействия с ним, то все это в итоге приводит к понижению динамики развития региона, отключая одновременно механизмы саморазвития или так и не включая их.

Для этого система должна обладать способностью совершенствоваться, реагировать на неблагоприятные факторы и нейтрализовать их за счет мобилизации своих ресурсов, а также соблюдать ответственность в отношениях между субъектами. Поэтому присутствие двух последних ограничений авторами характеризуется как низкий уровень адаптации региональной экономической системы. Это позволяет говорить об уровне адаптации, который является результатом средовых взаимодействий, как о базисном условии саморазвития региона.

Адаптация является междисциплинарным термином, активно используемым во многих областях знаний как естественно-научного, так и социально-гуманитарного направления. Применительно к региональным системам этот сложнейший и интереснейший процесс рас-

смотрен авторами в ранее опубликованных работах [14, 15].

При исследовании адаптации регионов к условиям саморазвития возникает необходимость включения в нее элемента креативности без разделения адаптивного и креативного поведения, за первым остается лишь управление имеющимися ресурсами (как это было сделано когда-то Й. Шумпетером). Таким образом, регионы должны обладать адаптивным потенциалом, под которым понимается совокупность мобилизационных возможностей региона, а также механизмы их вовлечения в процессы, не только обеспечивающие необходимое приспособление к средовым взаимодействиям, но и закладывающие определенную основу для дальнейшего развития региона.

Оценивая реализацию адаптивного потенциала, мы можем говорить об уровне адаптации региона к определенным условиям. Как и любой показатель, который используется для характеристики системы, а также для сопоставлений и сравнений, адаптивный потенциал региона должен быть оценен количественно.

В настоящее время при одновременном существовании большого количества методик оценки различных потенциалов региона: инвестиционного, инновационного, финансового, налогового и других, а также подходов к оценке уровня социально-экономического развития субъектов РФ в практике отсутствуют методики оценки адаптивного потенциала регионов.

В опубликованных ранее работах выделялись три критерия, по которым можно оценить способность того или иного региона к саморазвитию:

- превышение среднего значения по Российской Федерации прироста валового регионального продукта в течение длительного времени;
- обеспеченность роста ВРП собственными доходными источниками;
- стабильное поддержание положительного сальдо торгового и финансового (платежного) баланса региона [2, с. 8-9].

Однако регион является не только финансово-экономической, но и сложной социальной системой. Кроме того, региональная система как целостность формируется множеством подсистем и взаимосвязями между ними.

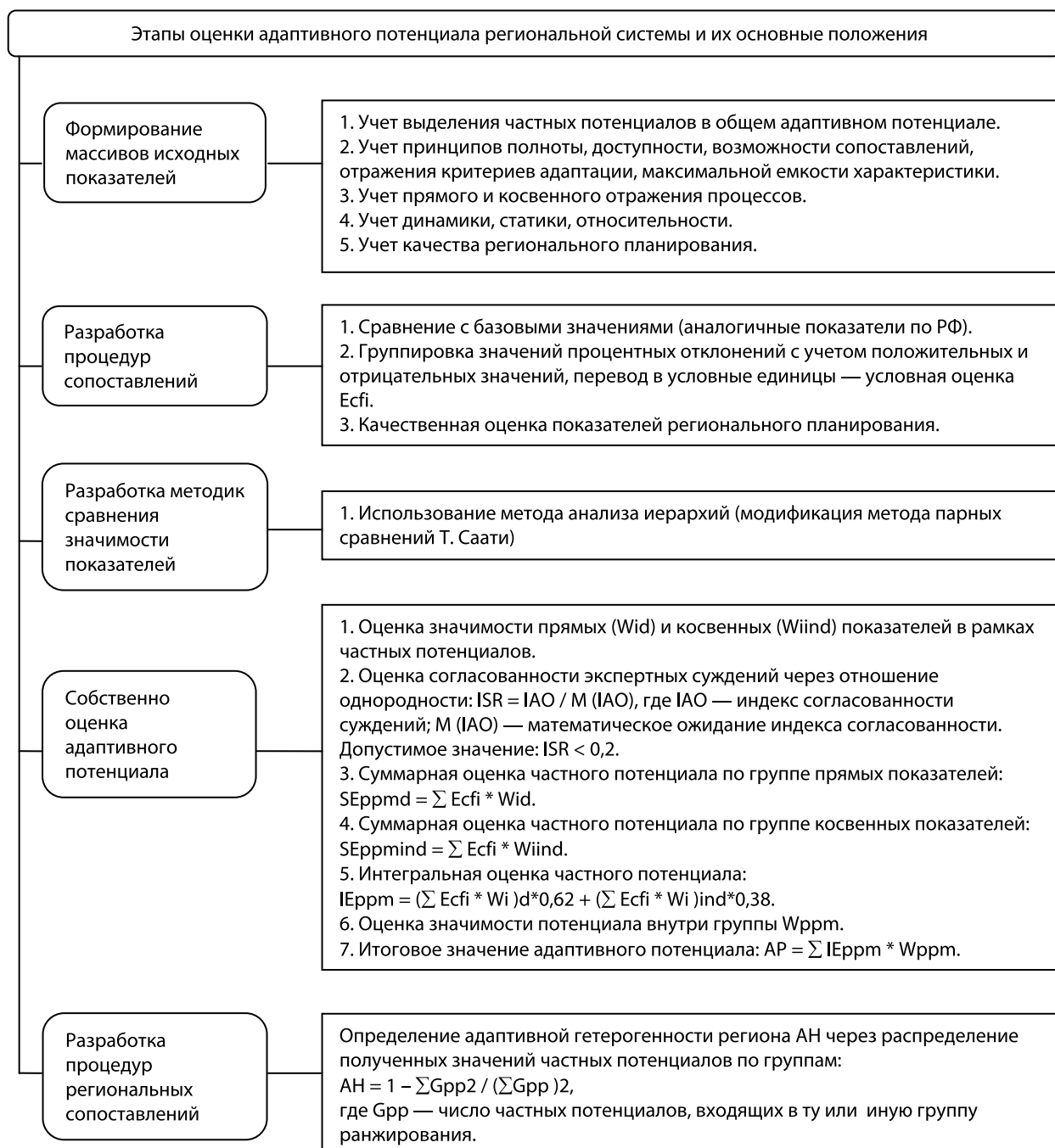
Поэтому, говоря об уровне адаптации региональной социально-экономической системы к условиям саморазвития, недостаточно опираться только на финансовые показатели, хотя

они имеют исключительно важное значение при первоначальном выборе регионов, способных реализовать модель саморазвития.

В рамках одного из направлений эволюционной региономики, представляющей собой совокупность концептуальных научных положений и теоретических инструментов анализа по изучению необратимо развивающейся региональной социально-экономической системы с позиции современного (синергетического) эволюционизма, предусматривается выделение

в составе ресурсов региона поисковой или мобильной части, отвечающей за способность к изменениям, и консервативной части, отвечающей за способность наследовать [16].

На основании такого подхода в адаптивном потенциале также выделены две составляющие: консервативная и переменная. В состав консервативной (наследной) части включены следующие частные потенциалы: ресурсно-сырьевой, производственный, экологический, трудовой, инфраструктурный, научно-образовательный,

Рис. 1. Концептуальная схема методического подхода к оценке адаптивного потенциала региональной социально-экономической системы

культурный, теневой (оказывает понижающее влияние на значение общего адаптивного потенциала). Переменная (мобильная) часть адаптивного потенциала состоит из следующих суб-потенциалов: предпринимательского, инновационного, инвестиционного, финансового, внешнеэкономического, социального, демографического и управленческого. Содержание всех шестнадцати частных потенциалов раскрыто в работе [14].

Наследная часть по своему содержанию имеет ресурсный характер, а поисковая — процессный. Соотношение ресурсных и процессных возможностей, преобладание тех или иных оказывает непосредственное влияние на формирование стратегии развития системы. Изменение пропорций в структуре потенциала может являться основой общей концепции управления социально-экономическим развитием субъектов РФ.

Адаптивный потенциал региона является комплексной характеристикой, для оценки которой достаточно сложно подобрать единый показатель. Поэтому все выделенные частные потенциалы представляют собой результаты интегральной оценки по различным показателям. Уровень каждого частного потенциала с позиции адаптации должен соответствовать определенным критериям [14].

Концептуальная схема предлагаемого методического подхода к оценке адаптивного потенциала региона, отражающая этапы и их основное содержание, представлена на рис. 1.

Каждый из частных потенциалов оценивается по предложенным авторами 137 показателям. Показатели представляют собой две группы — прямые и косвенные. Учет взаимосвязей косвенных показателей позволяет более полно представить тот или иной потенциал.

Рассматриваемые показатели имеют разные единицы измерения, некоторые из них по своему характеру являются комплексными. Для приведения показателей в сопоставимый вид применяется метод сравнения с базовыми значениями. В качестве базы сравнения приняты аналогичные показатели по Российской Федерации как основной составляющей внешней среды, вызывающей изменения в регионе. В подходе учтено, что показатели могут иметь отклонения как в лучшую, так и в худшую сторону. При расчетах суммарных показателей это регулируется знаками плюс или минус.

Для принятия решений относительно значимости каждого показателя внутри рассмат-

риваемых потенциалов, а также относительно значимости каждого из потенциала в целом в консервативной или переменной группе применяется метод анализа иерархий, позволяющий определить весомость каждого элемента посредством иерархической декомпозиции задачи и рейтингования альтернативных решений.

С помощью показателя адаптивной гетерогенности можно определить, насколько в конкретный момент времени существенны различия в уровне адаптации подсистем региона. Чем меньше значение показателя гетерогенности АН, тем выше уровень адаптивной однородности внутренней среды региона, что говорит о нахождении сообществ или подсистем на одной стадии адаптивных процессов. Это является информацией высокой значимости для выработки и согласования решений в сфере регулирования регионального развития, а также для выбора более действенных адаптивных механизмов.

Помимо расчета общего уровня адаптивного потенциала всего региона с помощью предлагаемого подхода, исходя из значений частных потенциалов, можно оценить уровень адаптивных потенциалов отдельных сообществ или подсистем внутри региона.

В целом предлагаемый подход позволяет варьировать значимость каждой составляющей в зависимости от цели адаптации и выбранной модели поведения, что в конечном итоге не только меняет значение адаптивного потенциала, но и влияет на выбор механизмов адаптации, которые также включаются в понятие адаптивного потенциала.

Кроме того, методика позволяет рассчитывать, во-первых, накопленный на определенный момент времени адаптивный потенциал, величину, определяемую через статические показатели (доля, соотношение и т. п.), а во-вторых, реализацию адаптивного потенциала, динамическую величину, определяемую через индексы изменений показателей за два периода времени.

Таким образом, не только в определенный период времени регионы России находятся на разных уровнях социально-экономического развития, характеризующихся в том числе и разными возможностями адаптации, но существуют различия и в реализации потенциала.

На рис. 2 представлено графическое отображение результатов расчетов адаптивного потенциала Свердловской области за два периода:

Рис. 2. Реализация адаптивного потенциала Свердловской области в 2006–2007 гг. и в 2008–2009 гг.

предкризисный — 2006–2007 гг. (сплошная линия), и кризисный — 2008–2009 гг. (пунктирная линия). Удаление точек отдельных показателей от центра координатной сетки показывает нарастание значений частных потенциалов, что означает общее увеличение адаптивного потенциала субъекта.

Полученные отрицательные значения по отдельным частным потенциалам или по субъектам в целом не означают, что субъект РФ не обладает адаптивным потенциалом или каким-либо частным потенциалом. Это означает, что в рассматриваемый период субъект отставал по каким-то причинам от выдвигаемых средой требований. Поэтому полученное отрицательное значение того или иного потенциала не характеризует этот потенциал региона в целом, а лишь показывает, что по выбранным для оценки показателям регион в анализируемый период показал низкий уровень адаптации, недореализовав имеющиеся у него возможности, или с сознательной целью экономии ресурсов.

Результаты оценки показали следующее. Свердловская область в период 2008–2009 гг. по сравнению с 2006–2007 гг. снизила свой адаптивный потенциал с 2,35 условных единиц до 1,64. При этом сохранилась повышенная адаптация региона за счет переменных потенциалов. Доля этой группы в общем адаптивном потенциале даже заметно увеличилась — с 84,25 до

92%. Это доказывает не только тот факт, что в условиях неопределенности и риска возрастает роль инноваций, поиска, предпринимательской активности, но и то, что адаптация системы, ориентированной на активное взаимодействие со средой, в такие периоды как никогда обеспечивается именно инструментами мобильной группы, делая возможным продолжение движение к реализации модели саморазвития.

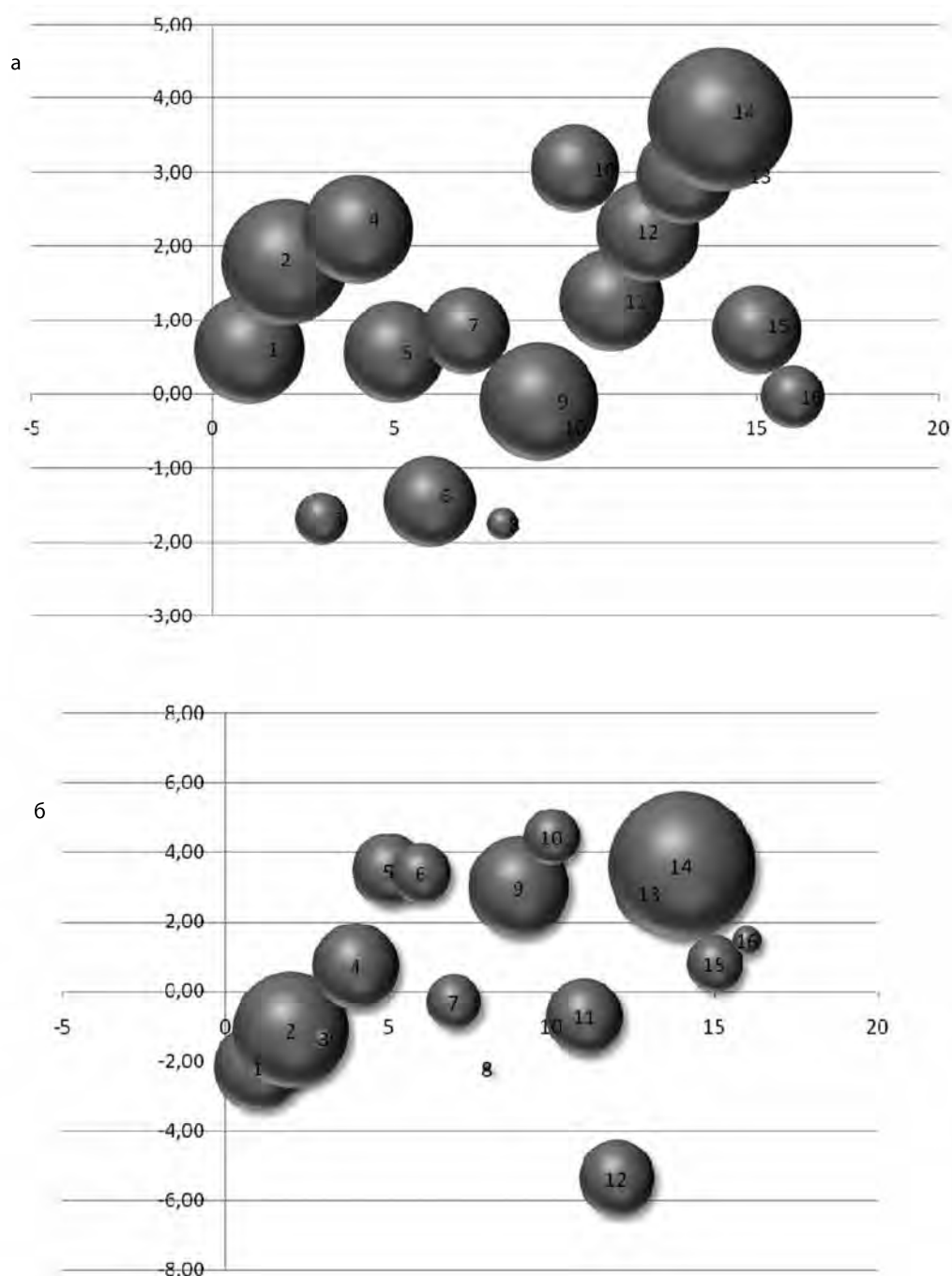
Хотя и в этой группе переменных потенциалов наблюдаются заметные провалы. Так, существенно сократился финансовый потенциал. Безусловно, что решающим здесь оказался сохраняющийся дефицит бюджета, ухудшение ситуации в банковско-кредитной сфере. Ощутимо снижение инвестиционных ресурсов. Одновременно с этим мы видим рост предпринимательской активности, инновационной и демографической составляющих. Безусловно, это является определенным следствием проводимой в настоящее время политики государства и в сфере демографии, и в области поддержки малого и среднего бизнеса, а также инновационных процессов.

Более заметно сокращение влияния на адаптивные процессы консервативных или наследных факторов. Заметно уменьшились ресурсно-сырьевой, производственный и трудовой потенциалы. Несколько ухудшился культурный потенциал. При этом наблюдается некото-

рое увеличение экологического потенциала, а также усиление теневых процессов (их графическое отображение необходимо оценивать от обратного — чем выше положительное значение, тем хуже ситуация с теневой экономикой в регионе). Одновременно мы видим заметное увеличение научно-образовательной, а также инфраструктурной составляющей. Последнее является результатом пристального внимания

федеральных и региональных властей к инфраструктурному комплексу.

Расчеты показали и заметный рост в период 2008–2009 гг. показателя адаптивной гетерогенности: с 0,75 до 0,8. Это свидетельствует об увеличении разброса в уровнях адаптации к происходящим изменениям внешней среды внутренних подсистем региона. На практике это сопровождается необходимостью в будущем

Рис. 3. Адаптивная гетерогенность Свердловской области в 2006–2007 гг. (а); адаптивная гетерогенность Свердловской области в 2008–2009 гг. (б)

со стороны государственной власти предпринимать большие усилия по решению задач более широкого спектра в самых различных сферах.

Графически уровень адаптивной гетерогенности в Свердловской области представлен на рис. 3а и 3б. На рис. 3а отображена ситуация в период 2006–2007 гг., на рис. 3б — в 2008–2009 гг. Пузырьки на рисунке пронумерованы в соответствии с составляющими потенциала: 1 — ресурсно-сырьевой; 2 — производственный; 3 — экологический; 4 — трудовой; 5 — инфраструктурный; 6 — научно-образовательный; 7 — теневой; 8 — культурный; 9 — предпринимательский; 10 — инновационный; 11 — инвестиционный; 12 — финансовый; 13 — внешнеэкономический; 14 — управленческий; 15 — социальный; 16 — демографический.

Размер пузырька отражает величину рисковости каждого потенциала. Подробнее с методикой расчета средовых рисков и рисковости потенциалов можно ознакомиться в работе [14].

В целом оценка реализации адаптивного потенциала позволяет охарактеризовать, с одной стороны, уровень восприимчивости системой внешних воздействий, а также предпринимаемых действий к достижению поставленных целей, с другой — адекватность прилагаемых усилий и проводимой политики региональных властей поставленным целям развития. Иными словами, оценить выбор адаптивных механизмов и инструментов.

Об адаптивном механизме правомерно говорить с позиции наличия просто самого факта адаптивного поведения вне зависимости от исхода. Однако при исследовании адаптивных механизмов применительно к саморазвитию возникает необходимость учета фактора позитивного развития событий. В результате адаптивный механизм региона к условиям саморазвития определяется как совокупность последовательно реализуемых состояний и действий, имеющих стратегическую направленность на активные средовые взаимодействия и предусматривающих управленческое воздействие с учетом обеспеченности региона ресурсами, а также баланса экономических интересов и социальной ответственности.

Таким образом, одним из важнейших элементов адаптивных механизмов становится социально-экономическое стратегирование, предполагающее формирование стратегии как устойчивой адаптивной системы долгосрочного активного взаимодействия региона и макро-

среды с целью обеспечения качественного саморазвития субъекта РФ на основе инновационного использования его внутренних ресурсов и возможностей с учетом сопряженного сочетания многоуровневых экономических интересов и социальной ответственности.

Неслучайно социально-экономическое стратегирование, пройдя пока еще не очень длинный, но достаточно тернистый путь во властных коридорах в российских регионах [17], не теряет своей актуальности. Скорее, наоборот, оно сегодня в кризисный (или если угодно, в посткризисный период) выходит на новый уровень. Например, в Свердловской области в 2009–2010 гг. началась активная разработка стратегий развития промышленного комплекса, его отдельных отраслей и подотраслей [18], социальной сферы, инфраструктуры, пересматривается стратегия социально-экономического развития. Аналогичная ситуация прослеживается и по другим регионам.

В заключение еще раз отметим, что кризис — это только во вторую очередь потери, хотя порой и очень тяжелые. Но в первую очередь — это все-таки возможность извлечь уроки, исправить ошибки, одним словом, продолжить движение вперед. Саморазвитие региональной системы, в сущности, и означает осмысление происходящих событий и осознание своих действий в стремлении к самостоятельному выстраиванию социально-экономических отношений.

Список источников

1. Татаркин А. И. Саморазвивающиеся регионы. Макроэкономические условия и механизмы функционирования // Экономика. Налоги. Право. 2008. № 3. С. 139–150.
2. Татаркин А. И., Татаркин Д. А. Саморазвивающиеся территориальные экономические системы. Диалектика формирования и функционирования // Экономика. Налоги. Право. 2009. № 5. С. 3–13
3. Анатомия кризисов / А. Д. Арманд, Д. И. Люри и др. М.: Наука, 1999. 238 с.
4. Кондратьев Н. Д. Избранные сочинения / Ред. колл. Л. И. Абалкин и др.; сост. В.М. Бондаренко и др. М.: Экономика, 1993. 543 с.
5. Туган-Барановский М. И. Периодические промышленные кризисы // Туган-Барановский М. И. Избранное. М.: Наука; Российская политическая энциклопедия, 1997. 428 с.
6. Меньшиков С. М., Клименко Л. А. Длинные волны в экономике. Когда общество меняет кожу. М.: Международные отношения, 1989. 272 с.
7. Бруно М. Глубокие кризисы и реформа // Вопросы экономики. 1998. № 12. С. 72–94.
8. Стариков Н. Кризис. Как это делается. СПб.: Лидер, 2010. 304 с.
9. Райнерт Э. Повторение пройденного // Эксперт. 2011. №1(735). С. 57–62.

10. Аналитический обзор // [Электронный ресурс]. URL: www.regnum.ru/news/1107433.html

11. Оценка ситуации в Свердловской области // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.midural.ru/есоpny/>

12. Свердловская область сильнее других пострадала от кризиса // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.66.ru/news/business/32755/>

13. Дорошенко С. В. Саморазвитие региона в контексте экономического эволюционизма // Журнал экономической теории. 2009. №3. С. 21-30.

14. Дорошенко С. В. Регион как саморазвивающаяся система: адаптация к инновационному типу развития. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2010. 239 с.

15. Дорошенко С. В. Стратегическая адаптация как императив инновационного развития региональной соци-

ально-экономической системы // Экономика региона. 2010. №3 (23). С. 69-77.

16. Дорошенко С. В. Теория эволюционной региональной экономики. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2003. 178 с.

17. Татаркин А. И., Дорошенко С. В. Институт стратегического планирования в условиях формирования саморазвивающихся регионов // Экономика и общество. 2009. № 11-12. С. 100-120.

18. Макарова И. В. Потенциал модернизации машиностроительного комплекса региона. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2010. 289 с.

УДК 332.146.2

ключевые слова: региональная социально-экономическая система, кризис, саморазвитие, адаптивный потенциал

СОЦИАЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И ФАКТОРЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

(теоретические и практические вопросы)

О. С. Сухарев

В статье рассматриваются итоги социального развития российской экономики за период с начала 1990-х гг. до 2010 г., выявляются закономерности функционирования социальных секторов национального хозяйства. Рассматривается метод анализа социальной структуры и социальной эффективности, проводится анализ социальных инвестиций на примере здравоохранения.

1. Экономический рост и его социальные последствия

Экономический рост далеко не всегда облегчает жизнь населения, вызывает удовлетворенность и облегчает социальное бремя. В экономической истории известны случаи, когда экономический рост сопровождался увеличением неравенства [3]. Подобная ситуация описывается так называемой кривой С. Кузнецца. Однако возможны ситуации, когда условия существования данной кривой нарушены, и закономерность Кузнецца не выполняется на тех или иных интервалах социально-экономического развития. В частности, представленные А. Сенем данные по развивающимся странам говорят о том, что равномерность распределения создаваемого в экономике дохода в значительной степени влияет на социальные результаты развития. Экономика может демонстрировать высокий темп роста национального дохода и

такую же высокую его величину на душу населения, но за счет того, что этот доход распределяется крайне неравномерно, располагать худшей системой социального обеспечения, здравоохранения, пенсионной системой, системой образования и, как следствие, иметь более низкие индикаторы, определяющие продолжительность жизни, уровень образования и медицинского обеспечения. Иными словами, благополучие жизни в таком случае будет значительно ниже, нежели при более равномерном распределении дохода.

Для России в условиях спада производства и экономики 1990-х гг. наблюдался эффект роста неравенства, в период начального роста и восстановления 1999–2001 гг. уровень неравенства несколько снизился, но в дальнейшем в процессе экономического роста 2002–2008 гг. и вплоть до 2009 г. неуклонно возрастал и по коэффициенту Джини и по фондовому коэффициенту. Эти данные говорят о прямом отклонении от зависимости С. Кузнецца и точном совпадении с эффектом А. Сена, когда распределение создаваемого дохода сильно влияет на социальные индикаторы экономического развития.

Говоря о факторах экономического роста, важно отметить четыре важнейшие экономические системы, состояние которых определяет и качество экономического роста, содержание

10. Аналитический обзор // [Электронный ресурс]. URL: www.regnum.ru/news/1107433.html

11. Оценка ситуации в Свердловской области // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.midural.ru/есоpny/>

12. Свердловская область сильнее других пострадала от кризиса // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.66.ru/news/business/32755/>

13. Дорошенко С. В. Саморазвитие региона в контексте экономического эволюционизма // Журнал экономической теории. 2009. №3. С. 21-30.

14. Дорошенко С. В. Регион как саморазвивающаяся система: адаптация к инновационному типу развития. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2010. 239 с.

15. Дорошенко С. В. Стратегическая адаптация как императив инновационного развития региональной соци-

ально-экономической системы // Экономика региона. 2010. №3 (23). С. 69-77.

16. Дорошенко С. В. Теория эволюционной региональной экономики. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2003. 178 с.

17. Татаркин А. И., Дорошенко С. В. Институт стратегического планирования в условиях формирования саморазвивающихся регионов // Экономика и общество. 2009. № 11-12. С. 100-120.

18. Макарова И. В. Потенциал модернизации машиностроительного комплекса региона. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2010. 289 с.

УДК 332.146.2

ключевые слова: региональная социально-экономическая система, кризис, саморазвитие, адаптивный потенциал

СОЦИАЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И ФАКТОРЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

(теоретические и практические вопросы)

О. С. Сухарев

В статье рассматриваются итоги социального развития российской экономики за период с начала 1990-х гг. до 2010 г., выявляются закономерности функционирования социальных секторов национального хозяйства. Рассматривается метод анализа социальной структуры и социальной эффективности, проводится анализ социальных инвестиций на примере здравоохранения.

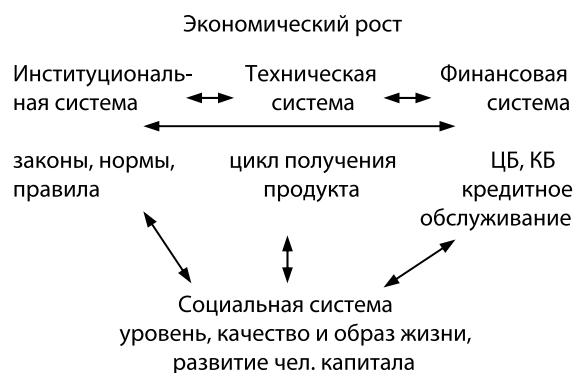
1. Экономический рост и его социальные последствия

Экономический рост далеко не всегда облегчает жизнь населения, вызывает удовлетворенность и облегчает социальное бремя. В экономической истории известны случаи, когда экономический рост сопровождался увеличением неравенства [3]. Подобная ситуация описывается так называемой кривой С. Кузнецца. Однако возможны ситуации, когда условия существования данной кривой нарушены, и закономерность Кузнецца не выполняется на тех или иных интервалах социально-экономического развития. В частности, представленные А. Сенем данные по развивающимся странам говорят о том, что равномерность распределения создаваемого в экономике дохода в значительной степени влияет на социальные результаты развития. Экономика может демонстрировать высокий темп роста национального дохода и

такую же высокую его величину на душу населения, но за счет того, что этот доход распределяется крайне неравномерно, располагать худшей системой социального обеспечения, здравоохранения, пенсионной системой, системой образования и, как следствие, иметь более низкие индикаторы, определяющие продолжительность жизни, уровень образования и медицинского обеспечения. Иными словами, благополучие жизни в таком случае будет значительно ниже, нежели при более равномерном распределении дохода.

Для России в условиях спада производства и экономики 1990-х гг. наблюдался эффект роста неравенства, в период начального роста и восстановления 1999–2001 гг. уровень неравенства несколько снизился, но в дальнейшем в процессе экономического роста 2002–2008 гг. и вплоть до 2009 г. неуклонно возрастал и по коэффициенту Джини и по фондовому коэффициенту. Эти данные говорят о прямом отклонении от зависимости С. Кузнецца и точном совпадении с эффектом А. Сена, когда распределение создаваемого дохода сильно влияет на социальные индикаторы экономического развития.

Говоря о факторах экономического роста, важно отметить четыре важнейшие экономические системы, состояние которых определяет и качество экономического роста, содержание

Рис. 1. Подсистемы экономики, обеспечивающие экономический рост

структурных изменений и темп роста. Это производственно-техническая система, представленная реальными секторами и технологическим уровнем экономики, финансовая система, институциональная система, включающая законы, правила и модели поведения, нормы, социальная система — структура общества, определяющая уровень, качество и образ жизни населения страны, направления и возможности развития человеческого капитала (рис. 1), формирующая предпочтения потребителей, определяющая спрос, состояние здоровья и квалификацию. Эти параметры определяют возможности экономического роста.

Экономическому росту в России в 2000–2008 гг. были присущи следующие качественные характеристики:

- возникающие ограничения роста, накладываемые неэффективной социально-экономической структурой;

- снижение общей эффективности сырьевого комплекса;

- довольно высокий уровень бедности населения с растущей дифференциацией по доходу;

- продолжающаяся деградация человеческого капитала, включая быстрое старение населения и низкую продолжительность жизни;

- отсутствие условий для определения и повышения социально значимого результата;

- отсутствие условий для формирования обеспеченной потребности в новых технологиях;

- сложившаяся структура затрат, ликвидирующая возможности использования и наращивания интеллектуального капитала.

При сокращении численности населения и росте величины расслоения показатель ИРЧП (индекса роста человеческого потенциала) несколько возрос за период роста 2000–2008 гг. Наблюдался интересный эффект, когда со-

кращение численности населения при быстром росте неравенства сопровождалось повышением индекса развития человеческого потенциала.

Число трудоспособных агентов почти не изменилось, составив более 80 млн чел., а соотношение числа пенсионеров и детей изменилось. Если до 2001 г. число детей превосходило число пенсионеров, то после 2001 г. картина диаметрально поменялась — и число пенсионеров устойчиво превышает число детей. Уровень безработицы, возраставший с 1992 до 2000 гг., затем понизился с 2000 до 2007 гг. с 7 до 4 млн чел. Однако с 2007 г. наблюдался рост безработицы обратно до 7 млн чел. до начала 2010 г. Коэффициент смертности населения на протяжении 1992–2009 гг. всегда был выше коэффициента рождаемости, а в 2009 г. соотношение составило 14 против 12 на 1000 чел. населения страны. Уровень общей бедности населения понизился с 2000 по 2008 гг., хотя он и остается весьма высоким. Сохраняется отрицательный прирост населения, хотя позитивным моментом является то, что этот показатель улучшился, то есть отрицательный прирост сократился.

Важно отметить, что с 1992 по 2009 гг. включительно среднегодовая численность занятых в экономике России сократилась с 71,9 до 66,9 млн чел. Миграционный прирост населения возрос, составив в 2009 г. 247 тыс. чел. Однако этот миграционный прирост не покрывает естественный отрицательный прирост населения в 249 тыс. чел. в 2009 г.

Структура физического конечного потребления домашних хозяйств за последние 15 лет практически не изменилась. Среднемесячная начисленная заработная плата в 2009 г. составила 593 долл. (исходя из среднегодового официального курса доллара США в ценах соответствующего года). Расходы на покупку непродовольственных товаров составляют порядка 37% в структуре расходов домохозяйств, и около 30% приходится на покупку продовольственных товаров. Учитывая то, что подавляющая доля непродовольственных товаров — импортного производства, а продовольствие до 40–50%, по самым скромным оценкам, также поступает по импорту, можно говорить о возникновении зависимости расходов от импортной продуктовой массы.

Сложившиеся качество и образ жизни населения формируют условия для инноваций — определяют потребность в инновациях,

возможности их тиражирования, использования. В экономической науке известен тезис Р. Пребиша, согласно которому научно-техническое развитие в развитых странах приводит к росту реальной заработной платы и уровня жизни населения и исключает снижение цен на создаваемую продукцию. В развивающихся странах наблюдается обратная динамика: реальная заработная плата не повышается, уровень жизни остается невысоким и не имеет устойчивой тенденции к росту, а цены на товары, особенно экспортируемые, имеют тенденцию к понижению относительно дорожающих импортируемых товаров, от которых зависит жизненный стандарт потребления данной развивающейся страны. Иными словами, формируется режим присвоения результатов научно-технического развития более богатыми и развитыми странами у менее богатых и менее развитых. Причиной становится неравноправие условий торговли, а главное — различия в социальной структуре и исходных факторах социально-экономического и научно-технического развития. В связи с чем стимулировать инновации при имеющемся уровне национального дохода и его распределении возможно исключительно посредством повышения стоимости рабочей силы с постепенным ростом квалифицированного труда. При этом необходимо компенсировать риски широтой рынка, то есть созданием товарной массы на внутренних рынках, причем товарной массы отечественного производства. Безусловно, общий уровень национального дохода и инструменты его перераспределения определяют эффективность функционирования экономической системы и зададут стилистику социальных отношений, сформируют социальную структуру, которая и определит качество, образ жизни с вытекающим формированием мотиваций для действующих агентов.

Конечно, понадобятся институты, обеспечивающие восприятие инноваций всеми элементами системы, перелив ресурсов из различных секторов хозяйства, с тем чтобы развивать не только транзакционные и сырьевые секторы, но и производственно-технические системы. Эффект вытеснения труда инновациями для России не будет актуальным в ближайшей перспективе, поскольку именно потеря кадров, причем высококвалифицированных, разрушение инженерных школ и производства, потеря технологий в 1990-е гг. создали условия, когда инновации возможны только при привлечении соответствующих кадров, и без них будут про-

блематичны, во всяком случае на систематической основе и в необходимом для развития экономики масштабе.

Согласно доктрине С. Струмилина, рост национального дохода есть функция простого и сложного труда. Под простым понимается труд, где нужны первичные знания о каких-либо процессах, под сложным — тот труд, где требуется высокий уровень образования и соответствующие инвестиции в человека. Важно оговорить условия, при которых инвестиции в человека будут давать необходимую социальную отдачу. Эти условия определяются точками приложения человеческого капитала в экономике. Таким образом, инвестировать в человека возможно без наличия этих точек, но в таком случае эти инвестиции будут иметь либо долгосрочно ориентированный характер по отдаче, либо будут выступать аналогом безвозвратных вложений. Они в таком случае способствуют улучшению социальной структуры, будут способствовать формированию необходимой мотивации, но их общая результативность может оказаться низкой, так как любые инвестиции являются частью созданного дохода и если этот доход расходуется по каналам, имеющих долгосрочную отдачу с неясными перспективами точек приложения этого человеческого капитала, либо даже отрицательную отдачу (в силу, например, оттока такого капитала за рубеж), то возникают обоснованные сомнения относительно целесообразности массивного инвестирования в человека. Следовательно, для организации экономического роста необходимого качества требуются не просто инвестиции в человека, а такие инвестиции и такого объема (фронтально по всем объектам социальной инфраструктуры общества и социальным подсистемам, синхронизированные с инвестициями в факторную основу развития производства и хозяйственной инфраструктуры), которые бы планомерно позволяли наращивать долю интеллектуального капитала в добавленной стоимости создаваемых благ, либо новые знания, выступающие в качестве объектов торговли. Кстати, сам человеческий капитал может воспроизводиться стране и экспортироваться, но тогда нужны специальные инструменты торговли им, чтобы не просто готовить такие кадры для себя, но и готовить на экспорт и продавать, но не бесплатно, как это сейчас делается в России, а по высокой стоимости, направляя выручку на решение проблем образования и социальной защиты внутри страны.

2. Метод анализа социальной структуры и социальная эффективность

Социальную эффективность можно представить через эффективность конкретных социальных секторов: образования, здравоохранения, а также секторов инфраструктурного назначения — информационного, социальной защиты и трудовых отношений. Кстати, уровень бюрократизма и теневой экономики будет также влиять на общее значение социальной эффективности. Здесь представим метод оценки эффективности системы здравоохранения. Для того чтобы оценить эффективность такой системы, как здравоохранение, необходимо задаться вопросом: зачем эта система нужна, то есть какую функцию она выполняет? Изменение эффективности системы — это изменение этой функции с позиций качественного и количественного ее исполнения. Другими словами, динамика эффективности — это расширение либо сужение дисфункциональности системы.

Эффективность здравоохранения оценивается в рамках модели «затраты — процессы — результаты». При этом результатом является спасение человеческих жизней, продление жизни при обеспеченной ее активности, снижение уровня инвалидности и заболеваемости агентов социальной системы. Такой результат достигается как превентивными действиями, так и сугубо лечебным способом.

Однако указанный результат зависит от исходного здоровья нации, экологической ситуации, спроса на медицинские услуги, предложения медицинских технологий, механизмов социального страхования, и даже образования и др. С точки зрения агента, здоровье есть благо, ценность которого с возрастом возрастает, а общая стоимость снижается, и в точке смерти агента здоровье как благо равно нулю (см. рис. 2). Затраты в обеспечение здоровья являются инвестициями в создание будущего дохода, поскольку с утратой здоровья снижается производительность труда, возрастают потери рабочего времени, связанные с нетрудоспособностью, либо вялой работой, что понижает и отвлекаемый агентом доход.

Убывание здоровья с возрастом компенсируется частично ростом расходов на мероприятия по охране здоровья. Покажем кривые изменения запаса здоровья двух агентов, которые родились с разным исходным запасом здоровья (например, это расхождение может быть генетически предопределено, либо было обусловлено режимом вынашивания и протекания родов).

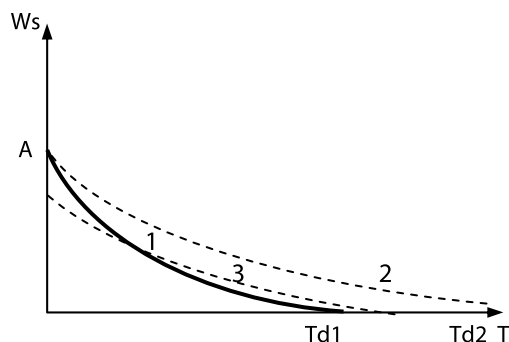

Рис. 2. Динамика функции запаса здоровья агента

Как видно из рис. 2, функция запаса здоровья для агентов 1, 2 берет начало в одной точке A, в случае 3 исходный запас здоровья агента отличается. Если запас одинаков, то агенты все равно могут прожить период неодинаковой продолжительности — $Td1$ и $Td2$ соответственно. Ситуация с графиком 3 показывает, что имея более низкий запас здоровья по отношению к агенту 1, агент 3 проживет несколько дольше, но меньше агента 2. Такой характер динамики функции запаса здоровья говорит о том, что агенты походят разные пути социализации, приобретают различный доход, который позволяет им по-разному ликвидировать усиливающиеся в ходе износа организма его дисфункции, что в конечном счете сказывается на продолжительности жизни. Здесь не рассматривается функция запаса здоровья, которое может стать равным нулю в силу аварии. Например, агент 1 учился на отлично, что требовало значительных усилий, комнатной работы, нагрузки на глаза и нервную систему. Агент 3 учился на воздухе, быстро приобрел работу, которая связана с полезным для организма трудом. Пересечение кривых 1 и 3 дает точку, в которой их потенциалы здоровья сравнялись, и далее происходит разное растрачивание запасов здоровья. Так, первый агент защищает докторскую диссертацию в молодом возрасте. Если в экономике нет стимулов для такой траектории развития, то расплатится он за такое желание своим здоровьем. К тому же, связывая свою работу с наукой, агент 1 приобретает невысокий доход, а агент 3 осуществляет функцию контроля строительства объектов в лесной зоне, что способствует укреплению здоровья и гарантирует, по крайней мере в российской экономической системе, более высокий доход. Часть дохода агенты инвестируют в здоровье, причем с каждым годом все больше и больше, но вот в общем случае доля инвестирования дохода в такое благо, как здоровье, обычно не одинакова и определяется

предпочтениями агентов осуществлять подобные расходы.

В любом случае при движении вправо по оси времени ценность блага «здоровье» для каждого агента будет возрастать, как и функция расходов — инвестиций, если изначально рассматриваются психологически здоровые агенты. В противном случае функции ценности и запаса здоровья могут иметь совершенно иной вид. Число же заболеваний (дисфункций), а также смертность с возрастом агентов будет увеличиваться, причем росту (какой он мог бы быть) будут противостоять указанные инвестиции (расходы).

Дж. Хикс отмечал, что неоднородность капитала является важнейшим его свойством [6, с. 124-140]. Именно это свойство не может раскрыть и объяснить экономическая наука. Что касается человеческого капитала, то оценить эффективность его еще сложнее, поскольку он в высшей степени неоднороден. Одним из факторов, одной из причин это неоднородности выступает неодинаковая функция запаса здоровья, которая предопределяет возможности агента далее на траектории его движения (жизненного цикла), по фазам развития и старения. К ней можно добавить функцию исходных и приобретенных способностей и знаний, а также функцию потребностей и мотивации, чтобы полностью ввести модель человека посредством этих функций в экономический анализ. Теперь уместно отметить следующее: очевидно, по социальным группам (стратам) эти функции будут очень похожи, поскольку они зависят от величины среднедушевого дохода, то есть от жизненного стандарта. Используя децильное или квинтильное распределение агентов по уровню душевого дохода и показав вид эмпирически установленных перечисленных функций для каждого дециля (квинтиля), найдя разницу между соседними группами по каждой группе агентов для данного возраста по этим функциям, можно ориентировочно количественно установить величину неоднородности человеческого капитала для экономической системы. Безусловно, она будет отличаться от обычной неоднородности по величине дохода — величине неравенства. Как видим, неоднородность определяется многими факторами, включая и душевой доход, который, по существу, есть, конечно, производная неоднородности. Именно величина этого душевого дохода определяет возможности агента в области здравоохранения, обучения, правовой за-

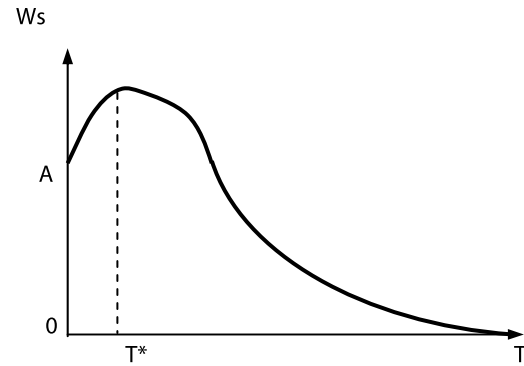

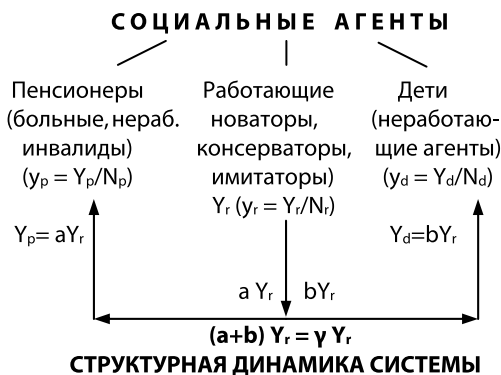
Рис. 3. Вид функции запаса здоровья агента

щиты и др. Экономическая демократия, строго говоря, становится в прямом смысле экономической — она привязана к функции дохода. И права агентов, и их возможности и потребности определяются денежным доходом. С этих позиций в существующем на сегодняшний момент мире существует денежная демократия, то есть демократия, которая детерминирована величиной душевого дохода.

Уточненный вид кривой запаса здоровья должен быть несколько иным, чем представлено на рис. 2. Функция запаса здоровья будет иметь возрастающий участок, что связано с накоплением запаса здоровья и формированием потенциала здоровья в детском возрасте (см. рис. 3) на участке $[0; T^*]$. Период от начала T^* — это юношеский возраст агента. Вплоть до касания оси абсцисс от момента T^* функция запаса здоровья ведет себя так же, как показано на рис. 2. Следовательно, при расчетах можно рассматривать функцию W_s , перманентно убывающую, на которой могут наблюдаться выступы, связанные с растратой запаса здоровья, либо с восстановлением запаса здоровья в зависимости от конкретной ситуации, состояния здравоохранения и соответствующей государственной политики в этой сфере в стране.

Главным критерием для оценки эффективности медицинских мероприятий выступает уровень затрат (причем социальных и частных), связанный с реализацией этих мероприятий, с учетом возможных последствий. Это можно представить так: $S = P_m + S_e - S_{pe}$, где S — стоимость медицинского мероприятия, P_m — цена предлагаемого медицинского мероприятия, равная его себестоимости, S_e — стоимость побочных эффектов, S_{pe} — стоимость предотвращенных неблагоприятных медицинских последствий.

Часто используются также два критерия оценки эффективности: годы жизни с поправ-

Рис. 4. Структурная динамика системы социальных агентов

кой на инвалидность; годы жизни с поправкой на качество жизни. Экономически важной является оценка стоимости человеческой жизни, которая будет равна разнице затрат на обеспечение жизни и выгод, которые эта жизнь приносит к общему числу спасенных лет жизни. Можно оценивать и выгоды, которые могли быть получены, если бы человек жил (разумеется, дисконтированные), и затем вычесть расходы, связанные с поддержанием параметров жизнеспособности агента в допустимых для жизни пределах. Но при этом критерий становится отрицательным для пенсионеров, а для ребенка трудно подсчитать выгоды или расходы, потому как неясно еще, какую социальную нишу занял бы он в будущем, какую профессию получил и каким доходом располагал. Здесь также важна проблема наследования и учета дохода, приносимого подобным активом. Кроме этих способов, можно оценить человеческую жизнь по критерию готовности к затратам, уменьшающим вероятность смерти.

Решение проблем развития социальных секторов, особенно в условиях экономических систем отдельных регионов, представляется возможным посредством так называемого социального инвестирования в широком понимании этого процесса. Социальное инвестирование — это вложения, причем не только финансового, но и организационного капитала в создание новых кадров, объектов государственного сектора и инфраструктуры. Назначение социальных инвестиций — это воспроизводство общественных благ, создание положительного экстерналичного эффекта. Причем чем больше величина этого эффекта, тем выше результативность данных инвестиций.

Одним из важных условий осуществления социальных инвестиций является подготовка объектов, предназначенных для такого инвестирования,

и исходная структура социальных агентов.

За счет правильной постановки целей, а также формирования социальной структуры агентов возможно реализовать задачи социального инвестирования. Покажем элементарную модель, разделив систему по следующим группам агентов: работающие агенты, дети, пенсионеры (включая больных, инвалидов) (см. рис. 4).

Введем следующие обозначения для рис. 4:

— Y_r — доход, создаваемый работающими агентами, число которых N_r , а среднедушевой доход — y_r ;

— Y_p — доход, получаемый пенсионерами, число которых N_p , а среднедушевой доход — y_p ;

— Y_d — доход, который расходуется на детей, число которых N_d , а среднедушевой доход — y_d .

Причем не весь доход, созданный работающими, тратится на пенсионеров и детей — часть его расходуется на самих работающих, демонстрирующих различные модели хозяйственного поведения (новатор, консерватор, имитатор), а часть, видимо, сберегается. По крайней мере, в рамках общей модели можно разложить создаваемый доход на указанные составляющие. Тогда $a + b = \gamma$, или доля $\gamma = Y_r$ идет на поддержание жизнедеятельности социальных агентов, а остальная часть дохода $(1 - \gamma)$ составляет потребительские расходы и сбережение.

Далее нетрудно показать, что душевые доходы пенсионеров и детей будут пропорциональны среднедушевому доходу работающих. Коэффициентом пропорциональности будет произведение доли дохода работающих агентов, поступающего для конкретной социальной группы, и отношения численности работающих агентов соответственно к пенсионерам и детям. Математически это примет форму:

$$y_p = a \frac{N_r}{N_p} y_r, \quad y_d = b \frac{N_r}{N_d} y_r = (\gamma - a) \frac{N_r}{N_d} y_r.$$

Уровень социального благополучия социальной системы можно измерять, в частности, величиной расходов на одного агента социально незащищенных групп населения: $U_{sb} = y_p + y_d$. Откуда можно получить:

$$U_{sb} = \frac{aN_d + bN_p}{N_p N_d} y_r N_r = \frac{aN_d + bN_p}{N_p N_d} Y_r.$$

Представив $Y_r = (C + S) / (1 - \gamma)$, где C и S — потребление и сбережение. Соответственно, получим:

$$U_{sb} = \frac{aN_d + bN_p}{N_p N_d} \frac{(C+S)}{1-\gamma} =$$

$$= \left[\frac{a}{1-\gamma} \frac{1}{N_p} + \frac{b}{1-\gamma} \frac{1}{N_d} \right] (C+S).$$

Введя долю числа детей и пенсионеров от числа работающих соответственно $x_d = N_d / N_r$ и $x_p = N_p / N_r$, получим:

$$U_{sb} = \left[\frac{a}{x_p} + \frac{b}{x_d} \right] y_r = \left[\frac{a}{x_p} + \frac{\gamma - a}{x_d} \right] y_r.$$

Таким образом, уровень социального благополучия можно рассчитать и прогнозировать, получив корреляционно-регрессионные уравнения по каждому параметру, входящему в формулу для U_{sb} , в зависимости от времени, на основе статистических данных по величине душевого дохода на одного работающего, динамике доли детей и пенсионеров в числе работающих и изменению доли расходов на социальный сектор и доли расходов на одну из социальных групп.

Приняв величину Y_r за 900 млрд долл., а число работающих, детей и пенсионеров на 2008 г. — соответственно за 89,7, 22,5 и 29,7 млн чел., получим динамические ряды, отражающие изменения дохода на одного пенсионера, ребенка и изменения уровня социального благополучия.

Как видно из рис. 5, при увеличении доли расходов на пенсионеров, при фиксированной доле социальных расходов для данного душевого дохода работающих, доход на одного ребенка будет сокращаться, причем имеется величина a , для которой душевой доход и для пенсионеров, и для детей одинаков. Уровень социального благополучия будет снижаться по мере роста величины a , исходя из условий данной модели. Иными словами, существует проблема определения структурного соотношения между расходами на пенсионеров и детей, причем группе «дети» отдается явный приоритет с точки зрения критерия социального благополучия.

Подобные простейшие модели позволяют подбирать инструментарий воздействия на систему с тем, чтобы сначала выявить, а затем изменить складывающиеся негативные закономерности ее структурной динамики. В свою очередь, политическая система обязана закладывать при проектировании законов какую-либо модель, чтобы потом либо менять ее на новый вариант, либо усовершенствовать. Правовые акты и положения необходимо выстраивать исходя из принятой модели развития и целевых пропорций, иначе теряется смысл и назначение проектиру-

емых правовых норм. Обществу нужны приоритеты, а их определение должно состоять, в том числе и в установлении параметров γ , a и b , а также уровня социального благополучия.

В экономической литературе стало традиционным применение таких индикаторов социального развития, как уровень жизни, измеряемый индексом развития человеческого потенциала, качество и образ жизни. Определяющий вклад в развитие данных категорий и методов измерения внес крупный российский экономист, член-корреспондент РАН, бывший директор Минтруда СССР и Института экономики РАН Е. И. Капустин. Придерживаясь его подхода, определим указанные понятия.

Уровень жизни — степень удовлетворения материальных и культурных потребностей населения, задающих благосостояние людей (доходы населения, на душу, неравенство, ИРЧП).

Качество жизни — совокупность природно-климатических, экологических, производственно-технологических, институционально-организационных, политико-правовых и социальных условий (качество труда, безработица), в которых люди осуществляют жизнедеятельность.

Образ жизни — это целевые жизненные установки, включая идеологию (религию), населения страны, вытекающие из традиций (включая правовые традиции), истории народа, организа-

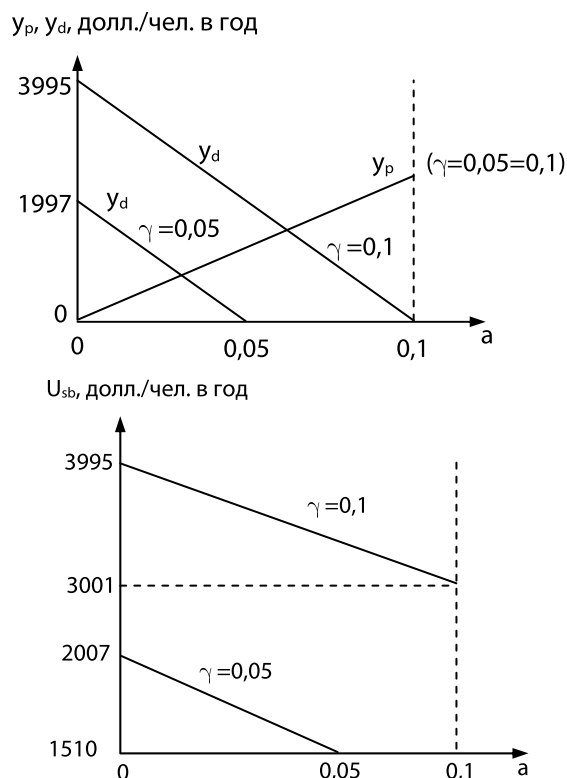

Рис. 5. Динамика структурных параметров системы

цию быта, семейных отношений, формирующие модели социального поведения (существенно определяет качество человеческого потенциала и его эффективность, результаты труда и производительность, отношение к труду, образованию, профессии, другим агентам, правительству и решениям).

Экономическая наука в XX в. предложила несколько основополагающих подходов, описывающих поведение потребителя, и на этой основе объясняющих возможности повышения качества жизни. К таким подходам можно отнести:

— теорию Дж. Дьюзенберри (1948 г.) — теория поведения потребителя, в которой принята «гипотеза относительного дохода»;

— теорию жизненного цикла Модильяни-Эндоу, в которой текущее потребление является функцией потребления в предшествующие периоды, абсолютного и относительного дохода (1963 г.);

— теорию постоянного дохода М. Фридмана (1957 г.) — согласно которой норма потребления стабильна при сохранении богатства с поправкой на возможность наращивания потребления в будущем.

Математически это представляется таким образом:

$$C = a W_r + c Y_1$$

$$A = 1/(N - T); c = (T_1 - T)/(N - T),$$

где C — потребление, W_r — реальное богатство, c — предельная склонность к потреблению из трудового дохода; a — предельная склонность к потреблению из богатства; Y_1 — трудовой доход, N — число лет жизни; T — точка жизненного цикла агента, работы, T_1 — общее число лет работы.

$C = c_1 Y + c_2 Y_{-1}$, где c_1 — краткосрочная предельная склонность к потреблению, c_2 — долгосрочная; Y_{-1} — доход прошлого года.

Таким образом, данные модели связывают уровень потребления, реальное богатство, трудовой доход, число лет жизни и общее число лет трудовой деятельности агентов, предельную склонность к потреблению. Это дает возможность оценить общее состояние социальной системы, уровень ее развития. Однако распределительные и институциональные эффекты здесь явно не учитываются.

Качество жизни и социального развития определяется доступностью разнообразных социальных функций, а возникающую бедность в современном мире можно рассматривать не только

как недостаточный доход на душу населения, но и как отсутствующие или исчезающие возможности. Богатство социальных отношений определяется еще и временем, его структурой. Если общество не умеет распорядиться временем, либо имеет такую структуру затрат времени, что приоритет получают незначимые или не столь необходимые виды деятельности или операции, то отсталость такого общества и конкурентное отставание станут неотвратимыми. Причина состоит в эффективном расходовании времени. Настолько оптимально используется время, настолько и более высокое качество жизни обнаруживается в обществе. Конечно, виды инструментальной свободы важны, согласно А. Сену (который построил свою концепцию экономики благосостояния вокруг видов инструментальной свободы), но они не являются достаточными условиями формирования качества и образа жизни, достижения необходимых параметров социального благополучия и устроенности жизни. Важность приобретает организация функционирования социальных секторов, системы правил, норм, ограничений, моделей взаимодействия, координации и управления. Такая конструкция в экономической теории, как болезнь цен У. Баумоля, якобы описывающая функционирование социальных секторов и сводимая к тому, что в отдельных отраслях издержки производства растут быстрее, чем цены на конечный продукт, не совсем корректно описывает сектор здравоохранения, да и образовательную систему. Согласно данному эффекту, платежеспособный спрос на продукты сдерживается относительно невысокой активностью индивидуальных потребностей в этих благах, а спрос как будто отстает от возрастающих издержек производства и не позволяет переложить эти издержки на потребителя. Утверждать, что потребность в здоровье как благе невысока по меньшей мере самонадеянно. Представляется, что существо проблемы сводится не к соотношению роста издержек и цен (некоему запаздыванию), что, по существу, одно и то же, а к тому, что издержки, особенно капиталовложения в оборудование и препараты (если брать медицину), настолько велики, что они на начальных этапах ничем не могут быть компенсированы, а риски и отсутствие частного интереса являются дополнительным обоснованием отсутствия необходимого эффекта компенсации. Широта же спроса на здоровье не является фактором компенсации, поскольку действует эффект авансирования — сначала медицинская технология должна быть создана, затем апробирована и только потом

растиражирована. Такое отклонение по данному эффекту даже применительно к социальным направлениям развития вызывает потребность оценки социальных инвестиций.

3. Возможности инвестиций в социальные секторы экономики (пример здравоохранения)

Безусловно, длительные инвестиционные проекты, например в образование, а также в медицинские программы, имеют окупаемость, на значительном промежутке времени, именно поэтому и возникает конфликт между частным и общественным секторами. Создание общественных благ происходит медленно, а функционирование и инвестирование частного сектора — относительно быстро. Поэтому государство обязано решать проблему воспроизводства социального капитала в широком значении, учитывая необходимость развития фундаментальной науки, здравоохранения, образования, экологической защиты, систем безопасности и т. д.

Важно понимать, что одних инвестиций, либо перехода на частную медицину, в которой преобладает денежный мотив предоставления услуги медицинской помощи, становится недостаточно для решения задач здравоохранения в национальном масштабе. Более того, возникновение двух секторов в медицине (т. е. возникновение дополнительно к государственному сектору частного сектора) не приводит к улучшающей динамике отстающего сектора, а наоборот — второй, то есть частный сектор, образуется в определенном смысле за счет государственного и продолжает вымывать ресурсы этого сектора (по крайней мере, кадровый потенциал), тем самым усиливая его стагнацию. В среднесрочной перспективе фактически наблюдается именно такой результат, а долгосрочные перспективы остаются виртуальными, да и они не касаются тех граждан, которые наверняка не увидят возможного светлого будущего, причем часть из них лишится такой возможности по причине такого неутешительного среднесрочного результата. Авторская позиция сводится к тому, что, безусловно, эффективная организация системы здравоохранения нужна ныне живущим людям. Это — то благо, ради которого в том числе они образуют государство. Именно такой ракурс проблемы должен приниматься во внимание политическими структурами при принятии правовых, организационных, административных, финансовых решений, касающихся здравоохранения. Инвестирование здравоохранения и реализация отдельных медицинских программ

должны отличаться системностью и представлять просто задачу жизни, точнее, ее эффективной организации. Цели здравоохранения и образования взаимосвязаны, и они являются подлинными целями человеческой жизни, при этом именно эти сферы должны быть лишены какой бы то ни было дискриминации. Исходя из этого и нужно проектировать и строить экономическую систему в целом, планировать и осуществлять экономическую политику.

Таким образом, мы пришли к выводу, что задача государства может быть сформулирована следующим образом: экономическая политика должна порождать и стимулировать такие виды деятельности, которые слабо развиты или не развиты до сих пор, связаны с новыми комбинациями, открытыми в ходе научно-исследовательской деятельности и приводящими к положительной динамике социальных показателей — по реальному доходу, неравенству, доступности социальных функций (образование, здравоохранение, культура, наука, социальные гарантии) и достаточности благ.

Все виды политики необходимо подчинить исполнению данного рецепта: совпадению профиля доходности, риска, инвестиций, функций и полезности видов деятельности и благ.

Список источников

1. Гайгер Л. Макроэкономическая теория и переходная экономика. М.: Инфра-М, 1996.
2. Капустин Е. И. Уровень, качество и образ жизни населения России. М.: Наука, 2006.
3. Оценка качества экономического роста региона с учетом противоречий воспроизводства человеческого потенциала / Шеломенцев А. Г., Кузьмин А. И., Андреева Е. Л., Козлова О. А., Нифантова Р. В., Полкова Т. В., Косьмин И. Ф. и др. Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2010. 179 с.
4. Сен А. Развитие как свобода. М.: Новое издательство, 2004.
5. Сухарев О. С. Теория эффективности экономики. М.: Финансы и статистика, 2009.
6. Хикс Дж. Движущая сила экономического роста. Нобелевская лекция // Нобелевские лауреаты по экономике. Взгляд из России. СПб: Гуманистика, 2003. с. 124-140.
7. Grossman M. The Demand for Health // National Bureau of Economic Research, Occasional Paper 119. New York: Columbia University Press, 1972.
8. Investing in People. The Economics of Population Quality. Berkeley, 1981.
9. Kuznets S. National Income // A Summary of Findings. New York. National Bureau of Economic Research, 1946.
10. Schultz T. Investment in Human Capital: The Role of Education and of Research. New York, 1971.

УДК 330.35

ключевые слова: экономический рост, социальное развитие, социальная эффективность, социальная структура, здравоохранение

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

ВОСПРОИЗВОДСТВО НАСЕЛЕНИЯ В РЕГИОНАХ РОССИИ¹

А. И. Кузьмин, Т. В. Примак, А. А. Кузьмина

В статье рассматривается проблема региональной дифференциации уровня воспроизводства городского и сельского населения России на основе использования суммарного коэффициента рождаемости, брутто- и нетто-коэффициентов замещения поколений.

В процессе демографического перехода происходит трансформация иерархии основных групп причин смертности населения (эпидемиологический переход), необратимое изменение возрастной структуры населения в виде ее постарения «снизу» и «сверху», в основном под давлением глобального спада рождаемости и частично — по причинам роста продолжительности жизни. Исторический переход от норм и культуры многодетности к средне- и малодетным формам жизнедеятельности семьи запускает в действие механизмы «убывания потребности в детях». По мнению одного из выдающихся идеологов модернизации демографических процессов Дж. Колдуэлла, «поток благ от детей к родителям» сменяется на поток ценностей от родителей к детям в процессе эволюции форм обмена материальными и духовными благами между поколениями родителей и детей [10, р. 367-368]. Институт семьи практически размывается и видоизменяется, как и институт брака. Модернизация усиливает потоки миграции и дифференцирует ее формы и виды на межстрановом и межконтинентальном уровнях, что дает основание Рону Лестажу вслед за Франком Нотештейном вводить термин второго и даже третьего демографического переходов [12, р. 5-10].

Процессы демографического перехода до сих пор еще не полностью завершены на тер-

ритории бывшего СССР в силу неоднородного этнодемографического и религиозного состава населения, уровня культурного и социально-экономического развития территорий. Однако модернизация уже внесла в жизнь страны широкое распространение форм трудовой миграции иностранных граждан, феномены бегства и спасения от насилия и последствий межнациональных конфликтов, распространения очагов бедности и нищеты. Появились массовые факты транзитной и нелегальной миграции, торговли живым товаром и т. д. «Демографический пост-модерн» в России заключается в освобождении из капкана жесткой депопуляции и в переходе к режиму своеобразного жгутирования уровней рождаемости и смертности, в появлении и развитии новых моделей репродуктивного и само-сохранительного и миграционного поведения семьи и личности.

На Урале в основном демографический переход произошел действительно в революционные сроки — с 1926–1928 гг. по 1979–1989 гг., когда невероятно высокие суммарные коэффициенты рождаемости в рабочей и крестьянской среде (7,2–6,8 детей в среднем на женщину за всю ее жизнь) были заменены тревожными показателями 1,8–1,9. К эпохе Е. Гайдара суммарная рождаемость скатилась до общероссийских уровней — 1,2, а в Москве и Свердловске — до 0,87 и 0,95. К настоящему периоду уровни воспроизводства населения в регионах России практически выровнялись и сблизились, однако региональная специфика проявляет себя еще очень заметно благодаря этническому и религиозному фактору, особенно на сельских территориях.

Судя по данным Росстата [8] о естественном движении населения за январь — октябрь 2010 г., в группу территорий с очень высоким и высоким естественным приростом (в расчете на 1000 населения), или в первый воспроиз-

¹ Публикация подготовлена в рамках и при финансовой поддержке гранта РГНФ 10-02-83230 а/У «Социально-демографическое прогнозирование городов индустриального Севера Среднего Урала»

водственный кластер населения, попали Чеченская Республика (23,1‰ — превышения уровня рождаемости над уровнем общей смертности), Республика Ингушетия (18,0‰), Республика Тыва (14,5‰), Республика Дагестан (12,4‰). Естественный прирост населения от 2 до 1% в год поддерживает мощную основу для воспроизводства демографического потенциала этих республик.

В группу с высоким по масштабам современной России приростом населения за счет положительного сальдо рождаемости и смертности вошли так же Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский автономные округа (9,8‰ и 9,4‰), Республика Алтай (8,4‰), Тюменская область в целом (7,0‰), Республика Саха (Якутия) (6,9‰). Благополучные естественные приросты населения демонстрирует целая группа других гетероэтнических регионов России: Кабардино-Балкарская Республика (4,9‰), Ненецкий автономный округ (4,8‰), Республика Калмыкия (4,4‰), Республика Бурятия (4,3‰), Республика Северная Осетия — Алания (3,7‰), Карачаево-Черкесская Республика (3,2‰), Забайкальский край (1,9‰), Республика Хакасия (1,2‰), Республика Башкортостан (0,6‰), Удмуртская Республика (0,3‰), Чукотский автономный округ (0,2‰). Следует заметить, что в 2010 г. в группу с положительным естественным приростом вошли также Иркутская область (0,8‰), Астраханская область (0,5‰), Томская область (0,4‰) и даже Красноярский край (0,4‰). Перечень территорий с благополучным естественным приростом, в общем-то, велик, но численность населения в этом кластере в целом невысока. Все это лишнее раз подтверждает «закат русской рождаемости» вслед за европейской.

К сожалению, Свердловская область не преодолела планку положительного прироста населения, хотя г. Екатеринбург в 2009 и 2010 гг. очень приятно удивил демографов положительным естественным приростом населения в отличии от Москвы и Санкт-Петербурга. Указанные субъекты Федерации, тем не менее, оказались в группах территорий с невысокими отрицательными показателями убыли населения (см. табл. 1).

Заметно, что традиционные территории индустриального Урала вошли именно в эту группу регионов, что скорее радует, нежели огорчает, учитывая бедственную демографическую ситуацию в регионах Большого Урала еще два-три года назад. В этой же группе субъектов Федерации

Таблица 1

Естественная убыль населения во втором кластере

Второй кластер	Естественная убыль населения, ‰
Республика Коми	-0,2
Мурманская область	-0,3
Оренбургская область	-0,5
Республика Татарстан	-0,5
Ставропольский край	-0,5
г.Москва	-0,6
Омская область	-0,6
Камчатский край	-0,7
Новосибирская область	-0,7
Свердловская область	-0,9
Челябинская область	-1,0
Пермский край	-1,2
Амурская область	-1,3
Республика Адыгея	-1,3
Еврейская автономная область	-1,4
Краснодарский край	-1,5
Магаданская область	-1,7
Хабаровский край	-1,7
Чувашская Республика	-1,7

оказались и Москва, и Новосибирская область. Учитывая фактор влияния активной демографической политики, непонятно, почему в кластер с отрицательной убылью населения попали Татарстан, Адыгея, Республика Коми, Краснодарский край, Чувашская республика.

В третьей группе субъектов Федерации с тревожными показателями открыто идущей депопуляции оказались Зауралье и Санкт-Петербург, Карелия, Приморский край, Сахалин, Вологда, Калининградская область и ряд Южных территорий России. Некоторым особняком здесь смотрятся Кемеровская область и Алтайский край (см. табл. 2).

В зону наиболее высоких коэффициентов естественной убыли населения в России попали субъекты Федерации четвертого кластера (см. табл. 3).

Демографическую ситуацию, судя по размерам открыто идущей депопуляции, можно характеризовать в данной группе субъектов Федерации как бедственную. Особо это касается Ивановской, Рязанской, Смоленской, Тамбовской, Новгородской, Тверской, Тульской, Псковской областей. Естественная убыль населения по одному проценту населения в год может в короткий срок привести к демографической катастрофе. Однако следует признать, что показатели естественного прироста (убыли)

населения находятся под сильным влиянием возрастной структуры, в частности тенденции ее постарения, в процессе демографического перехода не могут «сразу» скоротечно измениться в силу другой глобальной тенденции

Таблица 2

Естественная убыль населения в третьем кластере

Третий кластер	Естественная убыль населения, ‰
Архангельская область	-2,1
г. Санкт-Петербург	-2,2
Алтайский край	-2,3
Приморский край	-2,4
Калининградская область	-2,6
Сахалинская область	-2,6
Республика Марий Эл	-2,7
Кемеровская область	-2,8
Курганская область	-2,9
Белгородская область	-3,5
Волгоградская область	-3,7
Республика Карелия	-3,8
Самарская область	-4,0
Ростовская область	-4,1
Вологодская область	-4,3

Таблица 3

Естественная убыль населения в четвертом кластере

Четвертый кластер	Естественная убыль населения, ‰
Московская область	-5,0
Кировская область	-5,1
Саратовская область	-5,2
Ульяновская область	-5,4
Костромская область	-5,6
Калужская область	-5,8
Ярославская область	-6,0
Пензенская область	-6,1
Липецкая область	-6,3
Брянская область	-6,4
Курская область	-6,5
Орловская область	-6,6
Республика Мордовия	-6,6
Нижегородская область	-7,1
Воронежская область	-7,5
Ленинградская область	-7,5
Владимирская область	-7,7
Ивановская область	-8,1
Рязанская область	-8,3
Смоленская область	-8,3
Тамбовская область	-8,5
Новгородская область	-8,9
Тверская область	-9,5
Тульская область	-10,2
Псковская область	-10,6

— высокой инерционности изменения демографических структур и семьи (за исключением миграционных систем).

К сожалению, даже в солидных изданиях, затрагивающих оценку воспроизводства демографического потенциала регионов России, показатели брутто- и нетто-коэффициентов воспроизводства отсутствуют как в своем классическом виде, так и в математических моделях линейного и нелинейного характера. Применяются лишь общие показатели рождаемости и естественного прироста населения [9, с. 1031-1033].

С. Захаров высказывает мнение, что «поскольку население России не воспроизводится уже четыре десятилетия, то перспективы его роста за счет естественного прироста в ближайшие два десятилетия ничтожны. При отсутствии дополнительной миграционной подпитки и сохранении уровня рождаемости второй половины 1990-х годов, численность населения может сокращаться с ежегодными темпами, доходящими до 1% в год, а в пределе и до 2% в год, как на то указывает коэффициент естественного прироста стабильного населения (20,3 на 1000 населения)».

Падение рождаемости в 1990-х годах еще более усилило степень «недовоспроизводства» (каждое новое поколение детей сегодня на 30–40% меньше родительского).

По данным С. Захарова, за период 1985–1999 гг. вероятность дожития женщин от 15 до 49 лет в России достигла уровня 0,98 и, вероятно, не менялась и в следующем десятилетии в худшую сторону. Попытаемся использовать это обстоятельство в наших расчетах при оценке режима воспроизводства населения в регионах России, используя центральную базу данных на портале Росстата [5].

В группе территорий, благополучно развивающихся столь необходимый стране «слегка расширенный» тип замещения родительских и детских поколений, по нашим подсчетам, оказались регионы с ярко выраженным влиянием этнического фактора на репродуктивное поведение населения (табл. 4).

Сразу же можно выделить помимо значимости этнического фактора влияние сельской рождаемости на расширенный режим замещения поколений в данной группе субъектов РФ. Обратим внимание на позиции Тывы и Республики Алтай в этой группе. На территории Алтая нами в свое время была обнаружена и исследована многодетность и мотивы высокой

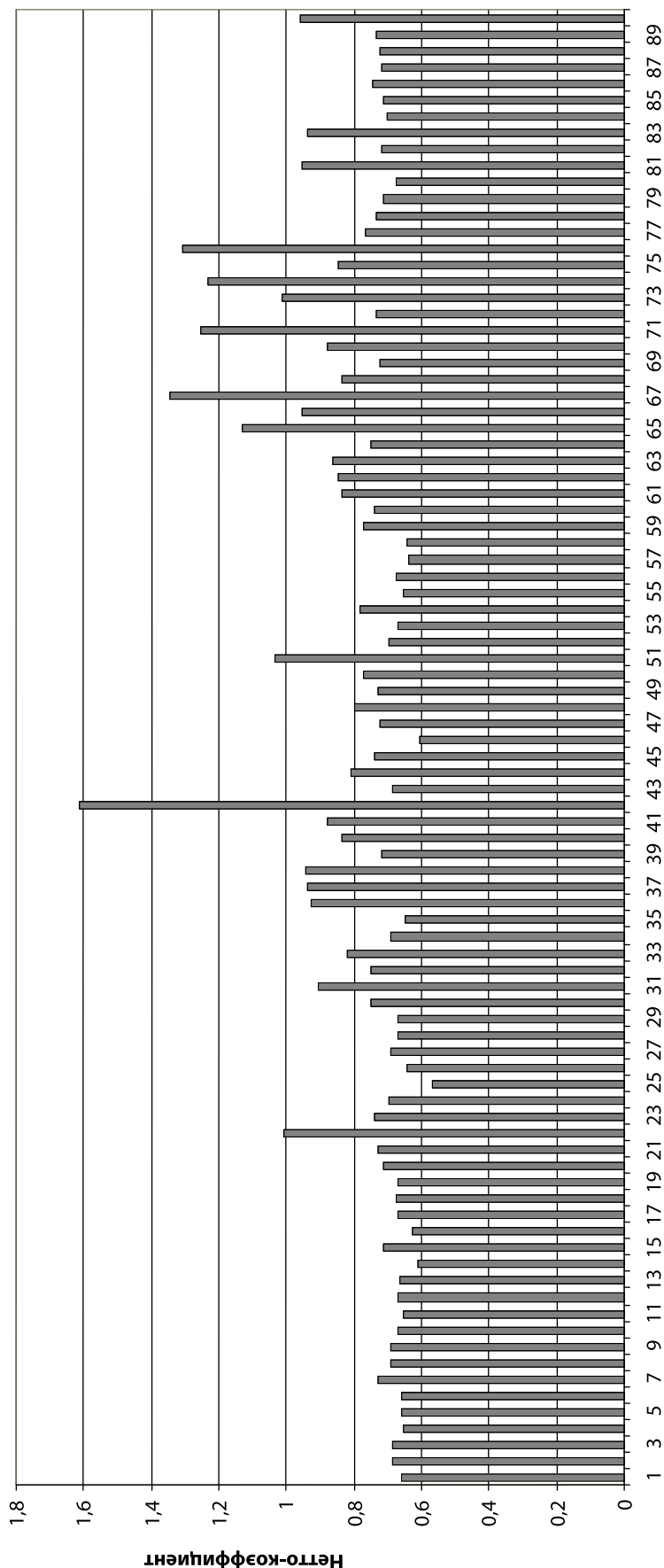

Рис. 1. Уровень воспроизводства населения в регионах России (2009 г.)

(1 — Белгородская область; 2 — Брянская область; 3 — Владимирская область; 4 — Воронежская область; 5 — Ивановская область; 6 — Калужская область; 7 — Костромская область; 8 — Курская область; 9 — Липецкая область; 10 — Московская область; 11 — Орловская область; 12 — Рязанская область; 13 — Смоленская область; 14 — Тамбовская область; 15 — Тверская область; 16 — Тульская область; 17 — Ярославская область; 18 — г. Москва; 19 — Республика Карелия; 20 — Республика Коми; 21 — Архангельская область; 22 — Ненецкий АО; 23 — Вологодская область; 24 — Калининградская область; 25 — Ленинградская область; 26 — Мурманская область; 27 — Новгородская область; 28 — Псковская область; 29 — г. Санкт-Петербург; 30 — Республика Адыгея; 31 — Республика Ингушетия; 32 — Краснодарский край; 33 — Астханская область; 34 — Волгоградская область; 35 — Ростовская область; 37 — Республика Дагестан; 38 Республика Ингушетия; 39 — Кабардино-Балкарская Республика; 40 — Карачаево-Черкесская Республика; 41 — Республика Северная Осетия — Алания; 42 — Чеченская Республика; 43 — Ставропольский край; 44 — Республика Башкортостан; 45 — Республика Марий Эл; 46 — Республика Мордовия; 47 — Республика Татарстан; 48 — Удмуртская Республика; 49 — Чувашская Республика; 50 — Пермский край; 51 — Коми-Пермяцкий АО; 52 — Кировская область; 53 — Нижегородская область; 54 — Оренбургская область; 55 — Пензенская область; 56 — Самарская область; 57 — Саратовская область; 58 — Ульяновская область; 59 — Курганская область; 60 — Свердловская область; 61 — Тюменская область; 62 Ханты-Мансийский АО — Югра; 63 Ямало-Ненецкий АО; 64 Челябинская область; 65 — Республика Алтай; 66 — Республика Бурятия; 67 — Республика Хакасия; 68 — Республика Тыва; 69 — Алтайский край; 70 — Забайкальский край; 71 — Агинский Бурятский АО; 72 — Красноярский край; 73 — Таймырский (Долгано-Ненецкий) АО; 74 — Эвенкийский АО; 75 — Иркутская область; 76 — Усть-Ордынский Бурятский АО; 77 — Кемеровская область; 78 — Новосибирская область; 80 — Омская область; 81 — Республика Саха (Якутия); 82 — Камчатский край; 83 — Корякский авт. округ; 84 — Приморский край; 85 — Хабаровский край; 86 — Амурская область; 87 — Магаданская область; 88 — Сахалинская область; 89 — Еврейская автономная область; 90 — Чукотский АО)

Таблица 4

Регионы России с расширенным замещением поколений
(ранжированы в порядке убывания величины показателей замещения материнского поколения дочерним, в долях единицы)

Регион России	Суммарный коэффициент рождаемости, (среднее число детей в расчете на одну женщину условного поколения)			Нетто-коэффициент воспроизводства населения (замещения материнских поколений дочерними), в долях единицы*		
	Всего	Город	Село	Всего	Город	Село
Чеченская Республика	3,376	3,324	3,414	1,615	1,590	1,633
Республика Тыва	2,808	2,163	3,927	1,343	1,034	1,878
Усть-Ордынский Бурятский АО	2,732	0,0	2,732	1,307	0,0	1,307
Агинский Бурятский АО	2,627	2,772	2,519	1,256	1,326	1,205
Эвенкийский АО	2,579	2,29	2,751	1,233	1,095	1,316
Республика Алтай	2,362	1,901	2,693	1,130	0,909	1,288
Коми-Пермяцкий АО	2,162	1,651	2,418	1,034	0,790	1,156
Таймырский (Долгано-Ненецкий) АО	2,115	1,488	4,283	1,011	0,712	2,048
Ненецкий АО	2,103	1,821	2,836	1,006	0,871	1,356

* Формулы расчетов приведены по В. М. Медкову [7, с. 300-301]

рождаемости в семьях обрусевших кумундинцев. На селе Таймырский округ демонстрирует коэффициенты суммарной рождаемости близкие Пакистану или Индии.

В программу социологического обследования алтайской семьи в районе р. Катунь, проведенного под руководством Т. И. Светловой (НРО «Полярэкс») в 1989 г., по нашей инициативе были включены индикаторы репродуктивной мотивации. В ходе обследования опрошено 359 мужчин и 662 женщины. В возрастном разрезе опрошенных распределились так: в группе до 20 лет — 6,4%, 20–24 года — 11,3, 25–29 лет — 18,5, 30–40 лет — 28,5, 40–50 лет — 12,6%, остальные лица были в возрасте старше 50 лет. Из характеристики выборочной совокупности следует отметить, что основная масса опрошенных (94,6%) проживала в семьях нуклеарного типа. В больших семьях — родственных коллективах — проживал лишь каждый четвертый из опрошенных, доля неполных семей крайне мала — не более 3%.

Наиболее высокие уровни ожидаемого числа детей характерны для национальных сел и традиционных ареалов расселения алтайцев (283–275 детей в расчете на 100 семей), тогда как в урбанизированных зонах и смешанных по национальному составу селах ожидаемое число заведомо меньше уровня простого замещения поколений и составляет 237–222 ребенка в расчете на 100 семей. Чисто эмпирически был выявлен баланс экономических и чувственных ценностей детей в многодетной семье. В алтайском периферийном селе Каспа в семьях с

тремя детьми и более на мотив помощи детей по дому и хозяйству сослалось 47,6% опрошенных, на продолжение рода и фамилии (социальный мотив) — 59,5%, на значение материальной помощи от детей в старости — 16,7%. В то же время на желание иметь малыша указало всего 4,8%, а вот на «любовь к детям» — 52,3%, и на потребность в общении с детьми — половина опрошенных.

Режим замещения поколений в интервале от 0,9 до единицы можно квалифицировать как хороший, но не отличный. К сожалению, термин «оптимальный» здесь не подходит, поскольку не известны критерии оптимальности. Однако интервал в пределах от 0,9 до 1,0 вполне приемлем в качестве ориентиров демополитики после серии социально-экономических кризисов и провалов в воспроизводстве населения России в конце прошлого века. Итак, ко второй группе регионов РФ можно отнести лишь небольшое количество областей, краев и автономных округов с так же ярко выраженным влиянием этнической и сельской рождаемости (табл. 5).

Показатели продолжительности жизни на этих отдаленных от центра периферийных территориях Москвы очень проблематичные, несмотря на общий спад за последние два года силы смертности в младенческих возрастах и в фертильном контингенте.

Из таблицы уровня воспроизводства кластера с хорошими показателями режима замещения поколений видно, что воспроизводство населения в пределах, стремящихся к единице, обеспечивает величина суммарного коэффициента

Таблица 5

Субъекты Российской Федерации, имеющие режим воспроизводства населения в пределах простого замещения поколений (ранжированы в порядке убывания величины показателей замещения материнского поколения дочерним, в долях единицы)

Регион России	Суммарный коэффициент рождаемости			Нетто-коэффициент воспроизводства населения, в долях единицы		
	Всего	Город	Село	Всего	Город	Село
Чукотский АО	2,009	1,795	2,311	0,961	0,858	1,105
Республика Бурятия	2,000	1,733	2,393	0,956	0,829	1,144
Республика Саха (Якутия)	2,000	1,775	2,699	0,956	0,849	1,291
Республика Ингушетия	1,973	1,937	2,002	0,944	0,926	0,957
Корякский АО	1,963	1,53	2,336	0,939	0,732	1,117
Республика Дагестан	1,959	1,608	2,295	0,937	0,769	1,098
Республика Калмыкия	1,89	1,718	2,1	0,904	0,822	1,004

рождаемости в пределах двух детей в среднем на женщину, что в основном обеспечивается усилиями репродуктивного поведения сельского населения (за исключением Ингушетии)

К третьему кластеру — с удовлетворительным режимом замещения поколений можно отнести ряд территорий, имеющих показатель от 0,8 до 0,9 замещения материнских поколений дочерними поколениями. В этом интервале появляется и ряд областей и автономных округов Уральского района, включая УрФО.

Таким образом, к регионам с относительно удовлетворительным состоянием дел можно формально отнести субъекты Российской Федерации, расположенные по убыванию величины нетто-коэффициента воспроизводства населения в интервале от 0,9 до 0,8 долей единицы (табл. 6).

Очевидна зависимость уровня воспроизводства населения от этнического и географического фактора (удаленность территории от центра). Влияние сельской рождаемости на удовлетво-

рительный уровень воспроизводства населения наиболее сильно проявляет себя в Ямало-Ненецком автономном округе, Иркутской области, Республике Хакасия, Удмуртии и Тюменской области в целом. Мотивация сельской рождаемости в Уральском федеральном округе изучалась нами на примере Ханты-Мансийского автономного округа (ХМАО) на протяжении последних 20 лет. В 2008–2009 гг. было предпринято изучение репродуктивного и самосохранительного поведения сельского населения на примере Ханты-Мансийский район ХМАО-Югры, которое вновь показало повышенный вес социально-экономических мотивов деторождения в сельских семьях. Проведенное в 2008–2009 гг. выборочное обследование 963 респондентов в Ханты-Мансийском районе ХМАО включало индикаторы репродуктивного и самосохранительного поведения. Среди обследованных поселений района наибольшее фактическое число детей у опрошенных имеет место в Кышике (доля трех и более детей до-

Таблица 6

Регионы России, имеющие слегка суженный режим замещения поколений

Регион России	Суммарный коэффициент рождаемости			Нетто-коэффициент воспроизводства населения, в долях единицы		
	Всего	Город	Село	Всего	Город	Село
Забайкальский край	1,842	1,776	1,994	0,881	0,849	0,954
Республика Северная Осетия — Алания	1,842	1,785	1,941	0,881	0,854	0,928
Ямало-Ненецкий АО	1,799	1,628	2,827	0,860	0,779	1,352
Ханты-Мансийский АО — Югра	1,773	1,752	2,009	0,848	0,838	0,961
Иркутская область	1,768	1,611	2,421	0,846	0,770	1,158
Республика Хакасия	1,752	1,572	2,199	0,838	0,752	1,052
Тюменская область	1,751	1,654	2,165	0,837	0,791	1,035
Карачаево-Черкесская Республика	1,749	1,525	1,942	0,836	0,729	0,929
Астраханская область	1,71	1,638	1,847	0,818	0,783	0,883
Республика Башкортостан	1,692	1,522	2,006	0,809	0,728	0,959
Удмуртская Республика	1,672	1,471	2,197	0,800	0,703	1,051

стигает 60%), Шапше — 40%, Нялином — 25%, Луговском — 20%, Кедровом — 15%, в Сибирском — 10% респондентов имеет трех и более детей. Идеальное число детей достигало в поселениях традиционного типа трех детей в расчете на респондента (в Кышике — 3,50, в Шапше — 3,20, Сибирском — 3,29). Это говорит о том, что многие муниципальные образования и поселения традиционного типа сохранили устойчивые нормы среднедетности, обеспечивающие расширенное воспроизводство и замещение поколений. Так, среднее желаемое число детей было наиболее высоко в Нялином (3,37), Красноленинском (3,19), Сибирском (3,14). В целом среднее желаемое число детей у обследованных женщин составило 2,72, тогда как у мужчин — 3,16. Мужчины ориентированы на большее число детей с точки зрения потребности в детях в сельских районах. Вообще социально-

психологическая мотивация преобладала во всех поселениях Ханты-Мансийского района, но не в мотивах «любви и ласки», а в получении эмоционально-чувственного удовлетворения от общения с малышом (34–25% к итогу по поселениям). Заметно выделялась на этом фоне ценность «помощь детей родителям в старости» в таких поселениях, как Цынгалы (19,4%), Кышик (18,2%), Луговское (11,5%) и желание «продолжить род и фамилию» (Нялином (26,7%), Луговское (9,8%), Красноленинский (9,6%), Цынгалы (9,7%)). Столь высоких значений в городской среде данные мотивы, как правило, не достигают. Следует отметить, что в составе субъектов Федерации данного кластера имеют место сельские территории с отличными показателями демографического потенциала — вероятностью расширенного воспроизводства населения. В частности, к таким территориям

Таблица 7

Регионы России, имеющие суженный режим замещения поколений

Регион России	Суммарный коэффициент рождаемости			Нетто-коэффициент воспроизводства населения, в долях единицы		
	Всего	Город	Село	Всего	Город	Село
Оренбургская область	1,635	1,402	2,075	0,782	0,670	0,992
Пермский край	1,614	1,464	2,117	0,772	0,700	1,012
Курганская область	1,613	1,503	1,782	0,771	0,719	0,852
Кемеровская область	1,600	1,546	1,91	0,765	0,739	0,913
Республика Адыгея	1,573	1,33	1,885	0,752	0,636	0,901
Краснодарский край	1,568	1,474	1,671	0,750	0,705	0,799
Челябинская область	1,568	1,466	2,052	0,750	0,701	0,981
Амурская область	1,556	1,423	1,862	0,744	0,681	0,890
Свердловская область	1,546	1,461	2,024	0,739	0,699	0,968
Вологодская область	1,542	1,402	2,004	0,737	0,670	0,958
Республика Марий Эл	1,542	1,38	1,869	0,737	0,660	0,894
Новосибирская область	1,539	1,423	1,952	0,736	0,681	0,934
Красноярский край	1,536	1,386	2,161	0,735	0,663	1,033
Еврейская автономная область	1,534	1,451	1,689	0,734	0,694	0,808
Архангельская область	1,529	1,383	2,171	0,731	0,661	1,038
Чувашская Республика	1,526	1,33	1,921	0,730	0,636	0,919
Костромская область	1,524	1,406	1,862	0,729	0,672	0,890
Республика Татарстан	1,514	1,419	1,982	0,724	0,679	0,948
Сахалинская область	1,512	1,454	1,754	0,723	0,695	0,839
Алтайский край	1,507	1,306	1,823	0,721	0,625	0,872
Кабардино-Балкарская Республика	1,506	1,296	1,8	0,720	0,620	0,861
Магаданская область	1,505	1,451	7,86	0,720	0,694	3,759
Камчатский край	1,502	1,482	1,568	0,718	0,709	0,750
Омская область	1,492	1,331	1,902	0,714	0,637	0,910
Тверская область	1,49	1,352	2,019	0,713	0,647	0,966
Республика Коми	1,49	1,309	2,28	0,713	0,626	1,090
Хабаровский край	1,487	1,402	1,886	0,711	0,670	0,902
Приморский край	1,468	1,367	1,8	0,702	0,654	0,861

относится сельские районы: ЯНАО — 1,352; Иркутской области — 1,158; Хакасии — 1,051. Но таких регионов — единицы. Основная масса сельских территорий разделила участь депопуляции городских социумов, а первые итоги последней переписи в России обнаружили и новую неприятную тенденцию — убывание численности городов-миллионеров.

В большом кластере регионов, где воспроизводство населения оценивается в пределах от 0,7 до 0,8 единицы, демографическая ситуация квалифицируется нами как плохая (табл. 7).

Интересно отметить высокие и вполне благополучные уровни замещения поколений в сельском населении у некоторых субъектов Федерации данного кластера. Это касается Архангельской области, Пермского и Красноярского краев. Невероятно высокий уровень замещения поколений демонстрирует Магаданская область (суммарный коэффициент 7,86 был нами перепроверен, но не вызывает доверия). По последней следует сделать отдельные подсчеты с учетом областных таблиц смертности. Относительно высокие нетто-коэффициенты воспроизводства сельского населения наблюдаются в Омской, Тверской, Челябинской, Кемеровской областях, в Татарии и в Хабаровском крае. Дифференциация воспроизводства населения в данных регионах в разрезе «город — село» очень значительна, и это отрадно с точки зрения усиления активной демополитики на данных территориях России. Таким образом, роль этнического фактора и урбанизации продолжает проследиваться. По Среднему Уралу в Институте экономики УрО РАН в 2009–2010 гг. были получены новые данные. Так, сравнительный анализ демографического поведения российских и узбекских семей на Среднем и Южном Урале предпринял Б. С. Павлов, а О. А. Козлова, Е. Б. Бедрина и Н. З. Шаймарданов дали оценку фактора возмещения естественной убыли населения по сравнению с приростом внешней миграции на Среднем Урале [11, с. 164–177; с. 227–240].

В интервале режима замещения поколений от 0,5 до 0,7 от единицы оказалось очень значительное число территорий — 34. В отличие от коэффициентов естественной убыли населения, представленная картина депопуляции более точна и не зависит от возрастной структуры населения региона, что позволяет сопоставить показатели в принципе (табл. 8).

Особенно тяжела демографическая ситуация территорий, в которых уровень воспроиз-

водства населения не достигает величины 0,7. Кстати, в этот кластер попадает и внешне благополучная по продолжительности жизни населения Москва (всего численность населения составляет 10 млн 563 тыс. чел. по текущему учету на начало 2010 г., а вскоре (к апрелю 2011 г.) статистика пополнится недоучтенными переписью октября 2010 г. категориями населения, что позволит скорректировать данные и по ряду городов-миллионеров в РФ).

В настоящее время наиболее кризисные показатели воспроизводства населения характерны для городского населения таких регионов как: Белгородская, Тамбовская, Саратовская, Пензенская области, Республика Мордовия, Орловская, Тульская, Ленинградская, Ростовская области. Самый низкие коэффициенты воспроизводства и замещения поколений присущи Ленинградской области, имеющей перспективы потери половины городского и сельского населения через 10–15 лет. Соотношение величины уровня нетто-коэффициента и суммарной рождаемости с уровнем развития территории навевает знакомые мысли о проявлении действия так называемой обратной связи уровня доходов и культуры с числом детей в семье.

Рано или поздно низкие уровни воспроизводства населения начинают фигурировать в качестве отрицательных сальдо естественного прироста населения. Именно поэтому долговременные режимы замещения поколений на уровне, близком к 0,5–0,6, опасны в смысле полной потери демографического потенциала и разрушения демографической системы региона.

Таким образом, расчеты вслед за суммарной рождаемостью показателей брутто- и нетто-коэффициентов по конкретным территориям России с выделением воспроизводственной ситуации по городской и сельской местности в буквальном смысле «переворачивают картину» улучшения демографической ситуации в России в целом и по федеральным округам в результате усилий демографической политики. Возникает проблема осуществления особой антидепрессивной демографической политики и регулирования потоков внутренней миграции в регионах четвертого и даже пятого кластера (в котором фактически находятся территории с уровнем замещения поколения в пределах половины и в перспективе — менее 0,5). Основной недостаток нетто-коэффициента воспроизводства населения заключается в том, что он слабо учитывает влияние тенденций смертности. Фактически учитывается вероятность материнской смер-

Таблица 8

Регионы России, имеющие суженный как в городской, так и в сельской местности режим замещения поколений, ведущий к открытой депопуляции

Регион России	Суммарный коэффициент рождаемости			Нетто-коэффициент воспроизводства населения, в долях единицы		
	Всего	Город	Село	Всего	Город	Село
Калининградская область	1,457	1,362	1,742	0,697	0,651	0,833
Кировская область	1,454	1,332	1,888	0,695	0,637	0,903
Новгородская область	1,45	1,359	1,721	0,693	0,650	0,823
Волгоградская область	1,446	1,318	1,871	0,692	0,630	0,895
Липецкая область	1,444	1,318	1,724	0,691	0,630	0,824
Курская область	1,440	1,37	1,619	0,689	0,655	0,774
Владимирская область	1,432	1,364	1,687	0,685	0,652	0,807
Ставропольский край	1,433	1,288	1,657	0,685	0,616	0,792
Брянская область	1,430	1,346	1,634	0,684	0,644	0,781
Самарская область	1,415	1,324	1,857	0,677	0,633	0,888
г.Москва	1,414	1,414	0,0	0,676	0,676	0,0
Томская область	1,408	1,355	1,59	0,673	0,648	0,760
Псковская область	1,403	1,319	1,632	0,671	0,631	0,780
Московская область	1,397	1,423	1,275	0,668	0,681	0,610
Рязанская область	1,396	1,257	1,838	0,668	0,601	0,879
г.Санкт-Петербург	1,396	1,396	0,0	0,668	0,668	0,0
Нижегородская область	1,397	1,317	1,77	0,668	0,630	0,846
Ярославская область	1,394	1,319	1,805	0,667	0,631	0,863
Республика Карелия	1,394	1,287	1,874	0,667	0,615	0,896
Смоленская область	1,387	1,261	1,782	0,663	0,603	0,852
Ивановская область	1,382	1,357	1,486	0,661	0,649	0,711
Калужская область	1,383	1,285	1,737	0,661	0,615	0,831
Белгородская область	1,374	1,248	1,712	0,657	0,597	0,819
Пензенская область	1,366	1,241	1,704	0,653	0,593	0,815
Воронежская область	1,363	1,297	1,493	0,652	0,620	0,714
Орловская область	1,363	1,249	1,612	0,652	0,597	0,771
Ростовская область	1,358	1,221	1,666	0,649	0,584	0,797
Мурманская область	1,349	1,327	1,621	0,645	0,635	0,775
Ульяновская область	1,344	1,262	1,622	0,643	0,604	0,776
Саратовская область	1,330	1,193	1,816	0,636	0,571	0,868
Тульская область	1,309	1,229	1,634	0,626	0,588	0,781
Тамбовская область	1,278	1,172	1,459	0,611	0,560	0,698
Республика Мордовия	1,269	1,177	1,501	0,607	0,563	0,718
Ленинградская область	1,185	1,181	1,194	0,567	0,565	0,571

ности, тогда как основную роль играет дифференциация суммарной рождаемости на обширной территории России. Проблема смертности и продолжительности жизни особенно актуальна именно для демографического развития России и развития государства Российского в целом. Таким образом, в настоящее время депопуляции несколько отступила, но остается главной угрозой развитию большинства исконных российских территорий. Грядущий спад рождаемости может заметно снизить шансы на

самосохранение населения России в будущем. В силу этих обстоятельств выросли требования к эффективности региональной демографической политики в России, что дало основание Президенту РФ сформулировать кредо своего Послания Совету Федерации в сфере демографической политики следующим образом: «Мы взяли за демографическую проблему всерьез и надолго, но должны понимать, что в ближайшие 15 лет будут сказываться последствия демографического спада 90-х годов, а число

женщин так называемого репродуктивного возраста значительно сократится. И это серьезная угроза, это вызов для всей нашей нации» [6].

Список источников

1. Вишневецкий А. Г. Воспроизводство населения и общество. История, современность, взгляд в будущее. М.: Финансы и статистика, 1982.
2. Дугин А. Г. Социология воображения. Введение в структурную социологию. М.: Академический Проект ; Трикста, 2010.
3. Демоскоп Weekly. Приложения. [Электронный ресурс]. URL: www.demoscope.ru
4. Елизаров В. В. Дыры демографии. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tribuna.ru/articles/2010/08/26/>
5. Захаров С. О чем говорит и о чем не говорит неттокоэффициент воспроизводства населения // Демоскоп Weekly. № 125-126, [Электронный ресурс]. URL: www.demoscope.ru
6. Медведев Д. А. Послание Президента Федеральному Собранию // Президент России. Выступления и стенограммы. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/9637/>
7. Медков В. М. Демография: учебник. М.: Изд-во «Феникс», 2002.

8. Социальное положение и уровень жизни населения России. 2010 // Российская Федерация. Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс]. URL: www.gks.ru

9. Социально-экономические риски: диагностика причин и прогнозные сценарии нейтрализации / Под ред. В.А.Черешнева, А.И.Татаркина. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2010.

10. Шанхайская организация сотрудничества. Экономическая интеграция и национальные интересы / Под общ. ред. акад. РАН А. И. Татаркина, акад. РАН В.А.Черешнева, д.э.н. проф. А.Ф. Расулева. Екатеринбург: УрО РАН, 2010.

11. Coldwell J. C. Demographic Transition Theory // Population and development Review. 2008. vol. 34. № 2 (june).

12. Lesthaeghe R. On Theory development and application to the study of family formation // Population and development Review. 1998. Vol. 24. №1 (march).

УДК 314.143 (1)

ключевые слова: регион, воспроизводство населения, рождаемость, смертность, миграция, демографическое поведение

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ФАКТОР РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ РЕГИОНОВ УРАЛА

Н. М. Сурнина, О. В. Печура

В статье обосновывается значимость этнодемографического фактора в условиях открытости региональной экономики, определяется его внутренняя структура, устанавливаются основные качественно-количественные характеристики этнодемографических процессов для регионов Урала и УрФО, и формулируются выводы о разнонаправленном влиянии этнодемографического фактора на экономику изучаемого макрорегиона.

Территория Прикамья, Предуралья, Урала, Западной и Северной Сибири издавна была ареной активного этногенеза различных народов. Компактно проживающие в местах своего традиционного поселения коренные этносы репродуцируют традиционный вектор региональной этноэкономики, которому имманентен гармоничный с окружающей средой устойчивый характер. Но качественные изменения в этнической структуре населения региона, обус-

ловленные демографической глобализацией, и «интенсивный процесс переноса этнокультурной специфики» [2, с. 18] в автохтонные социально-экономические системы, вызванные открытостью территорий в условиях глобальной миграции труда и капитала, могут вызывать не только положительные экстерналии, но и приводить к большим экономическим потерям. Этнодемографический фактор в современных условиях имеет фундаментальный характер, связанный с наложением демографических волн различной интенсивности на социально-экономические тренды и проецированием этнических ментальностей на социально-экономические тенденции общественного развития.

Этническая составляющая этнодемографического фактора количественно оценивается, по нашему мнению, сдвигами в национальной структуре населения регионов. Источником исследования данных структурных сдвигов являются результаты всесоюзных и всероссийских

женщин так называемого репродуктивного возраста значительно сократится. И это серьезная угроза, это вызов для всей нашей нации» [6].

Список источников

1. Вишневский А. Г. Воспроизводство населения и общество. История, современность, взгляд в будущее. М.: Финансы и статистика, 1982.
2. Дугин А. Г. Социология воображения. Введение в структурную социологию. М.: Академический Проект ; Трикста, 2010.
3. Демоскоп Weekly. Приложения. [Электронный ресурс]. URL: www.demoscope.ru
4. Елизаров В. В. Дыры демографии. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tribuna.ru/articles/2010/08/26/>
5. Захаров С. О чем говорит и о чем не говорит неттокоэффициент воспроизводства населения // Демоскоп Weekly. № 125-126, [Электронный ресурс]. URL: www.demoscope.ru
6. Медведев Д. А. Послание Президента Федеральному Собранию // Президент России. Выступления и стенограммы. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/9637/>
7. Медков В. М. Демография: учебник. М.: Изд-во «Феникс», 2002.

8. Социальное положение и уровень жизни населения России. 2010 // Российская Федерация. Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс]. URL: www.gks.ru

9. Социально-экономические риски: диагностика причин и прогнозные сценарии нейтрализации / Под ред. В.А.Черешнева, А.И.Татаркина. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2010.

10. Шанхайская организация сотрудничества. Экономическая интеграция и национальные интересы / Под общ. ред. акад. РАН А. И. Татаркина, акад. РАН В.А.Черешнева, д.э.н. проф. А.Ф. Расулева. Екатеринбург: УрО РАН, 2010.

11. Coldwell J. C. Demographic Transition Theory // Population and development Review. 2008. vol. 34. № 2 (june).

12. Lesthaeghe R. On Theory development and application to the study of family formation // Population and development Review. 1998. Vol. 24. №1 (march).

УДК 314.143 (1)

ключевые слова: регион, воспроизводство населения, рождаемость, смертность, миграция, демографическое поведение

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ФАКТОР РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ РЕГИОНОВ УРАЛА

Н. М. Сурнина, О. В. Печура

В статье обосновывается значимость этнодемографического фактора в условиях открытости региональной экономики, определяется его внутренняя структура, устанавливаются основные качественно-количественные характеристики этнодемографических процессов для регионов Урала и УрФО, и формулируются выводы о разнонаправленном влиянии этнодемографического фактора на экономику изучаемого макрорегиона.

Территория Прикамья, Предуралья, Урала, Западной и Северной Сибири издавна была ареной активного этногенеза различных народов. Компактно проживающие в местах своего традиционного поселения коренные этносы репродуцируют традиционный вектор региональной этноэкономики, которому имманентен гармоничный с окружающей средой устойчивый характер. Но качественные изменения в этнической структуре населения региона, обус-

ловленные демографической глобализацией, и «интенсивный процесс переноса этнокультурной специфики» [2, с. 18] в автохтонные социально-экономические системы, вызванные открытостью территорий в условиях глобальной миграции труда и капитала, могут вызывать не только положительные экстерналии, но и приводить к большим экономическим потерям. Этнодемографический фактор в современных условиях имеет фундаментальный характер, связанный с наложением демографических волн различной интенсивности на социально-экономические тренды и проецированием этнических ментальностей на социально-экономические тенденции общественного развития.

Этническая составляющая этнодемографического фактора количественно оценивается, по нашему мнению, сдвигами в национальной структуре населения регионов. Источником исследования данных структурных сдвигов являются результаты всесоюзных и всероссийских

переписей населения. Национальная принадлежность при проведении переписи населения указывается самими опрашиваемыми на основе самоопределения (ст. 26 Конституции Российской Федерации) и записывается переписными работниками строго со слов опрашиваемых. При обработке материалов ВПН-2002 ответы населения о национальной принадлежности были систематизированы в 142 национальности и 40 входящих в них этнических групп согласно Списку национального (этнического) состава населения РФ, разработанному Институтом этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН.

Регионы Урала и УрФО характеризуются следующими изменениями в национальной структуре населения, произошедшими за период с 1989 по 2002 гг.

1. Появление в ряде субъектов «новых» субэтносов, поскольку в ходе ВПН-2002 часть русских идентифицировала себя с казаками и поморами, из числа украинцев выделились русины, часть татар назвали себя кряшенами (Республика Башкортостан), нагайбаками (Челябинская область) и сибирскими татарами (Курганская и Тюменская области), часть удмуртов отнесли себя к бесермянам (Удмуртская Республика).

2. Рост как абсолютной численности, так и удельного веса коренных малочисленных народов, за исключением коми-пермяков, численность которых снизилась за исследуемый период на 19866 чел., а доля в населении Пермского края — на 0,33%.

3. На всей территории Урала и УрФО снизился удельный вес удмуртов, что обусловлено не только возросшей полиэтничностью регионов, но и падением численности данного этноса. Так, в самой Удмуртии доля удмуртов в 2002 г. по сравнению с 1989 г. снизилась более всего — на 1,6%, несколько меньше в Пермском крае — на 0,13%, в Свердловской области — на 0,1%, в Башкортостане — на 0,05%.

4. В ряде субъектов удельный вес коренных этносов увеличился, но при снижении их в других регионах Урала и УрФО. В частности, доля башкир возросла на 7,85% в Башкортостане, на 0,1% в Тюменской области и на 0,16% в Челябинской области при падении доли на 0,04% в Удмуртии и Оренбургской области, на 0,05% в Свердловской области, на 0,11% в Курганской области. Практически такие же изменения характерны и для татар, удельный вес численности которых за изучаемый

период увеличился на 0,08% в Удмуртии, на 0,31% — в Оренбургской области, на 0,08% — в Тюменской области, но значительно снизился в Башкортостане (на 4,28%), на 0,15% упал в Свердловской и Курганской областях, на 0,52% — в Челябинской области и на 0,03% — в Пермской крае.

5. Подобные разнонаправленные тенденции прослеживаются и в отношении русских — самого многочисленного этноса территории: их удельный вес повысился на 1,68% в Оренбургской области, на 1,32% — в Челябинской области, на 1,24% — в Удмуртии, на 1,33% и 0,49% соответственно — в Пермском крае и в Свердловской области. Снижение доли русских за период 1989–2002 гг. наблюдается в Башкортостане на 2,95%, в несколько меньшей степени (на 1,01%) — в Тюменской области и на 0,27% — в Курганской области.

6. Что касается других славянских этносов (белорусов и украинцев), то их удельный вес в населении Урала и УрФО за изучаемый отрезок времени снизился во всех субъектах. Диапазон снижения доли белорусов — от 0,01% в Башкирии до 0,22% в Пермском крае. Удельный вес украинцев максимально упал в Оренбургской области (на 1,17%), минимальное снижение характерно для Пермского края (на 0,15%).

7. Совершенно противоположные тенденции присущи кавказским и среднеазиатским этносам. Во всех регионах Урала и УрФО в два и более раз возрос удельный вес азербайджанцев и армян; увеличилась доля таджиков в Оренбургской, Свердловской, Тюменской и Челябинской областях; повысилась доля узбеков в Тюменской и Оренбургской областях; вырос удельный вес чеченцев в Тюменской и Курганской областях.

Демографическая составляющая этнодемографического фактора выражается такими показателями, как численность населения, его структура по видам поселений и возрастная структура, средняя ожидаемая продолжительность жизни при рождении, общие коэффициенты рождаемости и смертности, брачности и разводимости, коэффициент миграционного прироста. Именно эти величины позволяют количественно оценить изменения в процессах естественного и механического движения населения территории.

Численность населения регионов Урала и УрФО весьма дифференцирована: минимальный удельный вес в общероссийской

Таблица 1

Динамика численности населения регионов Урала и УФО в 2002–2009 гг., тыс. чел. на начало года

Субъект РФ	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
РФ	145649	144964	144168	143474	142754	142221	142009	141904
Республика Башкортостан	4108	4192	4092	4079	4063	4051	4053	4057
Удмуртская Республика	1578	1568	1560	1553	1544	1538	1533	1529
Пермский край	2837	2814	2791	2770	2748	2731	2718	2708
Оренбургская область	2190	2176	2163	2150	2138	2126	2119	2112
УФО	12418	12362	12316	12279	12244	12231	12241	12255
Свердловская область	4514	4478	4448	4428	4410	4400	4396	4395
Курганская область	1031	1016	1004	992	980	969	960	963
Тюменская область	3251	3270	3290	3308	3323	3345	3374	3399
в т. ч.: ХМАО-Югра	1412	1438	1457	1469	1478	1488	1505	1520
ЯНАО	503	509	515	523	531	539	543	544
Челябинская область	3622	3598	3574	3551	3531	3517	3511	3508

Составлено по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2009 : стат. сб. / Росстат. М., 2010. С. 60-61.

численности населения имеют Курганская область (0,67%) и Удмуртия (1,08%); максимальный удельный вес занимают Республика Башкортостан (2,86%) и Свердловская область (3,1%). Динамика численности населения республик, края и областей характеризуется противоположными трендами (см. табл. 1).

Если в Тюменской области, включая ХМАО-Югру и ЯНАО, численность населения в 2002–2009 гг. ежегодно увеличивалась в среднем на 0,56%, то для Башкортостана данная тенденция прослеживается только в 2002–2003 гг., далее численность населения ежегодно снижалась, этот спад прервался лишь в 2008–2009 гг. В Курганской области ежегодное падение численности населения в среднем на 1,21% продолжалось до 2009 г., в то время как по УрФО в целом отрицательный тренд сменился положительным приростом уже в начале 2008 г. Ежегодное снижение численности населения еще не преодолено в Удмуртии (в 2009 г. по сравнению с 2002 г. население уменьшилось на 49 тыс. чел.), Пермском крае (-129 тыс. чел.), Оренбургской (-78 тыс. чел.), Свердловской (-119 тыс. чел.) и Челябинской (-114 тыс. чел.) областях, причем ежегодные темпы снижения в данных субъекта гораздо выше темпов снижения численности населения России в целом и УФО периода 2002–2007 гг.

Удельный вес городского и сельского населения в исследовании этноэкономического феномена выступает, по нашему мнению, в качестве одной из оценок дихотомии «универсальность — индивидуальность», поскольку городским жителям более присуща унифицированность, обусловленная спецификой жизни в мегаполисах, чем сельским жителям,

склонным к традиционной для каждого этноса жизнедеятельности.

Наиболее урбанизированным среди субъектов Приволжского федерального округа является Пермский край, где удельный вес городского населения колебался от 75,3% в 2002 г. до 74,6% в 2009 г. и был выше, чем в среднем по России. В Башкортостане доля городского населения за изучаемый период не превысила 64,2% в 2004 г. и снизилась до 59,6–59,8% в 2006–2009 гг. Удельный вес городского населения Удмуртии в 2002–2008 гг. почти достиг 70%, но в 2009 г. снизился до 67,8%. Наименьшей урбанизации подверглось население Оренбургской области — доля городского населения в ней устойчиво держалась в 2006–2009 гг. на уровне 57,4%.

Население УрФО в подавляющем большинстве проживает в городах, исключая Курганскую область, где удельный вес сельского населения несколько выше, чем в Оренбургской области (доля городского населения незначительно повысилась от 56,4% в 2002 г. до 56,8% в 2009 г.). Наибольшим удельным весом городского населения отличаются ЯНАО (90,9–91,5%) и Свердловская область, процент городского населения в которой составил в 2002 г. 87,8% и снизился до 83,4% к 2009 г., что обусловлено, в основном, включением ряда сельских населенных пунктов в черту городов. Доля городского населения в Челябинской области также намного опережает среднероссийский показатель, не превышая, тем не менее, 82%.

Распределение населения регионов по *возрасту*, так же, как и экистическая структура, оказывает существенное влияние на предпочтения населения в выборе видов экономической деятельности и форм занятости. Возрастная

Таблица 2

Удельный вес населения регионов Урала и УФО в соответствующих возрастных группах в 2002, 2005, 2008 гг., %

Категория населения	2002	2005	2008
РФ моложе трудоспособного возраста	18,0	16,3	15,9
в трудоспособном возрасте	61,5	63,3	62,9
старше трудоспособного возраста	20,5	20,4	21,2
Республика Башкортостан моложе трудоспособного возраста	21,1	18,6	17,8
в трудоспособном возрасте	59,7	62,6	62,9
старше трудоспособного возраста	19,2	18,8	19,3
Удмуртская Республика моложе трудоспособного возраста	19,7	17,8	17,3
в трудоспособном возрасте	62,4	64,4	63,9
старше трудоспособного возраста	17,9	17,8	18,8
Пермский край моложе трудоспособного возраста	19,0	17,3	17,0
в трудоспособном возрасте	61,8	63,6	62,9
старше трудоспособного возраста	19,2	19,1	20,1
Оренбургская область моложе трудоспособного возраста	19,8	17,7	16,9
в трудоспособном возрасте	60,9	63,2	63,3
старше трудоспособного возраста	19,3	19,1	19,8
УрФО моложе трудоспособного возраста	18,8	17,0	16,7
в трудоспособном возрасте	63,2	65,0	64,3
старше трудоспособного возраста	18,0	18,0	19,0
Свердловская область моложе трудоспособного возраста	17,2	15,7	15,6
в трудоспособном возрасте	62,2	63,8	63,0
старше трудоспособного возраста	20,6	20,5	21,4
Курганская область моложе трудоспособного возраста	18,8	16,8	16,2
в трудоспособном возрасте	59,5	61,7	61,3
старше трудоспособного возраста	21,7	21,5	22,5
Тюменская область моложе трудоспособного возраста	21,6	19,5	18,9
в трудоспособном возрасте	67,8	69,4	68,6
старше трудоспособного возраста	10,6	11,1	12,5
в т. ч.: ХМАО-Югра моложе трудоспособного возраста	22,6	20,3	19,7
в трудоспособном возрасте	70,6	71,8	70,6
старше трудоспособного возраста	6,8	7,9	9,7
ЯНАО моложе трудоспособного возраста	24,7	22,0	20,9
в трудоспособном возрасте	70,7	72,1	71,2
старше трудоспособного возраста	4,6	5,9	7,9
Челябинская область моложе трудоспособного возраста	18,1	16,4	16,1
в трудоспособном возрасте	61,4	63,1	62,5
старше трудоспособного возраста	20,5	20,5	21,4

Составлено по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2009: стат. сб. / Росстат. М., 2010. С. 70-75.

структура населения исследуемых территорий в разрезе основных возрастных групп представлена в табл. 2.

Население регионов ПФО значительно моложе, чем в среднем по России. Хотя наиболее высоким удельным весом населения в возрасте моложе трудоспособного отличается Башкортостан (21,1% в 2002 г. с уменьшением до 17,8% в 2008 г.), но самая низкая доля населения старше трудоспособного возраста в

Удмуртии (17,9% в 2002 г. с возрастанием до 18,8% к 2008 г.). Доля населения, находящегося в трудоспособном возрасте, держится в целом на общероссийском уровне. В населении УФО практически во всех субъектах преобладают старшие возраста (исключая Тюменскую область). Наиболее низок удельный вес молодых возрастов в населении Свердловской области (17,2–15,6%), немногим отличается от нее и Челябинская область, доля молодого населе-

ния которой за изучаемый период снизилась с 18,1% в 2002 г. до 16,1% в 2008 г. Молодые возрасты в населении УрФО структурно сосредоточены в автономных округах Тюменской области, особенно в ЯНАО (удельный вес населения в возрасте моложе трудоспособного в 2002 г. составил 24,7%, но снизился к 2008 г. до 20,9%). Автономные округа Тюменской области отличаются и значительной долей населения в трудоспособном возрасте, удельный вес этой возрастной категории населения составляет в ХМАО-Югре 70,6%, в ЯНАО еще выше — 71–72%. Удельный вес населения Свердловской и Челябинской областей, находящегося в трудоспособном возрасте, держится практически на общероссийском уровне, но в Курганской области не достигает российского показателя, находясь ниже него примерно на 1,6%. Хотя в Курганской области доля молодежи несколько выше, чем в Свердловской и Челябинской, но население этой области отличается наибольшим в УФО удельным весом населения в возрасте старше трудоспособного (21,7–22,5%).

Показатель *средней ожидаемой продолжительности жизни при рождении* сопряжен с возрастной структурой населения и значительно варьируется территориально (см. табл. 3). Динамика этого показателя, являющегося универсальным индикатором образа и качества жизни людей, отражает ход социально-экономического развития нашей страны. Кроме того, продолжительность жизни имеет ярко выраженную этническую окраску, что было выяв-

лено в ходе этнодемографических исследований населения СССР во второй половине XX века [3, 4].

Тренд снижения продолжительности жизни населения Урала был преодолен в 2003 г., и хотя в 2008 г. по сравнению с 2005 г. показатель средней ожидаемой продолжительности жизни при рождении увеличился в УрФО еще на 2,65 года (в т. ч. на 2,94 года у мужчин и на 1,91 года у женщин), тем не менее сохраняется значительный гендерный разрыв в длительности жизни — на Урале и в УрФО: продолжительность жизни женщин выше, чем мужчин на 12–13 лет. Также население исследуемых регионов на фоне общероссийского показателя не отличается длительностью жизни: за исключением Башкортостана и Тюменской области, во всех субъектах средняя ожидаемая продолжительность жизни при рождении ниже российской в среднем на 1,19 лет. Наиболее низка продолжительность жизни в Пермском крае, она не превышала 63 лет в 2005 г. и 66 лет в 2008 г. (61 место в РФ). Далее следуют Курганская и Оренбургская области, занимая соответственно 49 и 47 место в ряду субъектов РФ. Наибольшая длительность жизни — в среднем до 70 лет — характерна для ХМАО-Югры и ЯНАО (12 и 10 место в РФ). Региональной особенностью Свердловской области является значительный рост продолжительности жизни в 2005–2008 гг. Если в 2005 г. показатель средней ожидаемой продолжительности жизни при рождении населения Свердловской области был на 0,22 года ниже, чем у населения Челябинской области, то к 2008 г. продолжи-

Таблица 3
Динамика средней ожидаемой продолжительности жизни при рождении населения регионов Урала и УФО в 2005–2008 гг., лет

Регион	2005			2008			Место, занимаемое в РФ в 2008 г.
	все население	мужчины	женщины	все население	мужчины	женщины	
РФ	65,30	58,87	72,39	67,88	61,83	74,16	
Республика Башкортостан	66,54	60,31	73,26	68,00	61,96	74,32	24
Удмуртская Республика	64,34	57,38	72,12	67,19	60,50	74,21	40
Пермский край	62,32	55,68	69,90	65,73	59,29	72,51	61
Оренбургская область	65,00	58,70	71,99	66,76	60,61	73,35	47
УФО	65,22	58,79	72,28	67,85	61,73	74,19	3
Курганская область	64,17	57,41	71,83	66,67	60,34	73,43	49
Свердловская область	64,55	57,88	71,91	67,75	61,47	74,20	30
Тюменская область	66,76	60,74	73,38	68,89	63,20	74,83	17
в т. ч.: ХМАО-Югра	67,92	62,25	74,07	69,91	64,54	75,37	12
ЯНАО	68,21	62,63	74,27	70,27	66,05	74,67	10
Челябинская область	64,77	58,36	71,75	67,23	60,98	73,71	39

Составлено по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2009: стат. сб. / Росстат. М., 2010. С. 88–89.

Таблица 4

**Динамика общих коэффициентов рождаемости населения регионов Урала и УФО в 2002–2009 гг.,
чел. на 1000 чел. населения**

Субъект РФ	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
РФ	9,7	10,2	10,4	10,2	10,4	11,3	12,1	12,4
Республика Башкортостан	11,1	11,1	11,2	10,8	11,1	12,7	13,4	13,7
Удмуртская Республика	11,3	11,5	11,7	11,1	11,3	12,8	13,3	13,8
Пермский край	11,0	11,3	11,4	10,9	11,0	12,1	13,0	13,3
Оренбургская область	10,8	10,8	10,9	10,5	10,9	12,1	12,7	13,3
УФО	10,7	11,0	11,4	11,1	11,4	12,4	13,2	13,6
Свердловская область	9,9	10,4	10,7	10,4	10,7	11,5	12,4	12,8
Курганская область	10,4	10,3	10,7	10,4	10,6	11,6	12,4	12,6
Тюменская область	12,4	12,9	13,3	13,0	13,2	14,3	15,1	15,5
в т. ч.: ХМАО-Югра	13,4	13,7	13,9	13,5	13,7	14,6	15,3	15,6
ЯНАО	13,1	14,0	14,0	13,6	13,2	14,2	14,5	15,1
Челябинская область	10,1	10,4	10,7	10,4	10,8	11,8	12,8	13,0

Составлено по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2009. Стат. сб. / Росстат. М., 2010. С. 80-81; Официальный сайт Росстата [Электронный ресурс]. url: <http://www.gks.ru/dbscripts/cbsd/DB/Intt/cgi> (дата обращения: 23.08.2010).

тельность жизни в Свердловской области стала выше, чем Челябинской, на 0,52 года.

Другим этнически окрашенным процессом естественного движения населения является *рождаемость*. В 2000–2001 гг. тенденции падения рождаемости сменились ее ростом во всех изучаемых субъектах РФ, а в 2002–2009 гг. относительная рождаемость населения республик, края и областей Урала и УрФО значительно превысила общероссийский показатель (см. табл. 4).

Среди регионов ПФО наибольшая относительная рождаемость наблюдается в Удмуртии и Башкортостане (от 11,1 до 13,8 человек в расчете на 1000 чел населения), наименьшей рождаемостью отличается Оренбургская область (от 10,8‰ в 2002 г. до 13,3‰ в 2009 г.). Относительная рождаемость в Тюменской области, особенно в автономных округах, гораздо выше рождаемости в регионах ПФО (в 2009 г. достигла 15,5‰), но в других областях УФО рождаемость, хотя и превышает российский показатель, колеблется в пределах от минимума 9,9‰ в 2002 г. (Свердловская область) до максимума 13‰ в 2009 г. (Челябинская область).

К сожалению, в российской статистике отсутствуют сведения о показателях рождаемости в разрезе отдельных национальностей, хотя в развитых странах уже давно осознали, что такие статистические данные крайне необходимы. В частности, демографической статистикой США число родившихся за отчетный период учитывается по следующим категориям: родившиеся у белого населения, родившиеся у черного на-

селения и родившиеся у латиноамериканского населения (с выделением выходцев по странам выбытия) [4, с. 7].

Процессы *смертности* являются в еще большей степени социально обусловленными, чем рождаемость, и также этнически маркированы. Относительная смертность населения республик, края и областей Урала и УФО хотя и отличается в 2004–2009 гг. ниспадающей динамикой, но значительно варьируется по отношению к общероссийскому показателю (см. табл. 5).

Относительная смертность населения изучаемых субъектов ПФО (кроме Пермского края) значительно ниже общего коэффициента смертности в РФ. Наименьшая смертность в расчете на 1000 чел. населения характерна для Башкортостана и Удмуртии, где смертность снизилась от 14,2‰ в 2003 и 2005 гг. (Башкортостан) и 15,7‰ в 2003 г. (Удмуртия) до 13,1–13,2‰ в 2009 г. Смертность населения Пермского края в расчете на 1000 чел. населения в 2002–2006 гг. превышает не только общероссийский показатель (на 1–2‰), но и смертность в регионах УФО. Регионы УФО, кроме Тюменской области, отличаются высокой смертностью населения, находящейся на уровне выше общероссийского. Но если общий коэффициент смертности населения Свердловской и Курганской областей в 2002 г. превосходит российский показатель на 0,9–1,5‰ соответственно, то к 2009 г. относительная смертность в Свердловской области лишь на 0,1‰ больше, чем в России, в то время как в Курганской области сохраняется

Таблица 5

Динамика общих коэффициентов смертности населения регионов Урала и УФО в 2002–2009 гг., чел. на 1000 чел. населения

Субъект РФ	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
РФ	16,2	16,4	16,0	16,1	15,2	14,6	14,6	14,2
Республика Башкортостан	14,1	14,2	14,1	14,2	13,6	13,6	13,7	13,1
Удмуртская Республика	15,6	15,7	15,4	15,5	14,3	14,2	14,0	13,2
Пермский край	18,0	18,3	17,7	17,9	16,5	15,7	15,5	13,8
Оренбургская область	15,1	15,2	15,0	15,5	14,8	14,6	14,6	15,0
УФО	15,0	15,2	14,7	14,8	13,8	13,3	13,3	12,9
Свердловская область	17,1	17,3	16,6	16,6	15,3	14,7	14,7	14,3
Курганская область	17,7	18,0	17,7	17,6	16,4	15,9	16,2	15,7
Тюменская область	9,9	9,9	9,7	9,8	9,3	9,0	9,1	8,8
в т. ч.: ХМАО-Югра	6,9	6,9	6,7	7,1	6,8	6,7	6,8	6,6
ЯНАО	5,8	6,0	5,7	5,9	5,6	5,4	5,4	5,4
Челябинская область	16,4	16,5	16,2	16,3	15,4	14,9	15,0	14,3

Составлено по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2009. Стат. сб. / Росстат. М., 2010. С. 82-83; Официальный сайт Росстата [Электронный ресурс]. url: <http://www.gks.ru/dbscripts/cbsd/DB/Intt/cgi> (дата обращения: 23.08.2010).

негативная тенденция значительного превышения общероссийской смертности.

Еще в большей степени социально детерминированными являются процессы *брачности* и *разводимости*. Динамика как брачности, так и разводимости в 2002–2009 гг. носит неустойчивый характер, рост общих коэффициентов перемежается с их падением. Примерно на российском уровне держится относительная брачность в Башкортостане и Оренбургской области. В Удмуртии общий коэффициент брачности несколько ниже, чем в среднем по России (на 0,7–0,4‰). Самая низкая брачность среди изучаемых субъектов ПФО в расчете на 1000 чел. населения наблюдается в 2002–2008 гг. в Пермском крае, но в 2009 г. она возрастает до 8,1‰, сравнявшись с уровнем Удмуртии. В Свердловской области показатели брачности на 0,1–0,2‰ ниже российского (за исключением 2006 г.). В Челябинской области в 2002–2006 гг. брачность минимальна (6,9–7,4 чел. на 1000 чел. населения), но в 2008 г. сравнивается со Свердловской областью, а в 2009 г. превышает ее, практически сравниваясь с общим коэффициентом брачности населения России. Относительная брачность населения Курганской области превышает российский уровень, но наиболее высок коэффициент брачности в Тюменской области, особенно в автономных округах (достигает 10–11‰). Что касается разводимости, то в субъектах ПФО общий коэффициент разводов гораздо ниже общероссийского показателя, только в 2002–2003 гг. относительная разводимость населе-

ния Башкортостана и Оренбургской области превышала разводимость населения РФ. В субъектах УрФО относительная разводимость выше российского уровня, особенно она значительна в Тюменской области за счет показателей автономных округов. Исключением в этом тренде является разводимость населения Свердловской области, но только в 2003–2006 гг. (в этот период она совпадает с российским показателем), и Курганской области в 2005 г. (на 0,3‰ ниже общего коэффициента разводимости населения РФ).

Миграция населения имеет, в основном, экономические причины и является своеобразным индикатором социально-экономического благополучия территорий. После падения миграционной активности 1979–1981 гг. территориальная подвижность населения вновь начала возрастать, отрицательное миграционное сальдо на Урале с 1985 г. уменьшается, а в 1992 г. (по Свердловской области — с 1994 г.) меняется на положительное. Под влиянием комплекса социально-экономических и политических факторов конца 80-х — начала 90-х гг. произошла переориентация межрегиональных потоков, начался обратный процесс — возвращенная миграция. В начале XXI века вектор миграции в ряде субъектов Урала и УФО вновь меняется (см. табл. 6).

В 2002–2008 гг. значительный отрицательный миграционный прирост населения наблюдается в Удмуртии, Оренбургской области и Пермском крае. Наиболее интенсивно покидают жители Курганскую область. В 2002–

Таблица 6

Динамика коэффициентов миграционного прироста населения регионов Урала и УФО в 2002–2008 гг., чел. на 10000 чел. населения

Субъект РФ	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
РФ	16	6	7	9	11	18	18
Республика Башкортостан	16	7	-4	-4	-5	13	14
Удмуртская Республика	-21	-8	-11	-11	-13	-20	-21
Пермский край	-13	-11	-14	-8	-9	-11	-11
Оренбургская область	-20	-18	-16	-9	-19	-6	-17
УФО	-2	4	4	8	12	17	13
Свердловская область	-9	3	14	20	23	22	21
Курганская область	-70	-43	-50	-51	-50	-49	-43
Тюменская область	31	32	17	16	26	31	15
в т.ч.: ХМАО-Югра	117	61	13	-3	-1	34	11
ЯНАО	35	47	77	61	73	-11	-74
Челябинская область	-4	-6	-6	2	4	16	15

Составлено по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2009: стат. сб. / Росстат. М., 2010. С. 96–97.

Таблица 7

Миграционная ситуация в Свердловской области в 2008, 2009 гг., чел.

Миграция	2008			2009		
	Число прибывших	Число выбывших	Миграционный прирост	Число прибывших	Число выбывших	Миграционный прирост
Миграция — всего	67902	58563	9339	54927	49057	5870
В пределах России	61662	57566	4096	49581	48267	1314
в т. ч.:						
внутрирегиональная	39147	39147	—	31686	31686	—
межрегиональная	22515	18419	4096	17895	16581	1314
Международная миграция	6240	997	5243	5346	790	4556
в т. ч.:						
с государствами СНГ	5772	541	5231	4873	416	4457
со странами дальнего зарубежья	468	456	12	473	374	99

Составлено по: Социально-экономическое положение Свердловской области. Январь — декабрь 2009 года: аналитический обзор. Екатеринбург, 2010. С. 115.

2004 г. отток населения превышал прибытие в Челябинской области, с 2002 по 2006 гг. — в Башкортостане. В 2005–2006 гг. механическая убыль населения отмечалась в ХМАО-Югре, а с 2007 г. — и в ЯНАО. Положительное миграционное сальдо в 2002–2008 гг. сохранялось только в Свердловской и Тюменской областях. По данным Росстата превышение количества прибывших на постоянное место жительства над количеством выбывших за пределы территории в 2009 г. остается только в Свердловской области. Направления миграционных потоков в Свердловской области представлены в таблице 7.

В 2009 г. по сравнению с 2008 г. миграционный прирост населения Свердловской об-

ласти сократился на 52,85%, в значительной мере за счет падения численности прибывающих из других регионов РФ — на 25,82%. Интенсивность прибытия на территорию Свердловской области мигрантов из зарубежных стран за тот же период также снизилась (число прибывших уменьшилось на 14,3%). За 2008–2009 гг. увеличился удельный вес мигрантов из государств Средней Азии (на 2%) и из других государств (на 1%) при снижении доли мигрантов из Казахстана (на 2%) и из Украины (на 1%). Несмотря на реальную возможность восполнения трудовых ресурсов за счет мигрантов, вызывают социальное напряжение на территориях принимающих регионов такие явления, как замещающая миграция, нелегальная

миграция (особенно трудовая), неуправляемые потоки беженцев и др.

Влияние этнодемографического фактора на экономику территорий в условиях постиндустриального и неэкономического этапов общественного развития является базовым, основополагающим, поскольку именно этот фактор формирует человеческий потенциал региона, детерминирует его экономически активное население и выступает в качестве комплексного стабилизатора социально-экономической обстановки [5, 6].

Этнодемографический фактор действует в субъектах УФО и Урала весьма разнонаправлено: 1) на фоне падения удельного веса славянских этносов (кроме русских, доля которых снизилась только в Башкортостане, Тюменской и Курганской областях) происходит увеличение удельного веса кавказских и среднеазиатских этносов; 2) при увеличении удельного веса коренных малочисленных народов (кроме коми-пермяков) удельный вес других коренных народов Прикамья, Урала, Предуралья, Западной и Северо-Западной Сибири изменялся в разной степени — доля удмуртов в численности населения практически всех регионов снизилась, доля башкир возросла только в Башкортостане, Тюменской и Челябинской областях при снижении ее в других регионах, удельный вес татар увеличился в Удмуртии, Оренбургской и Тюменской областях, но сократился в Башкортостане, Пермском крае, Свердловской, Курганской и Челябинской областях; 3) численность населения Башкортостана и Тюменской области, а в 2009 г. — и Курганской области ежегодно увеличивается, но других регионах продолжается многолетняя депопуляция; 4) в регионах УрФО (кроме Курганской области) и Пермском крае доля городского населения достигает 77–91%, в то время как в Оренбургской и Курганской областях — только 56–57% от общей численности населения; 5) в субъектах ПФО и Тюменской области, включая автоном-

ные округа, удельный вес молодых возрастов в населении достигает 17–21%, в то время как в других регионах — не превышает 17%, в то же время максимальная доля пожилых возрастов (22,5% в 2008 г.) характерна для населения Курганской области; 6) если в Башкортостане и Тюменской области показатель средней ожидаемой продолжительности жизни при рождении превышает общероссийский уровень, то в других регионах продолжительность жизни населения его не достигает; 7) у населения субъектов ПФО (кроме Пермского края) уровень смертности ниже общероссийского показателя, а население УрФО (кроме Тюменской области) отличается повышенной относительной смертностью; 8) постоянным оттоком населения характеризуются Удмуртия, Пермский край, Оренбургская область, в то же время в УрФО население ежегодно покидает лишь Курганскую область.

Список источников

1. Вишневицкий А. Г., Захаров С. В. Что знает и чего не знает российская демографическая статистика // Вопросы статистики. 2010. № 2. С. 7-17.
2. Инишаков О. Этноэкономика Юга России. Стратегические перспективы в координатах модернизации // Проблемы теории и практики управления. 2008. № 4. С. 8-20.
3. Козлов В. И. Национальности СССР. Этнодемографический обзор. М.: Финансы, 1982. 303 с.
4. Козлов В. И. Этническая демография. М.: Статистика, 1977. 241 с.
5. Механизмы оценки влияния социальной ответственного бизнеса на устойчивое развитие регионов России / Под ред. д. э. н. Е. Л. Андреевой. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2010. 243 с.
6. Оценка качества экономического роста региона с учетом противоречий воспроизводства человеческого потенциала / Шеломенцев А. Г., Кузьмин А. И., Андреева Е. Л., Козлова О. А., Нифантова Р. В., Полкова Т. В., Косьмин И. Ф. и др. Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2010. 179 с.

УДК 332.1

ключевые слова: этнос, регион, традиционное хозяйство, численность населения, рождаемость, смертность, продолжительность жизни, миграция, коренные малочисленные народы

СОВРЕМЕННЫЕ МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

(на примере Еврейской автономной области)¹

С. Н. Мищук

Целью данной работы является изучение динамики миграционных процессов, а также анализ динамики постоянной и трудовой миграции в Еврейской автономной области в период с 1993 по 2008 гг.

Показано, что с 1993 по 2002 гг. причиной динамики миграционных процессов являются изменения в показателях международной миграции, а с 2003 г. по настоящее время — изменения в показателях межрегиональной миграции. Наем иностранной рабочей силы в ЕАО характеризуется высокой долей мигрантов из КНР.

Средневзвешенная оценка комплексных индикативных показателей миграционной безопасности ЕАО находится в области угрожающего кризиса из-за устоявшейся межрегиональной миграционной убыли. Причиной повышения уровня безопасности в регионе являются стабилизация и увеличение числа иммигрантов в регионе.

Миграция являлась и остается решающим фактором в формировании населения и его трудового потенциала на Дальнем Востоке России. Однако роль этого фактора изменилась: если ранее доля миграции в общем приросте населения Дальнего Востока была ощутимой, то в настоящее время значение миграции в формировании населения региона стало отрицательным.

Как и во всем Дальневосточном федеральном округе, миграция оказала большое влияние на становление и развитие Еврейской автономной области. Целью данной работы является анализ динамики миграционных процессов в Еврейской автономной области за период с 1993 по 2008 гг.

Согласно типологии Минэкономики РФ, ЕАО относится к фоновым депрессивным регионам, для которых характерно снижение производственного и демографического потенциала. Удаленность от экономического центра России и приграничное положение ЕАО стали причиной специфического формирования ее рынка труда и миграционных процессов.

Население ЕАО формировалось за счет двух источников — естественного прироста и миграций. Начиная с 1990-х гг., в области возникла

демографическая ситуация с выраженной низкой рождаемостью и высокой смертностью [1]. Естественная убыль населения в ЕАО, как и по всей России, началась в 1992 г. [6]. В рамках рассматриваемого периода с 1993 по 2008 гг. естественная убыль населения области составила более 10 тыс. человек².

В то же время миграционные процессы оказывают сильное влияние на демографическую ситуацию в области. Со времени образования и до 1990-х гг. население ЕАО увеличивалось в основном за счет миграции, причем в 1930–1940-е гг. они имели чаще принудительный характер, а в последующие годы — добровольный.

В миграционных процессах ЕАО переломным годом является 1992 г., когда число выбывших превысило число прибывших на территорию области почти на 2 тыс. человек. Отметим, что в предыдущем 1991 г. миграционное сальдо сохранялось положительным и составляло около 400 человек. На наш взгляд, основной причиной такого резкого изменения в потоках мигрантов в ЕАО послужили те экономические процессы, которые происходили в России в начале 1990-х годов.

В период с 1993 по 2008 гг. в ЕАО происходит изменение вектора и объемов миграции (рис. 1):

В 1993–2002 гг. — общая динамика миграционных процессов в области обусловлена изменениями показателей международной миграции. Миграционный баланс за данный период составил -12929 человек (в том числе в рамках международной миграции -12201 человек и -854 человека — в рамках межрегиональной). Наименьшее значение миграционного прироста в рассматриваемый период отмечалось в 1999 г., что обусловлено увеличением числа эмигрантов в страны Дальнего зарубежья (2846 человек). Более 95% от общего числа эмигрантов в вышеуказанном году выбыли в Израиль. Количество иммигрантов из стран дальнего и ближнего зарубежья на данном этапе в целом характеризовалось отрицательной динамикой.

В 2003–2008 гг. доминирующим направлением является межрегиональная миграция. Миграционный баланс составил -1071 человек, в том числе -1585 человек в рамках межрегио-

¹ Статья выполнена при поддержке гранта Президента РФ по поддержке молодых ученых МК-72.2009.6.

² Рассчитано на основе данных Еврстата.

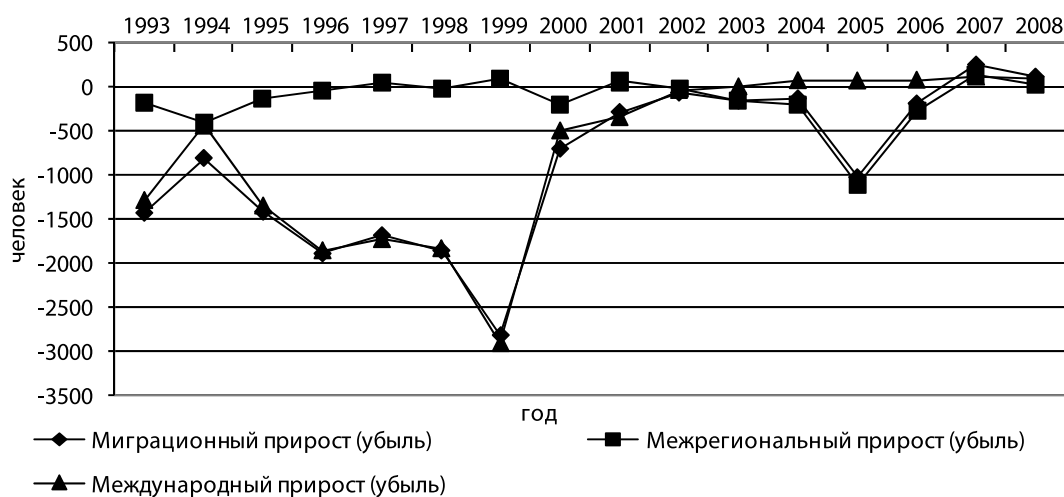

Рис. 1. Динамика миграции населения ЕАО, чел.

нальной миграции. Наибольший отток населения на данном этапе (в 2005 году — 1021 человек), сформирован за счет отрицательного межрегионального прироста (-1007 человек).

В целом за период с 1993 по 2008 гг. механическая убыль населения составила 14 тыс. человек, в том числе за счет международной миграции — почти 12 тыс. человек.

При рассмотрении половой структуры мигрантов можно отметить незначительное превышение числа женщин среди выезжающих за пределы региона (50,4% — 2008 г.), доля мужчин преобладает среди прибывающих (53,4% — в 2008 г.). В возрастной структуре наиболее мобильным является население в возрасте от 20 до 49 лет, на долю которого в 2008 г. пришлось 52,0% от числа прибывших и 61,0% — от числа выбывших.

Как известно, территориальное перемещение населения может совершаться как внутри страны, так и между странами. Внутригосударственная миграция — это процесс перемещения населения внутри одной и той же страны. Данный вид миграции оказывает существенное влияние на изменение демографической структуры, на этнические процессы, воспроизводство населения, социальное движение и другие стороны жизнедеятельности населения различных регионов. В рамках внутригосударственной рассматривается межрегиональная и внутрирайонная миграция.

Внутригосударственная миграция в ЕАО

Межрегиональная миграция. Межрегиональная миграция оказывает определяющую роль в формировании миграционных процессов ЕАО: ее доля во внешней миграции достигает 90% и более. Отметим, что за рассматриваемый пе-

риод доля межрегиональных мигрантов по выбытию превышает соответствующий показатель по прибытию. Максимум по прибытию отмечен в 2008 году (92,5%), по выбытию — в 2006 г. (96,3%). Минимальный показатель прибытия отмечался в 2004 году — 89,4%, выбытия — в 2003 г. (92,8%).

На основе анализа данных Росстата выявлено, что основными поставщиками мигрантов на территорию ЕАО за последние четыре года являлись Сибирский, Дальневосточный федеральные округа, Уральский, Центральный, Северо-Западный и Южный федеральные округа относятся к категории регионов выбытия. Уральский федеральный округ (УрФО) доминирует по уровню выбытия на его территорию мигрантов из ЕАО. Сальдо миграции ЕАО и рассматриваемого региона в 2005–2006 гг. составило -1005 и -527 человек при значительном количестве мигрантов по выбытию (-1047 и -564) и невысоком — по прибытию (42 и 37). Более 95% мигрантов в УрФО, отдали предпочтение Ханты-Мансийскому автономному округу Тюменской области (1007 и 538 человек, соответственно). Основным фактором, обусловившим сложившееся направление миграции, с нашей точки зрения, является высокий уровень жизни в субъектах УрФО, проводимая работа по привлечению трудовых ресурсов в данные регионы. В 2008 году в области сформировалось положительное сальдо межрегиональной миграции, обусловленное в значительной степени снижением убыли населения в Уральский федеральный округ (-2 человека), увеличением прироста в Дальневосточном округе.

Основные регионы прибытия мигрантов сконцентрированы в Дальневосточном и Сибирском федеральных округах. Отметим,

Таблица 1

Миграционное сальдо ЕАО с субъектами в 2003–2008 гг. ДФО (чел.)

Субъект	2003	2004	2005	2006	2007	2008
ДФО	32	-75	43	133	281	124
Республика Саха	23	20	25	8	-7	24
Приморский край	58	-44	32	-54	37	48
Хабаровский край	-252	-141	-157	33	101	-135
Амурская область	191	71	75	98	103	136
Камчатская область	-1	-6	11	8	33	15
Магаданская область	9	11	22	5	10	13
Сахалинская область	11	12	36	32	-1	28
Чукотский авт. округ	-7	2	-1	3	5	5

Источник: составлено по данным Росстат.

что с 2003 по 2008 гг. в 2 раза увеличилась доля Южного федерального округа по прибытию как в абсолютных, так и в относительных показателях. В целом с 2003 г. число межрегиональных мигрантов снизилось: по прибытию на 5,9% и составило в 2008 г. (2462 человека), по выбытию — на 12,5% (2431 человек).

В межрегиональных потоках основная доля мигрантов ЕАО сосредоточена в пределах Дальневосточного федерального округа. В ЕАО с 2005 года сформировалось и сохраняется по настоящее время положительное сальдо с регионами ДФО (табл. 1). Миграционный баланс ЕАО с субъектами округа в целом определяется динамикой миграционных процессов с Хабаровским и Приморским краями, Амурской областью.

Используя методологический подход к оценке интенсивности миграционного потока и группировку КИМСов, разработанных Л.Л. Рыбаковским [8], мы рассчитали коэффи-

циенты интенсивности межрайонных миграционных связей (КИМС) и коэффициент результативности миграционных связей (КРМС) между ЕАО и субъектами ДФО за период с 2003 по 2008 гг. Получены группы субъектов округа, характеризующиеся различной степенью интенсивности связей с ЕАО.

При расчете КИМС по прибытию выявлено:

1. Большинство субъектов округа характеризуются низкой интенсивностью связей с ЕАО. К ним относятся Приморский край, Республика Саха, Камчатский край, Магаданская область.

2. К группам со средней и повышенной интенсивностью связей ЕАО и субъектов ДФО относятся Амурская область и Хабаровский край соответственно.

При расчете КИМС по выбытию показано:

1. Все регионы округа, за исключением Амурской области и Камчатского края, характеризуются низкой интенсивностью миграционных связей с ЕАО.

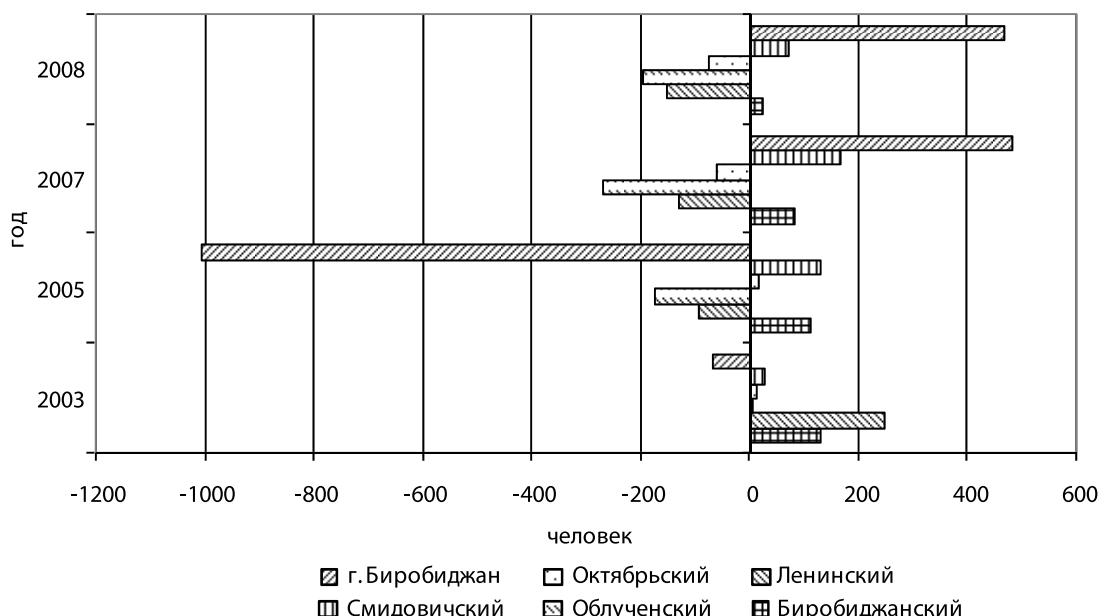

Рис. 2. Миграционный прирост (убыль) населения по районам ЕАО, чел.

2. Амурская область, Камчатский край относятся к группе субъектов ДФО, имеющих пониженную интенсивность связей с ЕАО.

Расчеты КРМС показали, что все субъекты рассматриваемого округа, за исключением Хабаровского края, относятся ко второй группе с пониженным уровнем взаимодействия. Хабаровский край — имеет средний уровень значений.

Внутрирайонная миграция в ЕАО

В разрезе районов миграционные процессы различаются (рис. 2). Стабильный положительный миграционный прирост за рассматриваемый период отмечается в Биробиджанском и Смидовичском районах (555 и 690 человек соответственно), что обусловлено их центральным положением, сосредоточением здесь основных социальных, экономических, культурных объектов.

В 2007–2008 гг. г. Биробиджан лидирует по числу прибывшего населения, миграционный прирост в 2008 г. составил 467 человек. Положительный миграционный баланс в 2007 г. в г. Биробиджане обусловлен ростом числа прибывших из Дальневосточного федерального округа (512 человек, что в 2,3 раза выше по сравнению с предыдущим годом).

Негативные тенденции в целом сохраняются в Ленинском, Октябрьском и Облученском районах. Главные причины выбытия населения из рассматриваемых районов: причины личного семейного характера, переезд к месту учебы или работы; причины прибытия населения — также личного семейного характера, возвращение на прежнее место жительства [4].

Международная миграция

Международная миграция для территории ЕАО рассмотрена со странами Ближнего и Дальнего Зарубежья за период с 1993 по 2008 гг.

Миграционные процессы со странами ближнего зарубежья. За период с 1993 по 2008 гг. страны СНГ и Балтии преобладали по прибытию: в 1993 г. их доля составила более 79%, в 2008 г. — 56%. Обратная ситуация отмечалась в динамике эмиграционных потоков: лишь в 1993 г. доля стран СНГ и Балтии составила более 59%, в последующие годы — преобладали страны дальнего зарубежья (доля стран СНГ и Балтии в числе выбывших в 1994 г. составила 37%, в 2008 г. — 31%).

Анализ соотношения иммигрантов из стран дальнего зарубежья и СНГ и Балтии выявил

нестабильную динамику: доля иммигрантов из стран СНГ и Балтии выше в периоды с 1993 по 2001 гг., начиная с 2005 г. по настоящее время. Преобладание иммигрантов из стран дальнего зарубежья отмечалось с 2001 по 2004 гг. Максимальное число иммигрантов из стран дальнего зарубежья приходится на 2002–2004 гг.

За рассматриваемый период число эмигрантов в страны дальнего зарубежья превышало их число в страны СНГ. Максимальное число выбывших из области приходится на 1999 г. (3264 человек), что соответствует максимуму количества эмигрантов в страны дальнего зарубежья (2846 человек). Основная причина выбытия в страны дальнего зарубежья — экономический кризис 1998 г. Основной поток выбывших в страны СНГ и Балтии из области зафиксирован в 1993 г. (1389 человек, или 59,3% от общего числа выбывших), что обусловлено выездом в Украину (61,7% от числа выбывших в страны СНГ и Балтии). Причины выезда носят в большей степени экономический характер.

Динамика миграции ЕАО со странами СНГ и Балтии нами рассмотрена в разрезе четырех групп: европейские страны (Украина, Белоруссия, Молдова) и Казахстан, государства Закавказья (Азербайджан, Армения, Грузия), государства Центральной Азии (Киргизия, Таджикистан, Туркмения, Узбекистан), страны Балтии (Латвия, Литва, Эстония). Основной поток мигрантов в обоих направлениях ориентирован на группу Европейских стран (табл. 2).

Таблица 2
Доля стран в миграционных потоках ЕАО
с 1993 по 2008 гг., %

Направления миграционных потоков	Европейские страны и Казахстан	Страны Закавказья	Страны Средней Азии	Страны Балтии
Прибыло	61,3	12,5	24,1	2,1
Выбыло	89,4	2,7	7,3	0,6

Источник: составлено по данным Росстата.

На долю европейских стран приходится максимум не только относительных, но и абсолютных величин, и именно динамикой мигрантов данной группы стран обусловлены миграционные процессы всей области.

Однако за рассматриваемый период миграционный баланс по группе европейских стран имеет отрицательный показатель -1407 человек. В разрезе стран максимальное число иммигрантов зарегистрировано из Казахстана и Украины

(1158 и 1394 человека соответственно), эмигрантов — в Украину и Белоруссию (2881 и 710 человек соответственно). Отметим, что положительный миграционный баланс среди данной группы сформировался лишь с Казахстаном (782 человека).

Максимальный показатель миграционного баланса приходится на группу государств Средней Азии и Закавказья (823 и 480 человек соответственно). Из среднеазиатских стран максимальный прирост миграционного баланса отмечается в Узбекистане (363 человека) и Таджикистане (258 человек), из стран Закавказья — в Азербайджане (296 человек, что составляет более 60% от миграционного прироста данной группы.)

Таким образом, основной приток мигрантов из стран Ближнего Зарубежья формируется из стран Средней Азии и Закавказья.

Миграционные процессы со странами дальнего зарубежья. Страны дальнего зарубежья определяют динамику эмиграционных процессов в области. Социально-экономические и политические события 90-х гг. XX века спровоцировали увеличение отрицательного миграционного

сальдо в ЕАО в целом, в том числе и эмиграцию евреев. Положительное миграционное сальдо ЕАО со странами дальнего зарубежья сформировалось с 2003 г. и сохраняется по настоящее время. Однако влияние уровня миграции со странами дальнего зарубежья оказало решающую роль на формирование миграционной картины в области лишь до 2002 г., начиная с 2003 г. основные потоки мигрантов сосредоточены в пределах России.

Динамика миграционных потоков ЕАО со странами дальнего зарубежья в значительной мере обусловлена миграционной ситуацией с Израилем.

Основные страны эмиграции населения ЕАО представлены на рисунке 3. Из графика видно, что основной поток эмигрантов направлен в Израиль и Германию. Максимальный отток населения зарегистрирован в 1999 г. — 2846 человек, из которых более 95% эмигрировали в Израиль. В течение всего рассматриваемого периода, несмотря на снижение как абсолютных, так и относительных показателей, первенство данной страны по числу эмигрантов сохранялось.

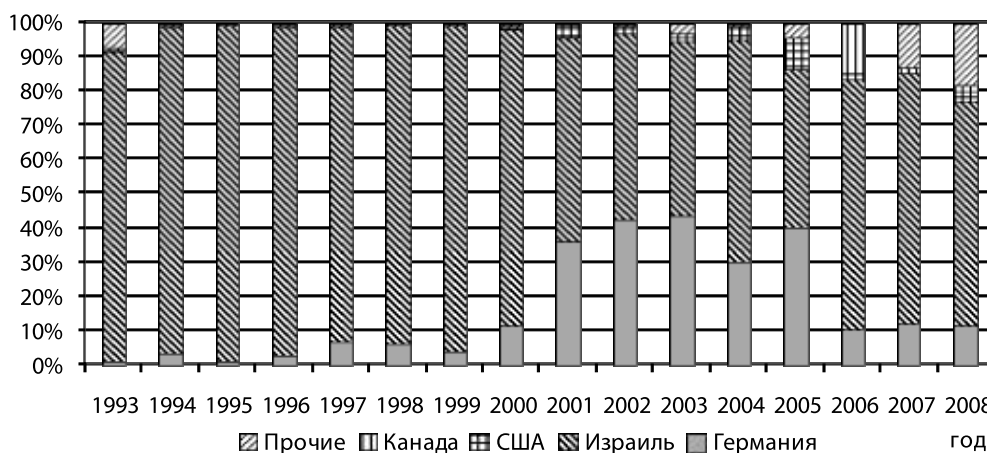

Рис. 3. Эмиграция населения из ЕАО в страны дальнего зарубежья, %

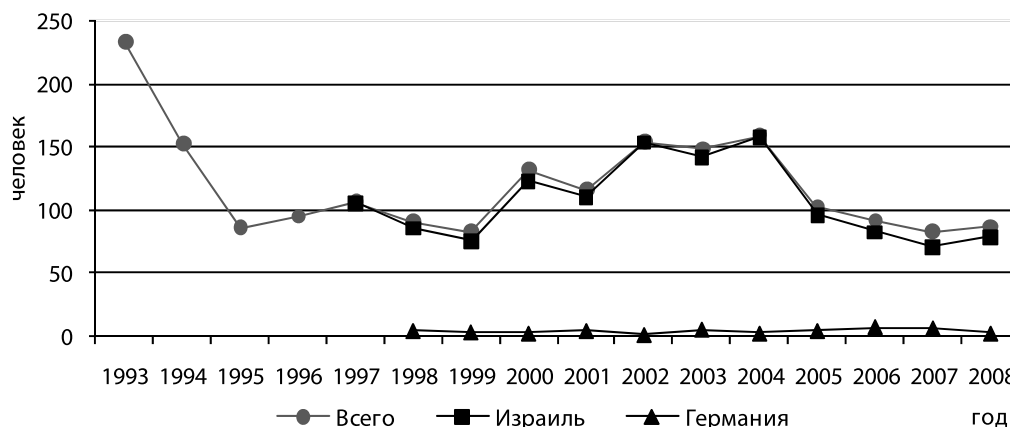

Рис. 4. Иммиграция населения в ЕАО из стран дальнего зарубежья, человек

По национальному составу оценить число выбывших за рубеж с территории ЕАО статистические данные позволяют лишь за период с 1993 по 1996 г. (с 1997 г. учет эмигрантов по национальному признаку в разрезе регионов России не проводился). Доля евреев в общем числе эмигрантов за рассматриваемый период составила 54,4% или 2910 человек из 5350 общего числа эмигрантов.

Анализ иммиграции ЕАО со странами дальнего зарубежья отражает определяющую роль Израиля. На рисунке 4 видно, что динамика общей иммиграции из стран дальнего зарубежья максимально приближена к графику, отражающему динамику числа мигрантов, прибывших в область из Израиля.

Наращение угроз экономической безопасности в России (как и в отдельных ее субъектах) устойчиво сопряжено не столько с масштабами миграции, сколько с ее структурой и территориальным распределением. Влияние структуры профессионально-квалификационной миграции на трудовые ресурсы региона может негативно сказаться на возможности развития производств и экономическом росте.

В рамках исследования нами рассчитана миграционная безопасность для ЕАО с использованием методики комплексной оценки социально-демографической безопасности [9].

Для оценки миграционной безопасности рассчитаны индикаторы социально-демографической безопасности региона. Значения общего коэффициента миграционного прироста населения, уровня миграционного притока населения из стран СНГ и Балтии, уровня миграционного притока населения из отдельных государств — участников СНГ за последние 5 лет находятся в пределах нормы. Объемы трудовой миграции из стран ближнего зарубежья невелики, поэтому они практически не влияют на миграционную ситуацию в области. Значение показателя миграционного притока из отдельных стран Центральной Азии и Кавказа также невелико и не вносит существенного вклада в общий миграционный прирост ЕАО. Вследствие долгосрочной миграционной убыли населения из автономии величина индикатора миграционного прироста за 5 лет полностью определяет общую миграционную безопасность региона и лежит в области чрезвычайного кризиса. Таким образом, численность мигрантов из стран ближнего зарубежья существенно не влияет на социально-демографическую динамику в области. Основные миграционные

потоки автономии состоят из межрегиональной миграции.

Средневзвешенная оценка комплексных индикативных показателей миграционной безопасности лежит в области угрожающего кризиса из-за устоявшейся межрегиональной миграционной убыли. Индикаторы, связанные с проживанием, преступностью, образованием иностранных граждан в ЕАО, существенно не влияют на интегральную оценку миграционной безопасности региона в силу их малых значений.

Таким образом, повышение уровня безопасности в регионе обусловлено стабилизацией и увеличением миграционной прибыли населения в регион.

Анализ миграционных процессов невозможен без оценки *международной трудовой миграции*. Последствия международной трудовой миграции особенно ощутимы в регионах концентрации китайской рабочей силы. Это, прежде всего, юг Дальнего Востока, в том числе и ЕАО.

В результате сложившихся тенденций, выражающихся в убыли населения как за счет естественного, так и механического его движения, для ЕАО становится актуальным вопрос привлечения и использования иностранной рабочей силы.

По данным Еврстата, в течение 1999—2008 гг. число иностранных рабочих, занятых в экономике ЕАО возросло в 15 раз, составив в 2008 г. 7404 человека. По прогнозным данным в 2009 г. в области было занято 6503 иностранца, в том числе 5673 из Китая. Бесспорным лидером на протяжении более 10 лет среди стран — доноров рабочей силы в ЕАО является Китай: в 1999 г. доля китайских рабочих составила 94,3% от общей численности привлекаемых иностранцев, в 2008 г. — 91,4% (рис. 5).

В сравнении с субъектами ДФО для ЕАО характерно значительное превышение доли трудовых мигрантов из Китая над долями мигрантов из других стран (в 2008 г. 91%) [3].

Доля иностранной рабочей силы в среднесписочной численности занятых области в 2008 г. составила 8,5% (в том числе китайской рабочей силы — 8,2%). В Приморье в том же году доля иностранцев составила 3,3% (китайской рабочей силы — 1,6%), в Амурской области — 7,5% (5,5%, соответственно).

Отметим, что в связи с современным финансовым кризисом произошло сокращение объемов производства в отдельных отраслях экономики области, что вызвало снижение числа

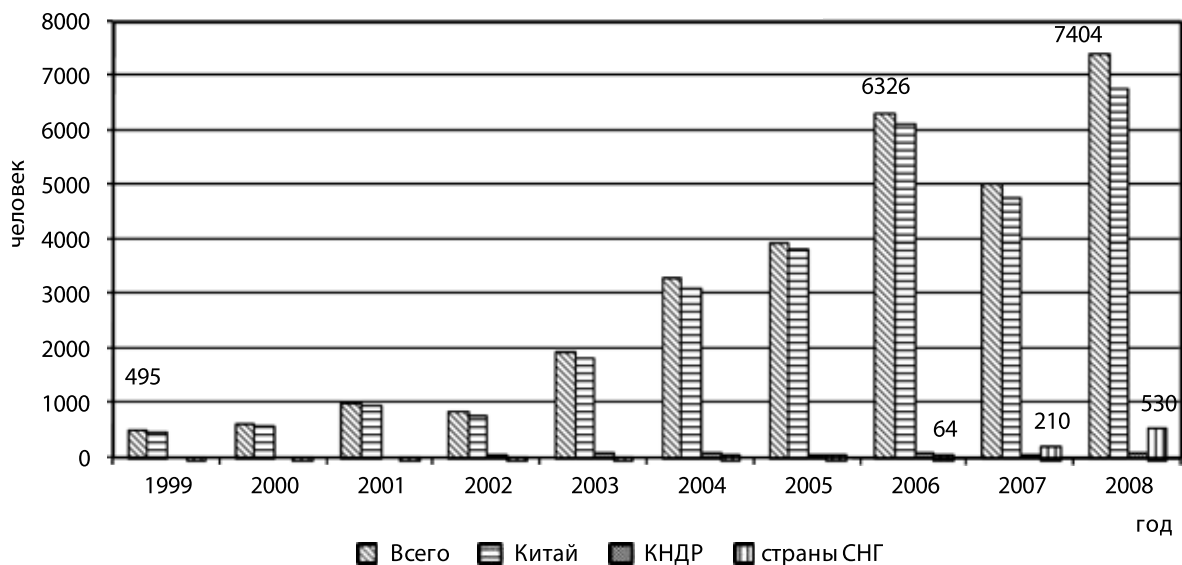

Рис. 5. Численность иностранных граждан, привлекаемых на работу в ЕАО, чел.

привлеченных трудовых мигрантов (особенно в строительстве) [7].

Если рассматривать привлечение к труду иностранцев как необходимую меру для развития экономики области, правомерен вопрос о социально-экономической безопасности такого решения проблемы дефицита трудовых ресурсов [15]. Этот вопрос имеет множество аспектов, но мы остановимся на некоторой интегральной оценке социально-экономической безопасности — пороге доли иностранных рабочих в численности занятых, экономически активных и общей численности населения региона.

Исходя из допущений о возможности создавать смешанные браки, мы рассчитали порог ассимиляционной безопасности, который равен 3,5% от числа занятых, или 1% от общей численности населения региона. Согласно полученным результатам прогнозов, небезопасно для области привлекать к труду большое число граждан КНР (более 8–9 тыс. чел.). Допустимым в течение 10 лет можно считать средний вариант прогноза (2–8 тыс. чел.) и предпочтительным вариант с сильным ограничением численности китайской рабочей силы (до 2 тыс. чел) [5].

Таким образом, демографические процессы в области характеризуются отрицательной динамикой: на фоне естественной убыли населения сохраняется и механическая убыль.

Средневзвешенная оценка комплексных индикативных показателей миграционной безопасности ЕАО лежит в области угрожающего кризиса из-за устоявшейся межрегиональной миграционной убыли. Повышение уровня безопасности в регионе обусловлено стабилизацией

и увеличением миграционной прибыли населения в регион.

Специфика трудовой миграции в приграничной ЕАО, определяемая высокой долей рабочих мигрантов из КНР, требует усиленного внимания к влиянию китайской рабочей силы на экономику области. Процессы, связанные с трудовой иммиграцией, требуют определения и упорядочения. Концептуальной основой для решения возникающих вопросов может выступать региональная иммиграционная политика.

Список литературы

1. Комарова Т. М., Неверова Г. П., Суховеева А. Б. Демографический кризис и моделирование развития приграничных регионов юга Дальнего Востока России. На примере Еврейской автономной области // Национальные проекты и сбережение нации. Москва, 2008. С. 155-163.
2. Миграция населения. Вып. 1. Теория и практика исследования. М.: ОАО «Внешторгиздат», 2001. 176 с.
3. Мищук С. Н. Роль иностранной рабочей силы в современных миграционных процессах Еврейской автономной области // Региональная экономика. Теория и практика. 2009. №6(99). С. 16-21.
4. Мищук С. Н., Минчакова М. Л. Характеристика внутренней миграции Еврейской автономной области // Региональные проблемы. 2009. №12. С. 67-69.
5. Мищук С. Н., Хавинсон М. Ю. Международная трудовая миграция в приграничном регионе. Анализ и прогнозирование. На примере Еврейской автономной области // Региональные проблемы. 2010. Т. 13. №1. С. 97-100.
6. Мотрич Е. Л. Формирование и динамика населения как фактор экономического развития Дальнего Востока России: автореф. дисс. ... д-ра экон. наук. Хабаровск, 2006. 44 с.
7. Пространственная организация социально-трудовых систем. Генезис и проблемы развития: / Отв. ред. О. А. Козлова; авт. кол.: Козлова О. А., Шаймарданов Н. З., Шеломенцев А. Г., Бедрин Е. Б., Мыслякова Ю. Г., Лопачева В. А., Юровских Е. В., Воронина Л. Н., Шахова О. А.,

Макарова М. Н., Петухова Л. В. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2010. 196 с.

8. Рыбаковский Л. Л. Миграция населения. Очерки теории и методов исследования. [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.socio.msu.ru/libRARY?e=d-000-00---%2001ucheб--00-0-0-prompt-10---4-----0-0l--1-ru-50---20-about---00031-001-1-0windowsZz-1251-00&a=d&c=01ucheб&cl=CL1&d=HASH4cf2195294e4408760d98b> (дата обращения 15.05.2009).

9. Социально-демографическая безопасность регионов России. Результаты диагностики в 2000–2006 г. / Под ред. акад. РАН А. И. Татаркина, д. э. н. А. А. Куклина. Екатеринбург: ИЭ Уро РАН, 2008. 78 с.

10. Топилин А. В., Парфенцева О. А. Перспективы трудовой миграции в России. От количественных к качественным параметрам. М.: МАКС Пресс, 2008. С. 51.

11. Трудовые ресурсы Еврейской автономной области : стат. сб. Биробиджан: Еврстат, 2007. 43 с.

12. Численность и миграция населения Российской Федерации : стат. бюл. / Госкомстат. Москва, 1993. 100 с.

13. Численность и миграция населения Российской Федерации: стат. бюл. / Госкомстат. Москва, 1997. 125 с.

14. Численность и миграция населения Российской Федерации : стат. бюл. / Госкомстат. Москва, 2001. 178 с.

15. International integration and national development / Edited by Academician Alexander Tatarkin. Ekaterinburg: Institute of economics of Ural branch of Russian academy of science, 2009. 235 p.

УДК 314.7(571.621)

ключевые слова: международная и межрегиональная миграция, трудовая миграция, миграционная безопасность, регион, Дальневосточный федеральный округ, Еврейская автономная область

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ (на примере Свердловской области)¹

А. В. Черепанова, Е. В. Васильева

Показаны состояние и динамика изменений социально-демографической безопасности Свердловской области за период 2000–2009 гг., выделены наиболее проблемные сферы жизнедеятельности. Определены приоритетные направления и целевые значения повышения уровня социально-демографической безопасности Свердловской области на период до 2020 г. Выработаны прогнозы показателей воспроизводства населения и вероятностные прогнозы численности населения Свердловской области на период до 2020 г. по трем сценариям. Получена оценка прогнозного уровня социально-демографической безопасности Свердловской области на 2020 г. с разбивкой по блокам.

Одним из основных показателей воспроизводства населения является **суммарный коэффициент рождаемости** [1]. В результате наблюдаемой в Свердловской области в 2000–2009 гг. положительной динамики по данному показателю к 2009 г. его значение выросло на 37% и составило 1,55 (в 2000 г. — 1,13). Однако, разделив значение показателя за 2009 г. на его критическое значение 2,12, делаем вывод, что современный уровень рождаемости в Свердловской области обеспечивает лишь 73,1% воспроизводства населения.

Существенных положительных сдвигов в процессах воспроизводства населения можно добиться за счет снижения смертности и повышения **ожидаемой продолжительности жизни**. Определенных успехов достичь уже удалось: за период 2000–2009 гг. ожидаемая продолжительность жизни в Свердловской области выросла почти на 5 лет (с 63,7 до 68,4). В то же время не перестает беспокоить ожидаемая продолжительность жизни у мужчин: данный показатель превысил значение 60 лишь в 2006 г., а в 2009 г. составил 62,3 года, что на 12 лет ниже, чем у женщин (74,6 года).

Несмотря на положительную динамику показателей воспроизводства населения, значение **коэффициента естественного прироста населения** в Свердловской области остается отрицательным: в 2000 г. оно составляло -8,2, в 2009 г. — (-1,5), за январь — август 2010 г. — (-0,9) человека на 1000 человек населения.

¹ Работа частично финансировалась за счет Целевой программы УрО РАН поддержки междисциплинарных проектов, выполняемых в содружестве с учеными СО и ДВО РАН в рамках интеграционного проекта «Социально-экономический иммунитет региона: диагностика и прогноз защищенности от кризисных явлений» (проект 09-С-6-1001 «Диагностика состояния, моделирование тенденций и прогноз развития регионов России на период до 2030 г.»).

Макарова М. Н., Петухова Л. В. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2010. 196 с.

8. Рыбаковский Л. Л. Миграция населения. Очерки теории и методов исследования. [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.socio.msu.ru/libRARY?e=d-000-00---%2001ucheб--00-0-0-prompt-10---4-----0-0l--1-ru-50---20-about---00031-001-1-0windowsZz-1251-00&a=d&c=01ucheб&cl=CL1&d=HASH4cf2195294e4408760d98b> (дата обращения 15.05.2009).

9. Социально-демографическая безопасность регионов России. Результаты диагностики в 2000–2006 г. / Под ред. акад. РАН А. И. Татаркина, д. э. н. А. А. Куклина. Екатеринбург: ИЭ Уро РАН, 2008. 78 с.

10. Топилин А. В., Парфенцева О. А. Перспективы трудовой миграции в России. От количественных к качественным параметрам. М.: МАКС Пресс, 2008. С. 51.

11. Трудовые ресурсы Еврейской автономной области : стат. сб. Биробиджан: Еврстат, 2007. 43 с.

12. Численность и миграция населения Российской Федерации : стат. бюл. / Госкомстат. Москва, 1993. 100 с.

13. Численность и миграция населения Российской Федерации: стат. бюл. / Госкомстат. Москва, 1997. 125 с.

14. Численность и миграция населения Российской Федерации : стат. бюл. / Госкомстат. Москва, 2001. 178 с.

15. International integration and national development / Edited by Academician Alexander Tatarkin. Ekaterinburg: Institute of economics of Ural branch of Russian academy of science, 2009. 235 p.

УДК 314.7(571.621)

ключевые слова: международная и межрегиональная миграция, трудовая миграция, миграционная безопасность, регион, Дальневосточный федеральный округ, Еврейская автономная область

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ (на примере Свердловской области)¹

А. В. Черепанова, Е. В. Васильева

Показаны состояние и динамика изменений социально-демографической безопасности Свердловской области за период 2000–2009 гг., выделены наиболее проблемные сферы жизнедеятельности. Определены приоритетные направления и целевые значения повышения уровня социально-демографической безопасности Свердловской области на период до 2020 г. Выработаны прогнозы показателей воспроизводства населения и вероятностные прогнозы численности населения Свердловской области на период до 2020 г. по трем сценариям. Получена оценка прогнозного уровня социально-демографической безопасности Свердловской области на 2020 г. с разбивкой по блокам.

Одним из основных показателей воспроизводства населения является **суммарный коэффициент рождаемости** [1]. В результате наблюдаемой в Свердловской области в 2000–2009 гг. положительной динамики по данному показателю к 2009 г. его значение выросло на 37% и составило 1,55 (в 2000 г. — 1,13). Однако, разделив значение показателя за 2009 г. на его критическое значение 2,12, делаем вывод, что современный уровень рождаемости в Свердловской области обеспечивает лишь 73,1% воспроизводства населения.

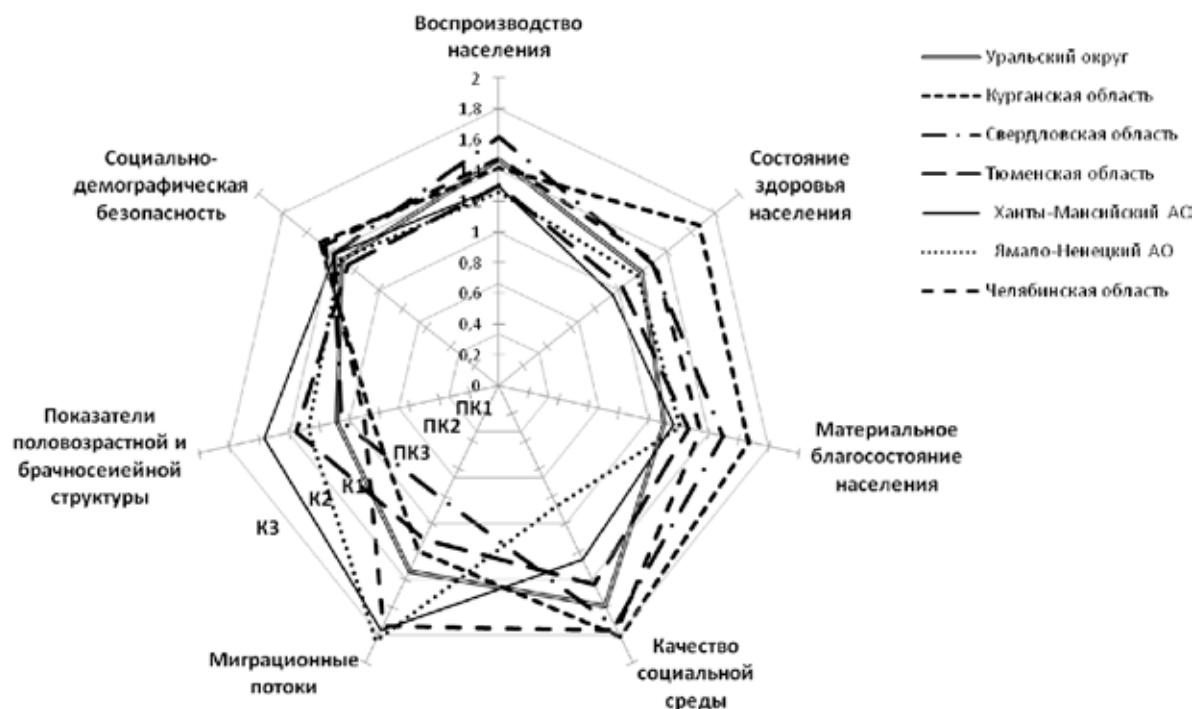
Существенных положительных сдвигов в процессах воспроизводства населения можно добиться за счет снижения смертности и повышения **ожидаемой продолжительности жизни**. Определенных успехов достичь уже удалось: за период 2000–2009 гг. ожидаемая продолжительность жизни в Свердловской области выросла почти на 5 лет (с 63,7 до 68,4). В то же время не перестает беспокоить ожидаемая продолжительность жизни у мужчин: данный показатель превысил значение 60 лишь в 2006 г., а в 2009 г. составил 62,3 года, что на 12 лет ниже, чем у женщин (74,6 года).

Несмотря на положительную динамику показателей воспроизводства населения, значение **коэффициента естественного прироста населения** в Свердловской области остается отрицательным: в 2000 г. оно составляло -8,2, в 2009 г. — (-1,5), за январь — август 2010 г. — (-0,9) человека на 1000 человек населения.

¹ Работа частично финансировалась за счет Целевой программы УрО РАН поддержки междисциплинарных проектов, выполняемых в содружестве с учеными СО и ДВО РАН в рамках интеграционного проекта «Социально-экономический иммунитет региона: диагностика и прогноз защищенности от кризисных явлений» (проект 09-С-6-1001 «Диагностика состояния, моделирование тенденций и прогноз развития регионов России на период до 2030 г.»).

Значение *коэффициента миграционного прироста населения*, являющегося одним из возможных вариантов компенсации естественной убыли населения, неуклонно снижалось в

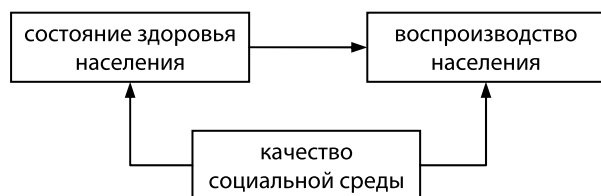
Свердловской области в 2000–2002 гг. с 12 до -9 человек на 10 тысяч населения. С 2003 г. наметилась тенденция роста показателя, и в 2005–2008 гг. его значение стабилизировалось на

Рис. 1. Результаты диагностики социально-демографической безопасности по субъектам Уральского федерального округа за 2000 г. (Обозначение состояний по безопасности: Н — нормальное, соответствует нулевым значениям уровня кризисности и на диаграмме не указывается; ПК1 — предкризисное начальное состояние; ПК2 — предкризисное развивающееся состояние; ПК3 — предкризисное критическое состояние; К1 — кризисное нестабильное состояние; К2 — кризисное угрожающее состояние; К3 — кризисное чрезвычайное состояние)

Рис. 2. Результаты диагностики социально-демографической безопасности по субъектам Уральского федерального округа за 2009 г.

Рис. 3. Взаимосвязь социально-демографической безопасности наиболее проблемных сфер жизнедеятельности Свердловской области

уровне 20–23. Но финансово-экономический кризис привел к ухудшению динамики многих отраслей экономики [2]. Произошло снижение спроса на трудовых мигрантов, в результате чего в 2009 г. значение коэффициента миграционного прироста населения составило 13 человек на 10 тысяч человек населения (за январь — ноябрь 2010 г. — 3,6).

На основе проведенного анализа можно сделать лишь некоторые выводы по состоянию демографической сферы. Оценить абсолютный и относительный уровень социально-демографической безопасности региона с учетом латентных процессов позволяет *комплексная методика ее диагностики* [3, 4]. В основе диагностики лежит индикативный метод анализа, целесообразность применения которого обоснована при решении задач оценки качества жизни населения [5], экономической и энергетической [6, 7] безопасности уральской научной школой, представителями которой являются авторы.

Полученная оценка социально-демографической безопасности Уральского федерального округа показывает, что во всех субъектах РФ, входящих в состав УрФО, в т. ч. в Свердловской области, за период 2000–2009 гг. положительной динамики по социально-демографической безопасности в целом не наблюдалось, и кризисные явления в 2009 г. сохранились (рис. 1, 2).

В то же время анализ ситуации с разбивкой по блокам позволил выделить наиболее проблемные сферы жизнедеятельности и установить между ними причинно-следственную связь (рис. 3).

Из рисунка 3 видно, что низкое качество социальной среды и плохое состояние здоровье населения Свердловской области, являясь самостоятельными проблемами, негативно влияют на процессы воспроизводства населения. Исходя из этого были определены приоритетные направления и целевые значения повышения уровня социально-демографической безо-

Таблица 1
Приоритетные направления и целевые значения повышения уровня социально-демографической безопасности Свердловской области на период до 2020 г.

Проблемы	Приоритетные направления	Целевые значения	
		2015 г.	2020 г.
Низкое качество социальной среды	Снижение смертности от внешних причин (чел./100000 чел. насел.)	120	60
	Снижение численности лиц с впервые установленным профессиональным заболеванием (чел./ 10000 занятых)	1,5	0,7
Плохое состояние здоровья населения	Снижение смертности в трудоспособном возрасте (чел./ 100000 чел. насел. трудоспособного возраста), в т. ч.:		
	— от болезней системы кровообращения	540	390
	— от злокачественных новообразований	150	115
		60	35

пасности Свердловской области на период до 2020 г., которые приведены в таблице 1.

Так как показатели воспроизводства населения являются результирующими индикаторами социально-демографической безопасности региона, на период до 2020 г. были разработаны 3 сценария их развития:

— *Инерционный сценарий* предполагает, что сохранение или ухудшение сложившейся экономической ситуации в России, скорее всего, сделает маловероятным улучшение процессов воспроизводства населения.

— *Поддерживающий сценарий* предполагает эффективную реализацию «Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» без учета влияния областных государственных целевых программ.

— *Эффективный сценарий* предполагает эффективную реализацию системы программных мероприятий, разработанных для решения проблем социально-демографического развития Свердловской области.

Полученные на основе применения синергетического подхода [8] результаты прогнозирования демографических показателей для Свердловской области на период до 2020 г. приведены в таблице 2.

В связи с тем, что полученные прогнозные значения основных демографических показателей в значительной степени неопределенны, что усугубляется экономическим кризисом,

Таблица 2

Прогноз основных демографических показателей для Свердловской области на период до 2020 г.

Показатель	2009 г.*	2010 г.			2015 г.			2020 г.		
		Инерционный сценарий	Поддерживающий сценарий	Эффективный сценарий	Инерционный сценарий	Поддерживающий сценарий	Эффективный сценарий	Инерционный сценарий	Поддерживающий сценарий	Эффективный сценарий
Общий коэффициент рождаемости, чел./1000 человек населения	12,8	12,1	12,6	12,7	11,8	12,7	12,9	12,0	12,7	13,0
Общий коэффициент смертности, чел./1000 человек населения	14,3	14,8	14,5	14,3	14,6	13,8	12,4	14,1	13,5	11,1
Коэффициент естественного прироста населения, чел./1000 человек населения (№1+№2)	-1,5	-2,7	-1,9	-1,6	-2,8	-1,1	0,5	-2,1	-0,8	1,9
Коэффициент миграционного прироста, чел./10000 человек населения	13,0	17,1	17,1	17,1	13,2	13,2	13,2	10,0	10,0	10,0
Общий прирост населения на 10000 человек населения (№3+№4/10)	-0,2	-1,0	-0,2	0,1	-1,5	0,2	1,8	-1,1	0,2	2,9

*факт

Таблица 3

Вероятностный прогноз численности населения Свердловской области на период до 2020 г., тыс. чел.

Год	Инерционный сценарий			Поддерживающий сценарий			Эффективный сценарий		
	Медиана	95,44%-й доверительный интервал	99,73%-й доверительный интервал	Медиана	95,44%-й доверительный интервал	99,73%-й доверительный интервал	Медиана	95,44%-й доверительный интервал	99,73%-й доверительный интервал
2010	4388	4385–4391	4383–4392	4393	4391–4396	4389–4398	4396	4392–4399	4390–4401
2015	4356	4349–4363	4346–4367	4397	4388–4406	4383–4410	4422	4403–4441	4393–4451
2020	4329	4316–4342	4310–4349	4401	4386–4417	4378–4424	4478	4439–4516	4420–4535

Рис. 4. Текущий и прогнозный уровни социально-демографической безопасности Свердловской области

для оценки перспективной численности населения был разработан модельный аппарат, основанный на методе имитационного моделирования [9, 10]. Полученный на основе применения разработанного модельного аппарата вероятностный прогноз численности населения Свердловской области на период до 2020 г. представлен в таблице 3.

На основе анализа результатов прогнозирования стратегическим сценарием развития Свердловской области был определен **эффективный сценарий**. В основе данного сценария лежит условие одновременной эффективной реализации «Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» и системы программных мероприятий, разработанных для решения проблем социально-демографического развития Свердловской области.

Достижение целевых значений повышения уровня социально-демографической безопасности (таблица 1) и реализация эффективного сценария социально-демографического развития Свердловской области на период до 2020 г. (таблица 2) позволили бы к 2020 г. вывести уровень социально-демографической безопасности Свердловской области из кризисного состояния в предкризисное (рис. 4).

Таким образом, достижение нормального состояния в прогнозном интервале лет не представляется возможным, главным образом по причине высокой инерционности демографических процессов.

В соответствии с оценкой прогнозного уровня социально-демографической безопасности Свердловской области с разбивкой по блокам произойдет ухудшение значений показателей половозрастной и брачносемейной структуры. Такие изменения, в первую очередь, будут связаны с продолжающимися тенденциями:

— снижения численности населения в трудоспособном возрасте;

— старения населения (снижение численности населения в трудоспособном возрасте и старение населения ведет к росту демографической нагрузки на трудоспособное население);

— падения числа потенциальных матерей.

Список источников

1. Демографическая политика в регионе. Проблемы и перспективы: сб. статей / Под ред. д.с.н. А. И. Кузьмина. Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 2010. 196 с.
2. Азарков Г. А., Найденов А. С., Чусова А. Е. Анализ динамики теневой экономики Свердловской области // Экономика региона. 2010. №4(16). С. 139-146.
3. Комплексная методика диагностики социально-демографической безопасности региона / Под ред. акад. РАН А. И. Татаркина, д.э.н., проф. А. А. Куклина. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2007. 156 с.
4. Татаркин А. И., Куклин А. А., Черепанова А. В. Социально-демографическая безопасность регионов России. Текущее состояние и проблемы диагностики // Экономика региона. 2008. №3(15). С. 153-161.
5. Васильева Е. В., Гурбан И. А. Диагностика качества жизни населения регионов России // Вестник Тюменского государственного университета. 2010. №4. С. 186-192.
6. Пыхов П. А., Денисова О. А. Оценка современного и перспективного состояния УрФО с позиций энергетической безопасности // Экономика региона. 2008. №4(16). Т. 2. С. 52-62.
7. Мызин А. Л., Пыхов П. А., Денисова О. А. Результаты диагностирования энергетической безопасности регионов России в динамике последних лет // Вестник Тюменского государственного университета. 2010. №4. С. 170-177.
8. Белоцерковский О. М., Быстрой Г. П., Цибульский В. Р. Экономическая синергетика. Вопросы устойчивости. Новосибирск: Наука, 2006. 116 с.
9. Куклин А. А., Черепанова А. В., Некрасова Е. В. Социально-демографическая безопасность регионов России. Проблемы диагностики и прогнозирования // Народонаселение. 2009. №2 (44). С. 121-133.
10. Черешнев В. А., Куклин А. А., Черепанова А. В. Развитие теоретико-методического подхода к прогнозированию социально-демографического развития региона // Экономика региона. 2010. № 2. С. 38-46.

УДК 332.14:314.172

ключевые слова: социально-демографическое развитие, регион, диагностика, прогнозирование, безопасность, эффективность

PROBLEMS AND PROSPECT OF SOCIO-DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT OF RUSSIAN REGIONS

(by the example of Sverdlovsk region)

A. V. Cherepanova, E. V. Vasilyeva

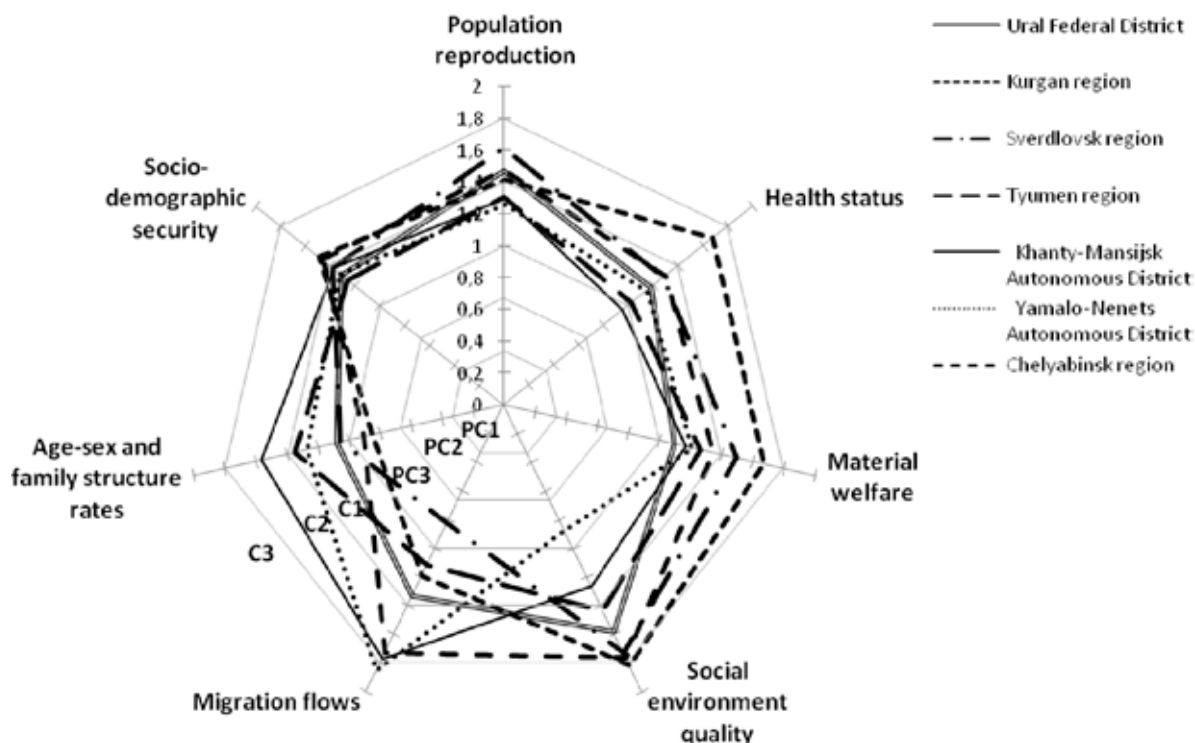
Condition and trends regarding socio-demographic security of Sverdlovsk region in 2000–2009 are illustrated; the most challenging activity scopes are highlighted. Priority guidelines and target values of socio-demographic security enhancement in Sverdlovsk region until 2020 are determined. Prediction regarding population reproduction rates and probabilistic prediction of the population size of Sverdlovsk region until 2020 according to three scenarios are worked out. Estimate of the prognostic level of socio-demographic security of Sverdlovsk region until 2020 by division into blocks was obtained.

Crude birth rate is one of the major population reproduction rates. As a result of improvement of the given rate in Sverdlovsk region by 2009, it increased by 37% during 2000–2009 and amounted to 1.55 (1.13 in 2000). However, when the 2009 rate is divided into its critical value 2.12, it makes us conclude that birth rate in Sverdlovsk region secures at present only 73.1% of population reproduction.

Substantial positive changes in the population reproduction processes may occur in case of death rate reduction and *life expectancy* growth. Certain success is already obvious: life expectancy has grown by almost 5 years (from 63.7 to 68.4) in Sverdlovsk region in 2000–2009. Yet, male life expectancy is still a matter of great concern: the given rate exceeded 60 only in 2006, and in 2009 it amounted to 62.3 years of age, which is 12 years lower than the female rate (74.6 years).

Despite improvement of the population reproduction rates, the *natural increase rate* in Sverdlovsk region remains negative: it amounted to -8.2 in 2000, -1.5 in 2009, -0.9 person per 1000 people in January – August 2010.

The migration growth rate as one of the probable alternatives of natural population loss balancing had steadily been declining in Sverdlovsk region in 2000–2002: from 12 to -9 persons per 10 thousand people. The rate's positive trend had been observed starting from 2003, and the value had become stable

Note. Security states: N — normal (zero values of the crisis level, not specified on the diagram); PC1 — pre-crisis initial state; PC2 — pre-crisis aggravating state; PC3 — pre-crisis critical state; C1 — crisis unstable state; C2 — crisis aggravating state; C3 — crisis extreme state

Fig. 1. Diagnostics results in terms of socio-demographic security in the UFD Subjects in 2000

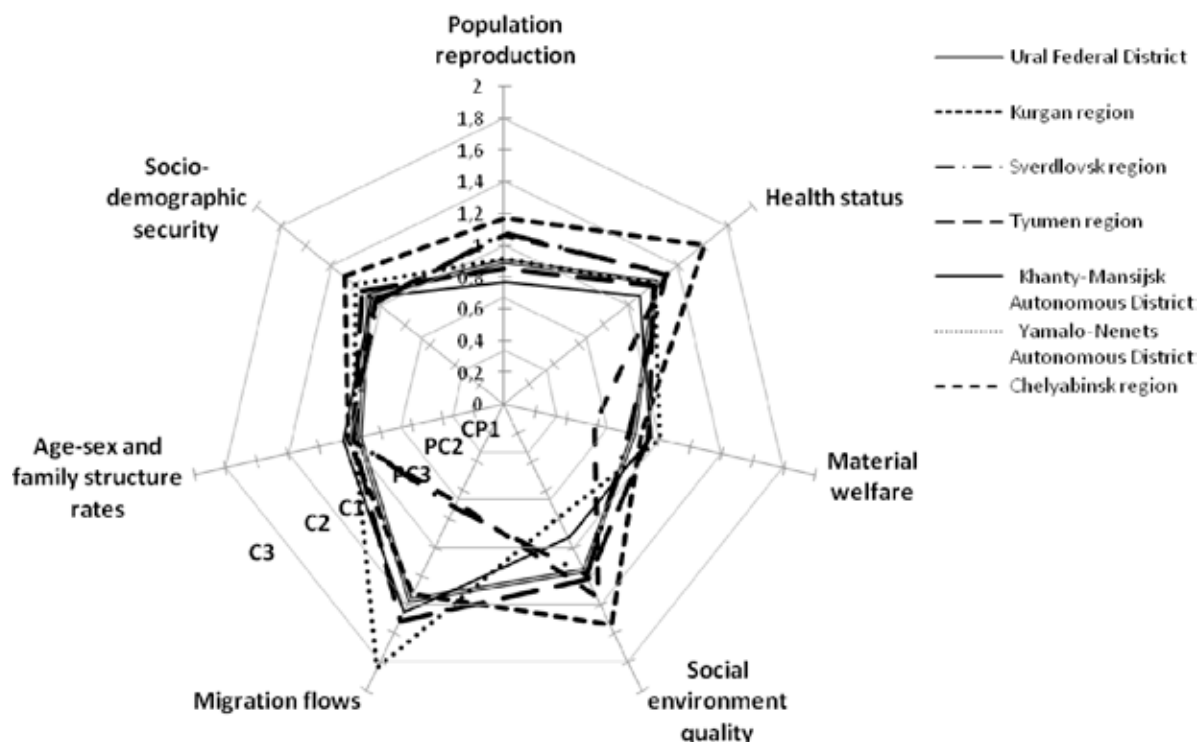

Fig. 2. Diagnostics results in terms of socio-demographic security in the UFD Subjects in 2009

at a level of 20–23 in 2005–2008. However, the financial and economic crisis has resulted in dynamics decline relative to a lot of branches of economy [1]. Slowdown of demand for labour migrants occurred; as a result, in 2009 the migration growth rate was 13 persons per 10 thousand people (3.6 in January – November 2010).

Based on the given analysis, certain conclusions regarding the demographic condition can be made. An integrated diagnostics technique allows estimating absolute and relative socio-demographic security rate in the region with latent processes taken into consideration [2, 3]. The diagnostics is based on the indicative analysis technique, which the Ural Scientific School represented by the authors considered appropriate to be applied for task solution in terms assessment of quality of life [4], and economic and energy security [5, 6].

The obtained estimate of socio-demographic security of the Ural Federal District demonstrates the fact that no improvement in terms of socio-demographic security was observed in all the UFD Subjects including Sverdlovsk region in 2000–2009, and the crisis phenomena were retained in 2009 (Fig. 1, 2).

At the same time, the analysis by division into blocks allowed highlighting the most challenging activity scopes and establishing cause-and-effect relationship between them (Fig. 3).

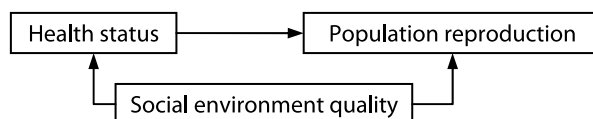

Fig. 3. Interrelation of the most challenging activity scopes in terms of socio-demographic security in Sverdlovsk region

Table 1
Priority guidelines and target values of socio-demographic security enhancement in Sverdlovsk region until 2020 are determined

Problems	Priority guidelines	Target values	
		2015	2020
Low quality of social environment	Reduction of death rate due to external causes (pers./100000 people)	120	60
	Reduction of number of persons with an occupational illness identified for the first time (pers./10000 of occupied people)	1.5	0.7
Poor health status of the population	Reduction of death rate in the working age (pers./100000 working-age people), including:	540	390
	— circulatory illnesses;	150	115
	— malignant neoplasms	60	35

It follows from Figure 3 that low quality of the social environment and poor health status of the population of Sverdlovsk region, apart from being independent problems, have adverse effect on the

population reproduction processes as well. On this basis priority guidelines and target values of socio-demographic security enhancement in Sverdlovsk region until 2020 were determined (Table 1).

So far as population reproduction rates are resultant indicators of the regional socio-demographic security, 3 development scenarios have been worked up for the period until 2020:

1. *Inertia scenario* assumes that in case of retention or deterioration of the existing economic condition in Russia the chances for population reproduction improvement are low.

2. *Support scenario* assumes efficient implementation of the “Concept of the demographic policy in the Russian Federation until 2025” without the influence of regional state target programs taken into consideration.

3. *Efficiency scenario* assumes efficient implementation of the system of program activities worked out to solve the problems of socio-demographic development of Sverdlovsk region.

The prediction results for Sverdlovsk region demographic rates until 2020 obtained by application of the synergy approach [7] are given in Table 2.

For the reason that the obtained prediction values of the key demographic rates are to a large extent unspecified (and that is aggravated by the economic

crisis), a simulation instrument based on the simulation technique was developed to estimate long-term population size [8, 9]. Probabilistic prediction of the population size of Sverdlovsk region until 2020 obtained by application of the mentioned simulation instrument is given in Table 3.

Based on the analysis of the prediction results, efficiency scenario was identified as a strategic scenario of development of Sverdlovsk region. The given scenario is stipulated by simultaneous efficient implementation of the “Concept of the demographic policy in the Russian Federation until 2025” and the system of program activities worked out to solve the problems of socio-demographic development of Sverdlovsk region.

Reaching the target values in terms of socio-demographic security improvement (Table 1) and implementation of the efficiency scenario of socio-demographic development of Sverdlovsk region until 2020 (Table 2) would make it possible to change the crisis level of socio-demographic security of Sverdlovsk region to a pre-crisis one by 2020 (Fig. 4).

Thus, normal condition within the prognostic year interval is impossible to be reached due chiefly to high sluggishness of demographic processes.

According to the block estimate of the prediction level of socio-demographic security of Sverdlovsk

Prediction of the key demographic rates for Sverdlovsk region until 2020

Table 2

Territory	2009*	2010			2015			2020		
		Inertia scenario	Support scenario	Efficiency scenario	Inertia scenario	Support scenario	Efficiency scenario	Inertia scenario	Support scenario	Efficiency scenario
Crude birth rate, pers./1000 people	12.8	12.1	12.6	12.7	11.8	12.7	12.9	12.0	12.7	13.0
Crude death rate, pers./1000 people	14.3	14.8	14.5	14.3	14.6	13.8	12.4	14.1	13.5	11.1
Natural increase rate, pers./1000 people (№1+№2)	-1.5	-2.7	-1.9	-1.6	-2.8	-1.1	0.5	-2.1	-0.8	1.9
Migration growth rate, pers./10000 people	13.0	17.1	17.1	17.1	13.2	13.2	13.2	10.0	10.0	10.0
Gross population growth на 10000 people (№3+№4/10)	-0.2	-1.0	-0.2	0.1	-1.5	0.2	1.8	-1.1	0.2	2.9

*de facto

Table 3

Probabilistic prediction of the population size of Sverdlovsk region until 2020, thousand people

Year	Inertia scenario			Support scenario			Efficiency scenario		
	Median	95.44% confidence band	99.73% confidence band	Median	95.44% confidence band	99.73% confidence band	Median	95.44% confidence band	99.73% confidence band
2010	4388	4385-4391	4383-4392	4393	4391-4396	4389-4398	4396	4392-4399	4390-4401
2015	4356	4349-4363	4346-4367	4397	4388-4406	4383-4410	4422	4403-4441	4393-4451
2020	4329	4316-4342	4310-4349	4401	4386-4417	4378-4424	4478	4439-4516	4420-4535

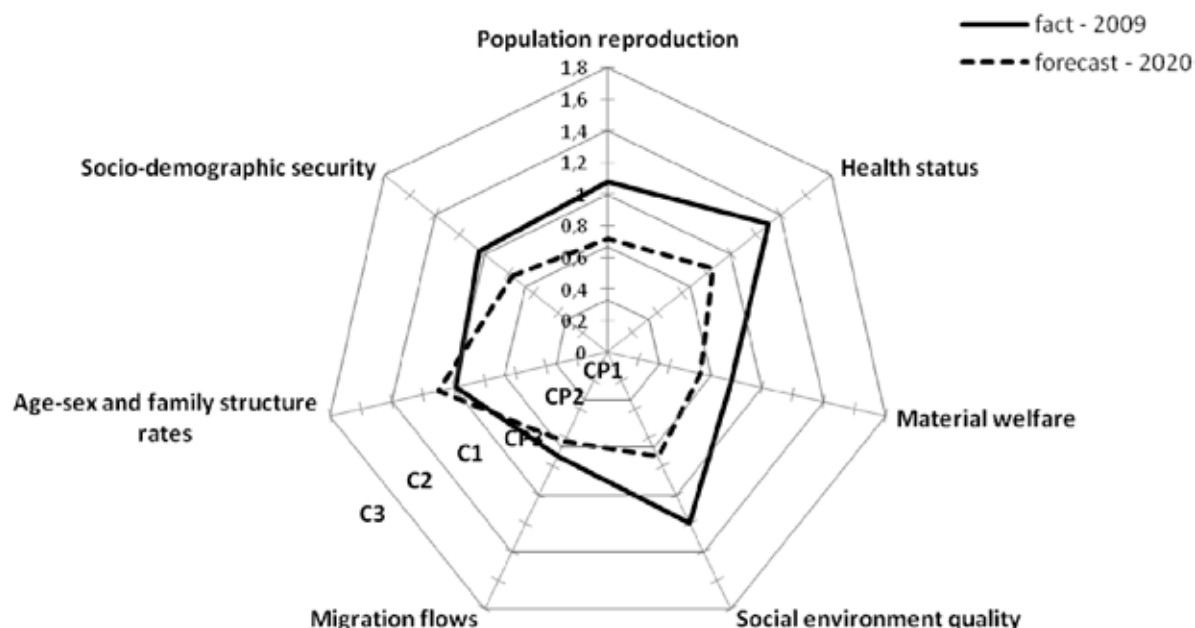

Fig. 4. Current and prognostic levels of socio-demographic security of Sverdlovsk region

region, deterioration of the age-sex and family structure rates will occur. Such changes will primarily be due to the persisting trends:

- Reduction of the working-age population size;
- Ageing of the population;
- (reduction of the working-age population size and ageing of the population results in increase of the demographic load on the working population)
- Drop in number of potential mothers.

The research is completed with financial support from the Russian Humanitarian Research Foundation (Project №)

References

1. Agarkov, G. A., Naydyonov, A. S., Chusova, A. E. (2010). Analysis of shadow economy dynamics in Sverdlovsk region. *Economy of region*, 4, pp. 139-146.
2. *Integrated technique of regional socio-demographic security diagnostics*. Ed. by A. I. Tatarkin, Full Member of the RAS; A. A. Kuklin, Doctor of Economics, Professor. Ekaterinburg: Institute of Economics UB RAS, 2007. 156 p.
3. Tatarkin, A. I., Kuklin, A. A., Cherepanova, A. V. (2008). Socio-demographic security of Russian regions: current condi-

tion and diagnostics issues. *Economy of region*, 3 (15). pp. 153-161.

4. Vasilyeva, E. V., Gurban, I. A. (2010). Diagnostics of quality of life in Russian regions. *The Tyumen State University Bulletin*, 4, pp. 186-192.

5. Pyhov, P. A., Denisova, O. A. (2008). Assessment of the present and long-term state of the Ural Federal District in terms of energy security. *Economy of region*, 4 (16), Vol. 2. pp. 52-62.

6. Myzin, A. L., Pyhov, P. A., Denisova, O. A. (2010). Diagnostics results for energy security of Russian regions in recent years. *The Tyumen State University Bulletin*, 4, pp. 170-177.

7. Belotserkovsky, O. M., Bystrai, G. P., Tsibulsky, V. R. (2006). Economic synergy: sustainability issues. *Novosibirsk: Nauka*, 116 p.

8. Kuklin, A. A., Cherepanova, A. V., Nekrasova, E. V. (2009). Socio-demographic security of Russian regions: diagnostics and prediction issues. *Narodonaselenie*, 2 (44). pp. 121-133.

9. Chereshev, V. A., Kuklin A. A., Cherepanova A. V. (2010). Elaboration of the theoretical and methodical approach to regional socio-demographic development prediction. *Economy of region*, 2, pp. 38-46.

UDC 332.14:314.172

Keywords: socio-demographic development, region, diagnostics, prediction, security, efficiency

РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

ОСОБЕННОСТИ РЕГУЛИРОВАНИЯ ЗАНЯТОСТИ В УСЛОВИЯХ ДЕФИЦИТА ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ¹

Н. З. Шаймарданов, Н. П. Неклюдова

В статье рассмотрены современные проблемы и особенности занятости населения, обусловленные нарастающим дефицитом трудовых ресурсов. Предложены приоритетные направления регулирования региональной занятости с учетом негативного действия демографического фактора.

Демографические проблемы оказывают все большее влияние на сферу трудовой деятельности, и, как следствие, на перспективы экономического развития в целом. В связи с этим актуальна оценка степени данного воздействия, прежде всего, в отношении ограничений занятости в региональной экономике. Для определения перспективного дефицита трудовых ресурсов в регионе совокупный спрос на труд (сумма численности занятых и числа вакантных рабочих мест) оценивался по функциональной зависимости от объемов ВРП и динамики накопления капитала. Расчеты свидетельствуют, что на макроуровне коэффициент эластичности совокупного спроса на труд по ВРП составляет примерно 0,2%, а по капитальным ресурсам (-0,1%).

На основе прогнозных вариантов развития экономики Свердловской области до 2020 г. Институтом экономики УрО РАН была сделана оценка перспективного спроса на труд (по инерционному, оптимистическому и инновационному сценариям развития). Совокупный спрос на труд в экономике региона по оптимистическому сценарию увеличивается со средним темпом прироста в 1%, а по инновационному — 0,6% в год, в инерционном варианте заложено

незначительное снижение спроса в трудовых ресурсах). Рост потребности экономики в рабочей силе был сопоставлен с численностью трудовых ресурсов. Результат интерпретирован как возможный объем предложения труда, с которым может столкнуться региональная экономика в ближайшей перспективе. В данном варианте — без учета миграции [7].

В соответствии с проведенной оценкой дефицит трудовых ресурсов в Свердловской области начнет проявляться во все увеличивающемся со временем масштабе, достигнув к концу 2020 г. в среднем по 3 вариантам, от 150 до 200 тыс. чел. Несмотря на происходящее в перспективе наращивание основных фондов и замещение труда капиталом путем внедрения трудосберегающих технологий дефицит трудовых ресурсов, будет проявляться достаточно явно, при этом реализация второго и третьего сценария приведет к более раннему возникновению дефицита трудовых ресурсов [1].

Экспертные оценки причин возникновения дефицита трудовых ресурсов свидетельствуют о пяти основных причинах кадрового голода (кроме демографических):

- низкая заработная плата, которую предлагает соискателям предприятие;
- отсутствие возможности предоставить жилье новым работникам;
- нежелание выпускников высших учебных заведений работать по полученной специальности;
- тяжелые условия труда;
- недостаточное количество специалистов, выпускаемых средними и начальными профессиональными образовательными учреждениями.

Проблемы, возникающие в сфере занятости и на рынке труда, определяют социально-экономическое положение населения и непосред-

¹ Публикация выполнена в рамках Целевой программы УрО РАН поддержки междисциплинарных проектов, выполняемых в содружестве с учеными СО и ДВО РАН. Интеграционный проект № 09-С-6-1004 «Региональная социально-экономическая политика как инструмент устойчивого экономического роста в условиях экономической интеграции».

редственно влияют на процессы его воспроизводства. Так, безработица оказывает негативное влияние на развитие семьи, определяя ее жизненный уровень, социальный статус. Следовательно, необходимо говорить не только об актуальности демографических проблем в контексте развития рынка труда, но и о важности обратных связей. В свою очередь, мигранты предъявляют достаточно высокие требования к принимающей территории.

Можно выделить основные направления в построении системы государственного регулирования занятости населения с имеющимся дефицитом трудовых ресурсов и необходимостью проводить иммиграционную политику.

Основные возможности преодоления возникающего дефицита связаны с повышением экономической активности, повышением производительности труда, смягчением структурных проблем рынка труда, замещающей миграцией. Рассмотрим внутренние источники смягчения остроты выявленной проблемы.

Повышение экономической активности населения предполагает прежде всего вовлечение на рынок труда части экономически неактивного населения. Отдельной проблемой является повышение возраста выхода на пенсию, а также привлечение на рынок труда пенсионеров старшего трудоспособного возраста.

Повышение производительности труда как один из путей смягчения перспективного его дефицита в значительной степени связано с повышением капиталовооруженности труда. Это требует (как и предполагает инновационный сценарий) более интенсивных инвестиционных вложений, прежде всего в реальном секторе производства. Их недостаток будет усиливать отраслевою неоднородность эффективности использования рабочей силы и, следовательно, усугублять проблему ее дефицита. В настоящее время отечественная экономика испытывает недостаток в новых, современных трудосберегающих технологиях.

Необходимым направлением превентивной политики по смягчению возникающего ограничения предложения труда в экономике является **решение проблемы структурной безработицы**. В противном случае в экономике будет наблюдаться острая нехватка специалистов в целом ряде секторов экономики и одновременно — высокий уровень безработицы.

При этом преодоление диспропорций — это, в первую очередь, задача рынка образования (в самом широком смысле, включая корпора-

тивные курсы и курсы переподготовки, предоставляемые службой занятости населения), во вторую — внутренней миграции (с помощью которой устраняются структурные диспропорции на рынке труда, носящие географический характер), и уже в третью — иммиграции.

В стратегической перспективе необходимо формировать региональную комиссию по изучению и развитию трудового потенциала. Сегодня, в ситуации перехода к экономике знаний, не сырьевые, а человеческие ресурсы становятся ключевым фактором экономического развития и залогом конкурентоспособности страны в XXI веке.

Ведущей идеологией данной структуры должно стать практическое применение научных результатов исследований в области демографии, миграции, рынка труда и занятости населения при разработке и тесной взаимосвязке политики занятости и иммиграционной политики, а также встраивание их в общий контекст регионального социально-экономического развития [1].

В решении социальных вопросов речь должна идти не столько об увеличении объема социальных обязательств, сколько о разработке новой парадигмы социально-трудовой политики, опирающейся на институты гражданского общества, бизнеса и государства.

Следующим направлением является внешний источник и связанное с ним прогнозирование и планирование трудовой иммиграции, которое должно осуществляться в контексте общей иммиграционной политики с четко обозначенными задачами и целями. Огромным недостатком в данном направлении, однако, является отсутствие Концепции миграционной политики и, как следствие, стратегических ориентиров в сфере трудовой миграции. Концепция миграционной политики, обсуждаемая еще с 2002 года, так и не принята [5]. Вместо нее в 2003 году распоряжением Правительства была одобрена Концепция регулирования миграционных процессов. В действующей же Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года буквально сказано: «Демографическая политика Российской Федерации направлена на <...>, регулирование внутренней и внешней миграции, <...>» [6]. То есть вновь речь идет исключительно о задачах регулирования. И даже воссоздание в мае 2009 г. Правительственной комиссии по миграционной политике говорит пока только о намерении эту политику иметь.

Можно выделить конкретные факторы, которые могут обуславливать выбор целей и средств иммиграционной политики:

- структурное реформирование экономики;
- влияние общественного мнения и заинтересованных лобби;
- географическое положение;
- политическая ситуация и др.

Для оценки уровня обеспеченности регионов трудовыми ресурсами и определения потребности экономики в иностранной рабочей силе необходимо проведение постоянного мониторинга экономической и профессионально-квалификационной структуры спроса и предложения на рынке труда. Проводимая политика должна опираться на тщательный анализ всего имеющегося статистического материала.

Важнейшей предпосылкой эффективности политики занятости становится создание и правильная организация работы координирующих органов. Для решения проблем координации работы между различными компетентными органами связь между иммиграционной политикой, взаимоотношениями со странами, являющимися источниками иммиграционных потоков, политикой обеспечения национальной безопасности, социальной политикой, политикой занятости и в сфере образования, налоговой политикой должна быть более тесной.

Например, миграционная сфера, закрепленная в настоящий момент за Федеральной миграционной службой (ФМС), в программе оказалась представлена только контрольными функциями. Необходимо обратить также внимание на то, что к компетенции Министерства внутренних дел относится выработка государственной политики и нормативно-правовое регулирование в области миграции [2], а соответствующие полномочия в области трудовой миграции находятся в компетенции Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации [3].

Таким образом, компетенция в области выработки миграционной политики «разорвана» ведомствами, имеющими разную подчиненность, более того, между указанными ведомствами искусственно разделены вопросы регулирования миграции и трудовой миграции. К тому же из документов, регулирующих деятельность Министерства здравоохранения и социального развития и Федеральной службы по труду и занятости РФ, не видно, чем же конкретно в области регулирования трудовой миграции должны заниматься указанные ведомства.

Ключевая проблема — это несоответствие полномочий и институциональных возможностей уполномоченного ведомства и характера самой миграционной сферы.

Миграционная политика является функцией ряда политик, находящихся в более высоком слое принятия решений. На этом основании в системе государственного управления миграционная функция может быть, к примеру, отнесена к разным ведомствам. Кроме известных вариантов, она может быть в структуре полномочий Министерства регионального развития РФ на том основании, что регулирование миграционных потоков является функцией политики регионального развития.

Сегодня функции уполномоченных государственных органов в сфере управления миграционными процессами не встроены в модель государственного регулирования рынка труда. Из документов, регулирующих деятельность соответствующих органов исполнительной власти, должно более конкретно следовать, какие функции осуществляет то или иное ведомство в области управления процессами миграции, поскольку деятельность государства как регулятора рынка трудовых ресурсов должна строиться на основе четких и понятных рынку правил, быть публичной и прозрачной.

С учетом вышесказанного необходимо выделить следующие важнейшие направления при формировании политики, направленной на более тесную взаимосвязь демографических, миграционных процессов и занятости населения:

1. Усиление взаимодействия министерств и ведомств по координации действий в социально-трудовой сфере. Проведенный Институтами экономики УрО РАН анализ, целей, задач и функций семи министерств правительства Свердловской области, деятельность которых прямо или косвенно влияет на состояние социально-трудовой сферы области, свидетельствует об отсутствии координации между ними.

2. Разработка модели научно обоснованного мониторинга социально-трудовой сферы, включающего анализ ситуации, контроль и краткосрочный прогноз. Без хорошо налаженной научной системы мониторинга невозможно принимать эффективные управленческие решения. Данный мониторинг должен проводиться не только на уровне региона, но и в разрезе муниципальных образований. Для этого необходимо развитие муниципальной статистики и формирование показателей как количественных, так и качественных, характеризующих

процессы в социально-трудовой сфере, в т. ч. миграционные.

Для проведения мониторинга целесообразно внедрение аутсорсинга функций по его реализации. Мониторинг должен проводиться независимой организацией при участии ученых-экономистов, демографов, социологов, юристов, хорошо знающих регион, особенности его развития и относящихся к нему не формально, а с интересом и желанием помочь в решении проблем.

3. Модернизация программного обеспечения занятости населения в современных условиях:

— разработка программ на основе региональной стратегии развития занятости на долгосрочную перспективу (10-15 лет) с учетом территориальных особенностей социально-экономического развития;

— расширение сферы применения региональных программ развития занятости на процессе воспроизводства трудового потенциала, в отличие от ныне действующей практики, когда программным регулированием охвачено лишь население, обратившееся в службу занятости за консультацией или в поисках работы;

— разработка региональных программ временной и постоянной трудовой миграции;

— внедрение селективного подхода в практику регулирования трудовой миграции;

— разделение трудовых мигрантов на категории (временные, долгосрочные и постоянные) и проведение в отношении каждой из них специализированной политики привлечения, возвращения, адаптации и интеграции;

— длительный временной период действия, позволяющий оценивать среднесрочные и долгосрочные социально-экономические эффекты от реализации программ;

— встроенность в программы социально-экономического развития региона на основе тесной взаимоувязки целей, задач, приоритетов и механизмов реализации политики занятости населения, иммиграционной политики в другие направления регионального развития;

— возможность в рамках программ комбинировать и объединять усилия всех субъектов политики занятости населения;

— установление количественных параметров результативности программ по годам реализации, с ежегодной оценкой фактических результатов;

— постоянная система мониторинга, оценки и контроля за ходом реализации программ.

4. Формирование постоянно обновляющейся информационной базы для миграционного планирования, включающей:

— текущее состояние и прогнозные (средне- и долгосрочные) оценки демографического развития региона;

— текущее состояние и прогнозные (средне- и долгосрочные) оценки развития рынка труда и занятости населения в отраслевом разрезе;

— формирование каталога профессий с дефицитом рабочей силы (полугодовой или ежеквартальной);

— оценку социально-экономической безопасности региона;

— ежегодные обзоры потребности работодателей в рабочей силе;

— оценку эффективности использования иностранной рабочей силы.

Список источников

1. Козлова О. А., Шаймарданов Н. З. Миграция и занятость населения, проблемы взаимодействия // Демографическая политика в регионе. Проблемы и перспективы: Екатеринбург: ИЭУРО РАН, 2010

2. Указ Президента РФ «Вопросы Министерства внутренних дел Российской Федерации» от 31 июля 2000 г. №1415 // Собрание законодательства РФ. 2000. № 32. ст. 3342.

3. Постановление Правительства РФ «Об утверждении Положения о Министерстве здравоохранения и социального развития Российской Федерации» от 30 июня 2004 г. № 321. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.minzdravsoc.ru/docs/government/postan/gov>

4. Распоряжение Правительства РФ «О Концепции регулирования миграционных процессов в Российской Федерации» от 1 марта 2003 г. №256-р. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ufmsoren.ru/Docs/PP/RaspP_256_01032003.htm

5. Указ Президента РФ «Об утверждении концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» от 9 октября 2007 г. № 1351. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ufms.spb.ru/desc/ukazy-cid-16/>

6. Постановление Правительства Российской Федерации «О правительственной комиссии по миграционной политике» от 26 мая 2009 г. № 450. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fms.gov.ru/images/newsimg/450.pdf>

7. Демографическая политика в регионе: проблемы и перспективы: сб. статей / Под ред. д. с. н. А. И. Кузьмина. Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 2010. 196 с.

УДК 331.5

ключевые слова: дефицит трудовых ресурсов, регулирование занятости, политика занятости, иммиграционная политика

EMPLOYMENT REGULATION PECULIARITIES IN THE TERMS OF LABOUR SHORTAGE

N. Shaimardanov, N. Nekludova

The article concerns today's challenges of employment as well as its regulation peculiarities, driven by increasing labour shortage. Taking into account negative impact of demographic factor, the authors offer priorities in regional employment regulation.

Demographic problems make the increasing impact on the sphere of labour activity, and, as a consequence, on prospects of economic development as a whole. In this connection the estimation of degree of the given influence, first of all, concerning employment restrictions in the regional economy is actual. For the definition of perspective labour force shortage in the region cumulative demand for labour (the sum of occupations and vacancies) was estimated on the functional dependence on GRP and the dynamics of capital accumulation. Calculations show that at the macro level, the factor of elasticity of cumulative demand for labour makes approximately 0,2 % in GRP, and (-0,1%) in capital resources.

On the basis of predictive variants of economy development of Sverdlovsk region till 2020 an estimation of perspective demand for labour (according to no-change, optimistic and innovative scenarios of development) had been made by the Institute of Economy of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Under the optimistic scenario the cumulative demand for labour in the region's economy increases with the average rate of 1% a year, under innovative — 0, 6% a year, and under no-change scenario there is slight reduction in demand for labour. The growth of economics' requirement for labour was compared with the number of labour force. The result is interpreted as possible volume of labour offer which the regional economy can face in the nearest future. In this case migration was not taken into account.

According to the given estimation labour shortage in Sverdlovsk region will continue to increase. It will have reached, on the average (by 3 variants), from 150 thousand to 200 thousand people by the end of 2020. Despite the escalating of fixed capital and replacement of labour by the capital with the help of introduction of laborsaving technologies in the long term, nevertheless, labour shortage will be shown obviously enough. Realization of the 2nd and the 3rd scenarios will lead to earlier occurrence of labour shortage.

Expert estimations of the labour shortage reasons testify that there are five principal causes, along with demographic, in the basis of «personnel hunger». They are:

- low wage offered to applicants by employer;
- no possibility to give living to applicants;
- unwillingness of high school graduates to work by received profession;
- hard working conditions;
- insufficient quantity of the experts graduated from educational institutions of primary, secondary, or higher vocational level.

The problems arising in the sphere of employment and on the labour market define economic and social situation of the population and directly influence processes of its reproduction. So, unemployment makes negative impact on family development, defining its standard of living, the social status. Consequently, it is necessary to talk not only about an urgency of demographic problems in the context of labour market development, but also about importance of feedback. In their turn migrants make high enough demands to accepting territory.

It is possible to allocate the basic directions in construction of state regulation system of population employment with existing labour shortage and necessity to pursue immigration policy.

The basic possibilities to overcome the arising labour shortage are connected with increasing of economic activity and labour productivity, softening of structural problems of the labour market, replacing migration. We will consider the internal sources of softening of the revealed problem sharpness.

Increasing of economic activity of the population assumes, first of all, involving of a part of economically inactive population into the labour market. A separate problem is increasing of the age of retirement, as well as attraction of retired into the labour market.

Labour productivity increasing is substantially connected with increasing of capital-labour ratio. It demands (as the innovative scenario assumes) more intensive investments, first of all in the real sector of manufacture. The lack of them will strengthen branch heterogeneity of efficiency of labour force usage and, hence, aggravate the problem of its shortage. Currently the domestic economy lacks new, modern labour saving technologies.

Necessary direction of preventive policy directed into softening of arising restriction of the labour offer in the economy is the solution of structural unemployment problem. In the opposite case economy will face the acute shortage of experts in variety of economy sectors and simultaneously a high rate of unemployment will be observed.

Thus overcoming of disproportions is a problem of, firstly, educational market (in the widest sense, including corporate courses and courses of retraining given by services of the population employment), secondly — internal migration (with the help of which structural disproportions on the labour market are eliminated, having geographical character) and thirdly — immigration.

In strategic prospect it is necessary to form the regional commission on studying and development of labour potential. Today, in a transition situation to economy of knowledge, not raw, but human resources become the key factor of economic development and pledge of competitiveness of the country in the XXI-st century.

The practical application of scientific results of researches in the field of demography, migrations, labour market and population employment in terms of working out and close agreement of employment and immigration policies, and also their embedding in the general context of regional social and economic development should become leading ideology of the given structure.

In the decision of the social problems the question is not so much about increasing of social obligations volume, as about working out of a new paradigm of the socially labour policy relied upon institutes of civil society, business and the state.

The following direction is the external source and the forecasting connected with it and planning of labour immigration which should be carried out in the context of the general immigration policy with accurately designated problems and the purposes. The great disadvantage the given direction, however, is the absence of Migration Policy Concept and, as a consequence, strategic reference points in sphere of labour migration. Migration Policy Concept being discussed since 2002 has not been adopted. Instead of it the *Government adopted the Concept of Migration regulation* in 2003. In the active *Concept of Demographic Policy of the Russian Federation for the period till 2025* it is written that Demographic policy of the Russian Federation is designed to regulate internal and external migration [4]. That is it is a question of regulation problems exclusively. And even the reconstruction of the Governmental Commission on the Migration

Policy in 2009 testifies just only about the intention to have this policy.

It is possible to allocate concrete factors which can cause a choice of the purposes and means of an immigration policy:

- structural reforming of economy;
- influence of public opinion and interested lobbies;
- a geographical position;
- political situation, etc.

For the estimation of the region's supply with labour force and definition of economy's requirement for foreign labour it is necessary to carry out constant monitoring of economic and vocational structure of labour supply and demand on the market. The pursued policy should rely upon careful analysis of all available statistical material.

Creation and the correct organization of coordinating body becomes the major precondition of efficiency of employment policy. For the decision of problems connected with coordination of work between various competent bodies communication between immigration policies, mutual relations with the countries which are sources of immigration streams, policy of national safety maintenance, social policy, a policy of employment and in the education sphere, tax policy should be closer.

For example, Federal Migratory Service (FMS) assigned to the migratory sphere, has exclusively control functions.

Also it is necessary to pay attention to the fact that development of a state policy and its legal regulation concerns the competence of the Ministry of Internal Affairs in the field of migration [1], while corresponding powers in the field of labour migration are in the competence of Ministry of Health and Social Development of the Russian Federation [2].

Thus, the competence in the field of migration policy development is broken between the departments having different subordination; moreover, issues of migration regulation and labour migration regulation are artificially divided between specified departments. Besides, it is not visible from the documents regulating activity of Ministry of Health and Social Development and Federal Agency of Work and Employment what particularly the specified departments should do in the field of labour migration regulation.

The key problem is discrepancy of powers and institutional possibilities of the authorized department with the character of the migratory sphere itself.

The migratory policy is a function of a number of politics, being in higher layer of decision-making.

On this basis the migratory function can be carried to different departments in the governmental system. Except for known variants, it can be in the structure of powers of the Ministry of regional development of the Russian Federation on the ground that regulation of migratory streams is function of a policy of regional development.

Today functions of the authorized state bodies in migration management sphere aren't built into the model of state labour market regulation. It should follow more particularly from the documents regulating activity of the corresponding executive branch of the government, what functions are carried out by this or that department in the field of migration management since state activity as a regulator of labour market should be based on the accurate and clear to the market rules, be public and transparent.

Considering the aforesaid it is necessary to allocate following major directions at formation of the policy directed on closer interrelation of demographic, migratory processes and population employment:

1. Strengthening of interaction of the ministries and departments on coordination of actions in socially labour sphere. The Institute of Economy of Ural Branch of the Russian Academy of Sciences carried out the analysis of the purposes, problems and functions of the seven ministries of Sverdlovsk region government activity of which influences, directly or indirectly, condition of socially labour sphere of the region. The analysis testifies the absence of coordination between them.

2. Working out of model of the scientifically-proved monitoring of the socially labour sphere including the analysis of the situation, control and the short-term forecast. It is impossible to make effective administrative decisions without well adjusted scientific system of monitoring. The given monitoring should be spent not only at region level, but also in a cut of municipal unions. For this purpose development of municipal statistics and formation of indicators both quantitative, and qualitative, characterizing processes in socially labour sphere, including migration.

For the monitoring carrying out it is reasonably to introduce outsourcing of functions on its realization. Monitoring should be spent by the independent organization with the assistance of scientists-economists, demographers, sociologists, the lawyers well knowing region, feature of its development and with the interest and desire to help with the decision of problems.

3. Modernization of the population employment software in the modern conditions:

- working out of programs on the basis of regional strategy of development of employment for long-term prospect (10-15 years) taking into account territorial features of social and economic development;

- expansion of scope of application of regional programs of employment development on the process of reproduction of labour potential, unlike current practice when program regulation captures the population which addressed to employment service for consultation or job searching;

- working out of regional programs of temporary and permanent labour migration;

- introduction of the selective approach into the practice of labour migration regulation;

- division of labour migrants into categories (temporary, long-term and permanent constant) and carrying on a specialized policy of attraction, repatriation, adaptation and integration depending on the category

- the long time period of the action, allowing to estimate intermediate term and long-term social and economic effects of the programs;

- including in the programs of social and economic development of the region on the basis of the close agreement of the purposes, problems, priorities and mechanisms of realization of the policy of the population employment, the immigration policy with other directions of regional development;

- possibility within the limits of the programs to combine and unite efforts of all subjects of the population employment policy;

- establishment of quantitative parameters of productivity of programs by years of realization, with an annual estimation of actual results;

- constant system of monitoring, estimation and control over the course of realization of the programs.

4. Formation of constantly updated information base for the migratory planning, that will include:

- current condition and look-ahead (intermediate and long-term) estimations of demographic development of the region;

- current condition and look-ahead (intermediate and long-term) estimations of development of labour market and population employment by industries;

- formation of occupation shortage list (semi-annual or quarterly);

- estimation of social and economic safety of region;

— annual reviews of employers' requirement in labour;

— an estimation of efficiency of foreign labour usage.

References

1. RF President Edict No.1415 «Subjects of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation» July, 31st, 2000 // Russian Federation Code. 2000. № 32. Article 3342.

2. RF Government Ordinance No. 321 «Concerning Ministry of Health and Social Development of the Russian Federation» June, 30, 2004. <http://www.minzdravsoc.ru/docs/government/postan/gov>

3. RF Government Executive Order No. 256-p «Concerning Concept of migration regulation in the Russian Federation» March, 1st, 2003. http://www.ufmsoren.ru/Docs/PP/RaspP_256_01032003.htm

4. RF President Edict No.1351 «Concerning the Concept of Demographic Policy of the Russian Federation for the period till 2025» October, 9, 2007. <http://www.ufms.spb.ru/desc/ukazy-cid-16/>

5. RF Government Ordinance No. 450 «Concerning Governmental Commission on the Migration Policy» May, 26, 2009. <http://www.fms.gov.ru/images/newsimg/450.pdf>

УДК 331.5

keywords: labour shortage, employment regulation, employment policy, immigration policy

СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВОСПРОИЗВОДСТВА ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ В СЕВЕРНОМ РЕГИОНЕ¹

В. Г. Логинов

В статье рассматриваются вопросы воспроизводства трудовых ресурсов в северном регионе на примере Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. Сделан ретроспективный анализ и выполнены оценка состояния и прогноз трудовых ресурсов автономного округа.

Северные районы отличаются значительной дифференциацией воспроизводства населения и трудовых ресурсов. Особое место среди них занимает Ханты-Мансийский автономный округ — Югра (ХМАО-Югра), где демографические процессы, благодаря более молодой структуре населения по сравнению с другими регионами, носят позитивный характер. Здесь наблюдаются положительный естественный прирост и до настоящего времени положительное сальдо миграции. Высокий уровень жизни населения делает округ привлекательным для мигрантов как легальных, так и нелегальных. Значителен трудовой потенциал, в половозрастной структуре населения трудовые ресурсы составляют более 70%. Тем не менее, диспропорции спроса и предложения рабочей силы на региональном рынке труда обусловили, с одной стороны, зна-

чительную величину общей безработицы, с другой — привлечение рабочей силы из-за пределов автономного округа.

В 1990-е гг. начался процесс демографического старения населения ХМАО-Югры, продолжившийся и 2000-е гг. Он идет сразу в двух направлениях — «старение снизу» вследствие снижения рождаемости и «старение сверху», вызванное ростом числа пожилых и старых людей. В 2002 г. по данным переписи средний возраст населения составил 31,4 года, в 2009 г. — 33,6 года, или соответственно на 5,4 и 7,6 пунктов выше по сравнению с 1989 г.

В настоящее время население автономного округа заканчивает этап демографической молодости (доля лиц в возрасте 65 лет и старше ниже 4%) и находится на пороге следующего этапа. Начальный этап старения населения округа характеризуется большей, по сравнению с показателями в целом по России, продолжительностью жизни населения; сравнительно низким уровнем смертности; высокой долей лиц трудоспособного возраста и др.

В 1990-е и 2000-е гг. в воспроизводстве населения главное место принадлежало естественному приросту, на долю которого в эти периоды пришлось соответственно 69,9 и 64,6%, а в 2006—2009 гг. — 82% общего прироста населения. Однако в обеспеченности трудовыми ресурсами значительную роль продолжает играть

¹ Публикация выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН №24 Проект 09-П-46-2001 «Разработка стратегии комплексного социально-экономического освоения малоизученных и слабововлеченных в хозяйственный оборот территорий Уральского Севера».

— annual reviews of employers' requirement in labour;

— an estimation of efficiency of foreign labour usage.

References

1. RF President Edict No.1415 «Subjects of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation» July, 31st, 2000 // Russian Federation Code. 2000. № 32. Article 3342.

2. RF Government Ordinance No. 321 «Concerning Ministry of Health and Social Development of the Russian Federation» June, 30, 2004. <http://www.minzdravsoc.ru/docs/government/postan/gov>

3. RF Government Executive Order No. 256-p «Concerning Concept of migration regulation in the Russian Federation» March, 1st, 2003. http://www.ufmsoren.ru/Docs/PP/RaspP_256_01032003.htm

4. RF President Edict No.1351 «Concerning the Concept of Demographic Policy of the Russian Federation for the period till 2025» October, 9, 2007. <http://www.ufms.spb.ru/desc/ukazy-cid-16/>

5. RF Government Ordinance No. 450 «Concerning Governmental Commission on the Migration Policy» May, 26, 2009. <http://www.fms.gov.ru/images/newsimg/450.pdf>

УДК 331.5

keywords: labour shortage, employment regulation, employment policy, immigration policy

СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВОСПРОИЗВОДСТВА ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ В СЕВЕРНОМ РЕГИОНЕ¹

В. Г. Логинов

В статье рассматриваются вопросы воспроизводства трудовых ресурсов в северном регионе на примере Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. Сделан ретроспективный анализ и выполнены оценка состояния и прогноз трудовых ресурсов автономного округа.

Северные районы отличаются значительной дифференциацией воспроизводства населения и трудовых ресурсов. Особое место среди них занимает Ханты-Мансийский автономный округ — Югра (ХМАО-Югра), где демографические процессы, благодаря более молодой структуре населения по сравнению с другими регионами, носят позитивный характер. Здесь наблюдаются положительный естественный прирост и до настоящего времени положительное сальдо миграции. Высокий уровень жизни населения делает округ привлекательным для мигрантов как легальных, так и нелегальных. Значителен трудовой потенциал, в половозрастной структуре населения трудовые ресурсы составляют более 70%. Тем не менее, диспропорции спроса и предложения рабочей силы на региональном рынке труда обусловили, с одной стороны, зна-

чительную величину общей безработицы, с другой — привлечение рабочей силы из-за пределов автономного округа.

В 1990-е гг. начался процесс демографического старения населения ХМАО-Югры, продолжившийся и 2000-е гг. Он идет сразу в двух направлениях — «старение снизу» вследствие снижения рождаемости и «старение сверху», вызванное ростом числа пожилых и старых людей. В 2002 г. по данным переписи средний возраст населения составил 31,4 года, в 2009 г. — 33,6 года, или соответственно на 5,4 и 7,6 пунктов выше по сравнению с 1989 г.

В настоящее время население автономного округа заканчивает этап демографической молодости (доля лиц в возрасте 65 лет и старше ниже 4%) и находится на пороге следующего этапа. Начальный этап старения населения округа характеризуется большей, по сравнению с показателями в целом по России, продолжительностью жизни населения; сравнительно низким уровнем смертности; высокой долей лиц трудоспособного возраста и др.

В 1990-е и 2000-е гг. в воспроизводстве населения главное место принадлежало естественному приросту, на долю которого в эти периоды пришлось соответственно 69,9 и 64,6%, а в 2006—2009 гг. — 82% общего прироста населения. Однако в обеспеченности трудовыми ресурсами значительную роль продолжает играть

¹ Публикация выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН №24 Проект 09-П-46-2001 «Разработка стратегии комплексного социально-экономического освоения малоизученных и слабововлеченных в хозяйственный оборот территорий Уральского Севера».

миграция, особенно кратковременная, по межрегиональному вахтовому методу и с привлечением иностранной рабочей силы.

Миграция была основным фактором роста численности населения в 1970-е и 1980-е годы, когда на долю прибывших из других регионов приходилось в отдельные годы более 80% общего прироста, а сальдо миграции превышало 60 тыс. чел. (1986 г. — 62685 чел.). За период 1981–1990 гг. механический прирост населения составил 425 тыс. чел. Этот процесс сопровождался высоким оборотом мигрантов. В целом суммарный оборот миграции составлял во второй половине 1970-х годов 32%, в первой половине 1980-х — порядка 30%, во второй половине 1980-х — 17,2% к среднегодовой численности населения. В отдельные годы (1983 и 1986) в округ прибывало до 160 тыс. чел. В настоящее время суммарный оборот миграции снизился в 6 раз по сравнению с максимальными показателями 1970-х гг. (5,0% — в 2009 г.). Миграционные процессы 1980-х гг. обусловили относительную молодость населения и высокий удельный вес трудоспособного населения.

Отрицательный механический прирост населения, имевший место вначале 1990-х гг., с 1993 г. вновь приобрел положительное значение (исключение — 1999 г., 2005 и 2006 гг.). За период 2000–2009 гг. он составил 55,6 тыс. чел., или в 2,7 раза выше, чем в 1990-е годы (табл. 1).

Современная миграция, в отличие от советского периода, подразделяется на трудовую, вынужденную и нелегальную. В статистике учитываются две первые формы миграции. В отношении третьей имеется лишь оценка экспертов, т. к. зачастую, особенно в средних и крупных населенных пунктах округа, ее сложно учесть.

В рамках трудовой миграции особое место занимает межрегиональный вахтовый метод работы. Данный метод традиционно являлся особенностью освоения северных территорий. Условия его применения на Севере были источником научных дискуссий в советский период. Необходимость его использования в виде привлечения рабочей силы из других регионов России и из-за рубежа в настоящее время обус-

ловлена как сложившимися в доперестроечный период экономическими связями, так и отсутствием квалифицированной рабочей силы, несмотря на фактический избыток трудовых ресурсов. Промышленное производство, строительство и транспорт испытывали постоянный дефицит рабочих кадров, в связи с этим значительная доля трудовых ресурсов привлекалась со стороны (в настоящее время в среднем около 70 тыс. вахтовиков в год). Кроме них на предприятиях автономного округа привлекается более 30 тыс. чел. иностранной рабочей силы. Основные территории использования вахтового метода восточные районы ХМАО-Югры: Нефтеюганский, Нижневартовский и Сургутский.

Ханты-Мансийский автономный округ является привлекательным и для нелегальных мигрантов. Ежегодно (особенно в летний и осенний периоды) наблюдается приток нелегальной рабочей силы из Таджикистана, Узбекистана, Азербайджана. Нелегальная миграция в округе, по оценкам специалистов, на порядок выше легальной. В результате этого возникают локальные участки с этнически однородным составом мигрантов. Несмотря на относительно небольшую численность, отдельные этнические диаспоры занимают в округе значительный удельный вес в формировании теневых и криминальных структур бизнеса. Через осевших в автономном округе представителей этих народов идет непрерывный процесс привлечения по цепочке землячества населения из регионов их выхода, создавая прецедент неучтенного статистикой и органами власти населения. Еще одна группа мигрантов — это вынужденные переселенцы, к которым относится русскоязычное население, прибывшее сюда из Казахстана, республик Центральной Азии и Кавказа [3]. Это, как правило, представители русскоязычного населения Казахстана и республик Центральной Азии. Вынужденные переселенцы вносят определенный вклад в рост численности населения, и особенно рабочей силы, так как их представители трудоспособного возраста имеют высокий квалификационно-образовательный уровень.

Таблица 1

Механическое движение и сальдо миграции населения Югры, чел.

Показатели	1991–1995 гг.	1996–2000 гг.	2001–2005 гг.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.
Прибыло	325772	262093	169347	38513	46522	45072	40800
Выбыло	333466	234015	137457	39621	41650	43440	35900
Прирост	-7694	28078	31890	-1108	4872	1732	4900

Рассчитано по данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Ханты-Мансийскому автономному округу — Югре.

В формировании населения Ханты-Мансийского автономного округа ведущее место принадлежит русскому этносу, особенно на первых этапах: освоения лесных ресурсов и транспортного строительства. Свою лепту в формировании населения ХМАО-Югры внесли регионы России и республики СССР. Особенно значителен вклад Украины, Казахстана, Азербайджана и Молдовы. Обращает на себя внимание рост численности в период между переписями населения представителей Азербайджана и народов Северного Кавказа, что было связано с нефтегазовым освоением территории. Распад СССР и экономические реформы в России внесли свой вклад в формирование структуры национального состава Ханты-Мансийского автономного округа, связанное с изменением миграционных потоков (табл. 2).

В результате значительного оттока населения в 1990–1993 гг. в 1990-е гг. обмен населения с Украиной был отрицательным (-5437). Сохранилось положительное сальдо с Азербайджаном (4667 чел.) и Республикой Молдова (2331 чел.). Самый значительный приток мигрантов шел из Казахстана (24 382 чел.),

республик Центральной Азии (21 321 чел.) и с Северного Кавказа (в основном Дагестан и Чеченская республика — 10 217 чел.). Основные мигранты из Казахстана и республик Центральной Азии — это русскоязычное население. Из республик Северного Кавказа и Азербайджана — представители титульных народов. Более высокий уровень рождаемости у азербайджанцев, народов Северного Кавказа и Средней Азии, наряду с миграцией с данных территорий способствовал повышению удельного веса представителей этих народов в автономном округе. За период с 1991 по 2008 гг. сальдо миграции составило: Казахстан — +30,4 тыс. чел.; республики Центральной Азии — +29,1 тыс. чел.; Украина — +12,0; Азербайджан — +8,2 и Молдова — + 4,5 тыс. чел. Таким образом, в этот период основную лепту внесли мигранты из Казахстана и республик Центральной Азии (+59,5 тыс. чел.). В 2006–2008 гг. наиболее сильный приток происходил из республик Центральной Азии (5135 чел.), с Украины (2492 чел.) и из Азербайджана (1175 чел.).

Миграционный процесс дает относительно недорогую рабочую силу без дополнительных затрат на обучение и подготовку. В професси-

Таблица 2

Миграция в ХМАО-Югры из СНГ, 1989–2008 гг., чел.

Показатели	1989	1990	1991–1995	Сред. год.	1996–2000	Сред. год.	2001–2005	Сред. год.	2006–2008	Сред. год.
<i>Украина</i>										
Прибыло	14251	11477	42907	8581	22837	4567	5551	1110	15478	5159
Выбыло	12397	13245	53749	10750	16551	3310	4495	899	12986	4328
Сальдо	1864	-1768	-10842	-2169	6286	2743	1056	211	2492	831
<i>Молдова</i>										
Прибыло	1654	1305	6285	1257	3640	728	1175	235	1649	550
Выбыло	1416	1723	5350	1070	1653	331	422	84	877	293
Сальдо	238	-418	935	187	1987	397	753	151	772	257
<i>Азербайджан</i>										
Прибыло	1814	1492	5389	1078	3841	768	782	156	3259	1086
Выбыло	1331	1744	3444	689	1075	215	632	126	1534	694
Сальдо	483	-252	1945	389	2766	553	150	30	1175	392
<i>Казахстан</i>										
Прибыло	3537	2805	19414	3883	17554	3511	4883	977	1209	403
Выбыло	2227	2277	8884	1777	2467	493	876	175	438	146
Сальдо	1310	528	10530	2216	15087	3018	4007	802	771	257
<i>Республики Центральной Азии</i>										
Прибыло	1806	1669	18165	3633	8661	1732	3619	724	5333	1778
Выбыло	1212	1177	4143	827	1878	376	381	76	198	66
Сальдо	594	492	14022	2806	6783	1355	3238	648	5135	1712

Рассчитано по данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Ханты-Мансийскому автономному округу — Югре.

ональном разрезе приезжие специалисты привлекаются в основном в строительство (60%), энергетику и нефтегазодобычу (30%). Кроме того, там, где в основном требуются работники неквалифицированного тяжелого труда с невысокой оплатой, не устраивающей местных жителей, также задействуется рабочая сила приезжих (в основном из стран СНГ). В отношении привлечения иностранной рабочей силы необходимо обратить не только на количественную, но и на качественную характеристику рабочей силы. В настоящее время в ее составе преобладает низкоквалифицированная рабочая сила из бывших советских среднеазиатских и закавказских республик. В связи с этим для привлечения квалифицированной рабочей силы, так необходимой для развития инновационной экономики, предлагается введение системы подбора рабочей силы и кандидатов на получение вида на жительство.

Динамика численности населения и трудовых ресурсов, их воспроизводство зависят от множества экономических, социальных, политических процессов [2]. С другой стороны, состояние населения и трудовых ресурсов является одним из важных индикаторов социально-экономического развития страны, региона, муниципального образования. На сложившуюся в настоящее время половозрастную структуру населения автономного округа значительное влияние оказали миграционные процессы 1970-х — 1980-х годов и условия естественного воспроизводства населения в 1990-е и 2000-е гг. По сравнению с данными 1989 г., в 2,7 раза увеличилась нагрузка на трудоспособное население лиц пенсионного возраста, но в целом в связи с уменьшением численности детей до 16 лет она остается ниже показателей последней всесоюзной переписи населения (табл. 3).

Трудовые ресурсы составляют 73,4% от численности населения, из них 81,5% занято в хозяйственном комплексе Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. За последние двадцать лет структура занятости населения округа претерпела значительные изменения (табл. 4).

В сфере материального производства они были связаны с абсолютным и относительным ростом работающих в промышленности, численность которых почти удвоилась по сравнению с 1988 г., а удельный вес вырос с 17 до 28%. Это было обусловлено увеличением трудоемкости отрасли и незначительной диверсификацией промышленного производства. Обратная

Таблица 3

Половозрастная структура населения ХМАО-Югры

Показатель	1979 г.	1989 г.	1993 г.	2004 г.	2009 г.
Нагрузка на 1000 чел. трудоспособного населения, всего	481	581	570	400	430
в том числе: — детей до 16 лет	431	525	492	302	281
— лиц старше трудоспособного возраста	50	56	78	98	149

Рассчитано по данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Ханты-Мансийскому автономному округу — Югре.

Таблица 4

Динамика численности занятых по отраслям экономики округа, тыс. чел.

Показатель	1988 г.	2001 г.	2003 г.	2006 г.	2009 г.
Среднегодовая численность населения, тыс. чел.	1229,1	1412,9	1447,1	1483,3	1529,3
Среднегодовая численность занятых в экономике, чел.	739,8	868,7	879,8	879,4	918,7
Удельный вес в населении, %	60,2	61,5	60,8	59,3	60,1
Базовый сектор	136,7	237,0	259,2	257,7	263,6*
Инфраструктурный сектор	378,5	251,8	242,8	241,0	249,5*
Сектор услуг	224,6	379,9	377,8	380,7	405,6*

Рассчитано по данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Ханты-Мансийскому автономному округу — Югре.

* Оценка.

картина наблюдалась в строительстве, где резкое снижение объемов работ обусловило почти двукратное снижение занятых. Процесс изменения структуры занятости, связанный с увеличением работающих в инфраструктурном секторе и сфере услуг, продолжается и в последние годы.

Новые рабочие места создавались за счет частных инвестиций в нефтяной сектор и средств регионального бюджета в развитие социальной сферы и управления. Количество занятых в экономике и их удельный вес в общей численности населения значительно дифференцированы по отдельным муниципальным образованиям

автономного округа. Это обусловлено особенностями половозрастной структуры населения, емкостью рынка труда, различиями в методах привлечения и использования рабочей силы и др. Высокий удельный вес занятых в экономике характерен для нефтегазодобывающих муниципальных образований (МО), где широко используются межрегиональный вахтовый метод и иностранная рабочая сила, не учитывающиеся в составе жителей этих территорий. В этих МО доля занятого населения в его общей численности составляла в среднем за семилетний период 2002–2008 гг. в г. Когалым 90,6% (в отдельные годы она была выше численности населения), в Нижневартовском и Сургутском районах — соответственно 67,5% и 64,2%. Самый низкий удельный вес занятых в экономике был характерен для депрессивных территорий: Кондинский район — 31,0%, Белоярский — 34,6% Октябрьский район — 34,8%, в городах Нефтеюганске — 34,3% и Пыть-Яхе — 34,1%. В целом по автономному округу данный показатель составил 48,5%.

Численность экономически активного населения в 2009 г. составила 918,7 (в 2008 г. — 905,8 тыс. чел.), или 60,1% от среднегодовой численности населения автономного округа, 91,8% экономически активного населения были заняты в народном хозяйстве [1, с. 104]. Преобладающая часть занятого населения сосредоточена на крупных и средних предприятиях и организациях.

Трудовые ресурсы региона отличаются высоким образовательным уровнем, почти половина населения округа (54%) в возрасте 16 лет и старше имеет среднее специальное, неполное высшее и высшее образование. В автономном округе создана собственная база подготовки кадров высокой квалификации с высшим и средним профессиональным образованием. Об этом говорят следующие показатели: выпуск специалистов высшей школы уже составляет 75%, а учреждений среднего специального образования — 70% от среднероссийского уровня. Высокий уровень жизни в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре позволяет привлекать высококвалифицированные кадры со стороны.

Система государственных профессиональных образовательных учреждений автономного округа представлена высшими, средними специальными заведениями и профессиональными училищами. При этом в расчете на 10 тыс. населения приходится: на высшие учебные за-

ведения — 339 чел.; на средние специальные — 145; на начальное образование — всего 85 чел. Спрос же на рынке труда имеет обратную пропорцию: в первую очередь нужны квалифицированные рабочие. Рынок требует расширения рабочих мест начального профессионального образования. В связи с этим работодателям приходится осуществлять подготовку кадров за собственный счет, создавать центры подготовки или привлекать рабочую силу со стороны.

В перспективе необходимо обеспечить вертикаль и качество подготовки специалистов: средняя школа — профессионально-техническое образование — среднее специальное образование — высшее образование на основе социального партнерства образовательных учреждений и субъектов хозяйственной деятельности на территории.

В результате двух взаимодополняющих факторов идет процесс сокращения численности трудоспособного населения ХМАО-Югры: с одной стороны, из-за снижения рождаемости сужается база собственного воспроизводства трудовых ресурсов региона и сокращается его обновление за счет молодежи; с другой — многочисленные поколения мигрантов ранних периодов заселения и освоения региона стареют и выбывают за пределы трудоспособного возраста. Итогом этого станет неизбежное постарение населения после 2010 г., когда самой быстро растущей по численности группой населения станут люди старше трудоспособного возраста. Более высокий, чем в среднем по России, уровень рождаемости сохранится за счет относительно молодой возрастной структуры населения.

Фактором, тормозящим процесс старения населения округа, выступает миграция. В результате ее идет процесс увеличения молодых возрастов, особенно за счет когорты 20–24 летних, на долю которой устойчиво из года в год приходилось 22–28% мигрантов. И даже в те годы (1991, 1992 и 1999, 2005–2006), когда сальдо миграции в целом по округу и по другим возрастным группам населения было отрицательным, число прибывших представителей этой группы превышало число выбывших за пределы округа. Однако даже максимальная абсолютная величина положительного сальдо в последние годы не превышала 3%-ной доли в общей численности населения возрастной когорты 20–24 лет.

В целом знак сальдо миграции [(+) или (-)] будет зависеть не только от высокого уровня

жизни, характерного для автономного округа, но и от возможности его экономики. Влияние миграции на воспроизводство населения и трудовых ресурсов в перспективе будет незначительным.

К концу прогнозного периода, по расчетным данным, в половозрастной структуре населения округа предполагаются следующие изменения:

— после 2015 г. будет наблюдаться незначительное снижение общей численности населения, в основном за счет мужчин, при абсолютном увеличении численности женщин за счет значительного роста старших возрастов, что приведет к увеличению доли женского населения с 50,4 до 52%;

— сократится абсолютная численность (на 13,4 тыс. чел.) и доля детей и подростков (с 21,6 до 19,1%), что приведет к снижению численности вступающих в трудоспособный возраст;

— снизится численность и удельный вес трудоспособного населения (с 71,7 до 60%) при значительном увеличении (в 2,8 раза) удельного веса лиц старше трудоспособного возраста.

Структура населения приобретет черты, характерные для освоенной территории. Относительная молодость человеческого ресурса автономного округа, которая сама по себе не является безусловным конкурентным преимуществом, в сочетании с квалификацией, основанной на полученных знаниях, позволит в полной мере реализовать его трудовой потенциал. Значительный удельный вес населения в трудоспособном возрасте сохранится в ближайшей перспективе, что будет способствовать стабильности рабочей силы. Баланс между количеством лиц пополняющих рынок труда и численностью лиц пенсионного возраста поддерживается тем, что часть пенсионеров (30%) продолжает трудиться.

В перспективный период в связи со снижением численности трудоспособного населения сократится число занятых в экономике. В структуре занятости населения автономного округа ведущее место займет сектор услуг (табл. 5).

Ввиду структурных изменений в экономике ХМАО-Югры во всех секторах значительно возрастут требования к квалификации работников, новым знаниям и умениям. Основные новые рабочие места будут формироваться в секторе услуг. В топливно-энергетическом комплексе, за счет роста производительности труда, существенно сократится потребность в занятых и бу-

Таблица 5

Прогнозная оценка численности занятых по отраслям экономики ХМАО-Югры

Показатели	2015 г.		2020 г.	
	Тыс. чел.	%	Тыс. чел.	%
Население трудоспособного возраста	1002,0		931,0	
Среднегодовая численность занятых в экономике	842,0	100,0	763,0	100,0
<i>в т. ч. жители ХМАО-Югры</i>	752,0		684,0	
Базовый сектор	202	24,0	175	22,9
Инфраструктурный сектор	232	27,5	193	25,3
Сектор услуг	408	48,5	395	51,8

дут происходить значительные высвобождения работников.

В перспективе, как и в настоящее время, главной проблемой останется качество трудовых ресурсов. На рынке труда идет постоянный повышенный спрос на квалифицированные рабочие кадры. Это касается всего спектра занятого населения: рабочих, инженерно-технического персонала, служащих. Все это требует выработки определенной кадровой политики на региональном и местном уровне.

Новая экономика, основанная на знаниях, потребует вовлечения каждого жителя округа в процесс обучения и переобучения и участия в нем на протяжении всей жизни. Иначе он просто окажется за чертой рынка труда.

Список источников

1. Итоги социально-экономического развития Ханты-Мансийского автономного округа — Югры за 2009 год. / Правительство Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. Ханты-Мансийск, 2009. 135 с.
2. Пространственная организация социально-трудовых систем. Генезис и проблемы развития / Отв. ред. О. А. Козлова; авт. кол.: Козлова О. А., Шаймарданов Н. З., Шеломенцев А. Г., Бедрина Е. Б., Мыслякова Ю. Г., Лопаева В. А., Юровских Е. В., Воронина Л. Н., Шахова О. А., Макарова М. Н., Петухова Л. В. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2010. 196 с.
3. Шанхайская организация сотрудничества: экономическая интеграция и национальные интересы / Под общ. ред. акад. РАН А. И. Татаркина, акад. РАН В. А. Черешнева, д. э. н. проф. А. Ф. Расулева. Екатеринбург: УрО РАН, 2010. 774 с.

УДК 314.122 (1)

ключевые слова: северный регион, воспроизводство населения, трудовые ресурсы, занятость населения, миграция

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ИНСТРУМЕНТАРИЯ АНТИКРИЗИСНОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА НА РЕГИОНАЛЬНОМ РЫНКЕ ТРУДА¹

Е. Б. Бедрина, О. Б. Франц

В статье анализируются основные инструменты регулирования занятости населения, использованные в качестве мер антикризисной политики на рынке труда Свердловской области в 2009–2010 гг. Дана оценка качественного содержания и исполнение региональных программ: Ведомственной целевой программы содействия занятости населения Свердловской области на 2009–2010 гг. и Ведомственной целевой программы поддержки занятости населения Свердловской области в 2010 г.

Нормативной основой проведения антикризисной политики на рынке труда Свердловской области в 2009–2010 гг. явились две региональные программы Ведомственная целевая программа содействия занятости населения Свердловской области на 2009–2010 гг. (далее – Программа содействия) [3] и Ведомственная целевая программа поддержки занятости населения Свердловской области в 2010 г. (далее – Программа поддержки) [7].

Разработка Программы содействия проходила в относительно стабильных экономических условиях в связи с наличием временного лага в реакции рынка труда на ухудшение рыночной конъюнктуры. Именно поэтому в качестве основной цели программы было названо решение проблемы обеспечения быстрого и эффективного трудоустройства граждан. Разработчиками программы не было учтено то, что имеющий место в докризисный период опережающий рост оплаты труда по отношению к его производительности вел к накоплению избыточной рабочей силы на предприятиях.

Во второй половине 2009 г. ситуация на рынке труда Свердловской области резко ухудшилась. Показатель регистрируемой безработицы возрос до 3,61%; произошло увеличение среднего показателя продолжительности безработицы до 4,7 месяцев; возросло количество заявок от предприятий и организаций на проведение массовых сокращений работников.

Особенно в кризисном положении оказались монопрофильные города.

В связи с чем федеральным и областным правительствами были выделены дополнительные средства на проведение антикризисной политики на рынке труда Свердловской области, и в дополнение к Программе содействия была принята Программа поддержки.

Анализируя эффективность этих программ, во-первых, оценим адекватность применяемого инструментария целям проведения антикризисной политики. Под инструментарием антикризисной политики государства на рынке труда мы будем подразумевать совокупность конкретных мероприятий, используемых для регулирования занятости населения в период долгосрочного и постоянного роста безработицы. Во-вторых, изучим порядок и особенности реализации данных мероприятий.

В качестве основных инструментов, применяемых в рамках антикризисной политики на рынке труда Свердловской области в 2009–2010 гг. справедливо были выбраны те, которые направлены на увеличение занятости населения и предотвращения роста безработицы. В качестве дополнительных – те, которые используются с целью «латания дыр» (выплата пособий и оказание материальной помощи безработным гражданам). Итак, мы проанализируем инструменты, нашедшие отражение в рамках правительственных программ занятости.

1. Предоставление информации об имеющихся вакансиях, в том числе организация ярмарок вакансий. Безработица – это объективная проблема рынка, возникающая в связи с информационной асимметрией. Решение данной проблемы возложено на государство. Одним из способов предоставления информации является организация личных встреч потенциальных работодателей и претендентов на вакантные должности, так называемых ярмарок вакансий, которые периодически проводятся при участии государственной служб занятости населения, частных кадровых агентств, учебных центров, бирж труда.

С точки зрения работодателей ярмарки вакансий позволяют в сжатые сроки и с минимальными затратами не только закрыть вакан-

¹ Публикация выполнена в рамках программы фундаментальных исследований Президиума РАН № 29 «Научно-технологический прогноз развития экономики России» (координатор: акад. РАН А. Д. Некипелов) № проекта 09-П-6-1003.

тные места, но еще и составить банк резюме на перспективу, заявить о себе на рынке труда. С точки зрения претендентов на вакансии, расширяются возможности выбора рабочего места. Эффективность ярмарок вакансий достаточно высока — значительная часть посетителей находит нужную работу, а работодатели — необходимых работников.

Несмотря на то, что государственная служба занятости населения обслуживает преимущественно вторичный рынок труда, регулирование занятости посредством предоставления информации об имеющихся вакансиях широко практикуется, особенно в условиях кризиса.

В Программе содействия в 2009–2010 гг. предусматривалось дополнительное финансирование организации информирования населения и работодателей о положении на рынке труда и организация ярмарок вакансий в количестве 1073 единиц, в том числе в 2009 г. — 543 ярмарки, в 2010 г. — 530 ярмарок. В Программе поддержки (в связи с ее спецификой) данное направление справедливо отсутствовало.

2. Временное трудоустройство, в том числе общественные работы. Цель применения данного инструмента зависит от сложившейся экономической ситуации. Так, в условиях экономической стабильности — это, как правило, предоставление возможностей для приработка студентам и школьникам в свободное от учебы время, в условиях кризиса — это временное решение проблемы безработицы, в основном для лиц, уволенных с предприятий.

Со времен Великой депрессии организация общественных работ и содействие временному трудоустройству безработных граждан рассматриваются в качестве «пожарных» мер из-за их мгновенной результативности и краткосрочного эффекта.

Анализ программных документов, касающихся организации временного трудоустройства и общественных работ, показал отсутствие у их составителей четкого представления о сути данных мероприятий. Если потребность во временном трудоустройстве существует всегда, независимо от состояния экономической системы, то с общественными работами все обстоит гораздо сложнее. Теоретически принципиальное отличие общественных работ от временного трудоустройства в том, что они (общественные работы) организуются в период кризиса для «увеличения эффективного спроса». Посредством организации общественных работ появляется возможность накачива-

ния национальной экономики деньгами (политика «дешевых денег»).

Согласно ст. 24 Закона РФ «О занятости населения» [2] общественные работы организуются для лиц ищущих работу. Авторы Программы поддержки оригинально подошли к выбору участников данных мероприятий. В противовес инструкциям службы занятости населения, они попытались переориентировать общественные работы на трудоустройство специалистов, квалифицированных работников, находящихся под угрозой увольнения.

В связи с тем, что на практике финансирование общественных работ производится, главным образом, за счет средств предприятий, в которых проводятся эти работы (п. 5 все той же 24 статьи), они не сильно обременяют госбюджет. Так, по данным Департамента государственной службы занятости населения Свердловской области, в 2009 г. фактические годовые затраты на одного участника данных мероприятий составили всего 480 руб., против планируемых 760 руб.

В Программе поддержки организация общественных работ была справедливо выбрана в качестве приоритетного направления, которое по замыслу создателей программы должно было бы охватить 73% общего количества всех участников антикризисных мероприятий. Об особенной популярности общественных работ свидетельствует статистика: в 2009 г. в них приняло участие 146731 чел. (вместо 49289 чел. по плану). В 2010 г. при реализации данного направления в рамках Программы поддержки согласно плану было задействовано — 68648 чел., хотя затраты бюджетов составили 76,2% от выделенной суммы.

Таким образом, можно отметить, что общественные работы (хотя и не рассматривались как инструмент повышения «эффективного» спроса) и временное трудоустройство безработных совершенно оправданно использовались создателями и исполнителями программ в качестве основного инструмента антикризисной политики на рынке труда, прежде всего, в первоначальный период экономического кризиса.

3. Профессиональная подготовка (в том числе опережающее обучение), повышение квалификации и переподготовка. Цель использования данного инструмента — профилактика структурной и фрикционной безработицы. Кроме того, программы обучения и повышения квалификации помогают в адаптации на рынке труда женщин, имеющих длительный перерыв

в работе в связи с рождением ребенка и уходом за ним. Благодаря данному инструменту происходит временный (на период обучения) отток безработных с рынка труда.

В 2009 г. фактические годовые затраты на одного участника данных мероприятий составили 5800 руб. против планируемых 7200 руб., что позволило расширить количество участников. Профессиональная подготовка, переподготовка и повышение квалификации работников являются мерами, имеющими долгосрочный, пролонгированный характер, а значит, можно говорить об оправданности расходов на данное направление. Важную роль в повышении их результативности играет тесная работа с работодателями по определению перечня востребованных специальностей. Как показывает статистика, вероятность трудоустройства после прохождения такого обучения очень высока.

В Программе поддержки было предусмотрено прохождение опережающего обучения лицами, находящимися под угрозой увольнения в количестве 9900 чел., а также 18 штурманов и бортиженеров.

При организации опережающего обучения выполнялись заявки работодателей на подготовку работников по широкому кругу специальностей. Во внимание принимались наиболее востребованные на рынке труда рабочие специальности отраслей промышленности, строительства, сферы услуг.

Как показала практика, далеко не все участники программы, приступившие к обучению, успешно его закончили. Так, в 2010 г. только 5500 работников, т. е. 55,5% от планового показателя, прошли опережающее обучение и были трудоустроены на своем предприятии после этого.

Если внимательно рассмотреть структуру участников программ [5] то обнаруживается перекос в идее и ее претворении. Большинство предприятий, которые в конце IV квартала 2009 г. заявили о готовящихся массовых сокращениях, а именно, ООО «Богдановичский фарфоровый завод», ООО «Уральский шинный завод», ООО «Первая лесопромышленная компания», ООО «Строймастерурал», ООО «Режевской щепеночный завод» и др. не приняли участия в опережающем обучении своих сотрудников. Зато данной возможностью активно воспользовались организации сферы услуг и образования, т. е. предприятия, занятость в которых в большей мере определяется демографическим фактором, нежели экономическим.

Таким образом, можно отметить, что организация профессиональной подготовки, повышения квалификации и переподготовки безработных граждан является важным направлением антикризисной политики и активно использовалась на практике. Однако реализация программы опережающего обучения не была в полной мере выполнена.

4. Помощь в развитии географической мобильности. Среди рассматриваемых инструментов регулирования занятости наиболее проблемным остается поддержка внутренней трудовой миграции. Цель его применения – сбалансировать спрос и предложение на рабочую силу на отдельно взятой территории. В кризисных условиях роль этого инструмента, как и большинства других, возрастает.

Развитию внутренней мобильности населения России мешает ряд институциональных барьеров: наличие прописки, относительно низкий уровень доходов большинства населения и высокий уровень их диверсификации, резкое различие в уровне экономического и социального развития территорий, недостаточная развитость транспортной и прочей инфраструктуры. Слабая внутренняя мобильность населения отражается в резком различии уровня безработицы в близко расположенных друг от друга муниципальных образованиях. Институтами экономики УрО РАН проводятся исследования по выделению территориально-трудовых агломераций с целью поддержки развития географической мобильности [8].

В Программе содействия планировалось переселение 48 семей в сельскую местность, а также трудоустройство 2779 чел. в рамках организованного набора на территории и за пределами области. В Программе поддержки пункт, посвященный внутренней миграции, получился еще более расплывчатым: оказание адресной поддержки 1000 граждан, обратившихся в органы службы занятости в целях поиска работы, включая организацию их переезда в другую местность для замещения рабочих мест, в том числе создаваемых в рамках реализации федеральных целевых программ и инвестиционных проектов. Известно, что в 2009 г. был организован переезд в другую местность 307 участников программы. В 2010 г. численность граждан, которым была оказана адресная поддержка, составила 1150 чел.

Сложно предварительно спланировать и сопоставить затраты на переселение граждан. Очевидно, поэтому в источниках называются

различные суммы усредненных затрат на организацию данного мероприятия.

Таким образом, можно характеризовать оказание помощи в развитии географической мобильности как достаточно актуальный и инновационный инструмент, но оценить эффективность его использования по имеющимся данным достаточно проблематично.

5. Стимулирование самозанятости и создания рабочих мест в малом бизнесе. Цель данного направления антикризисной политики – сокращение безработицы посредством стимулирования предпринимательской и трудовой активности населения.

Начнем анализ с понятия «самозанятость». Самозанятость с точки зрения форм предпринимательства относится к малому бизнесу (индивидуальное предпринимательство без образования юридического лица, мельчайшие и малые предприятия), хотя им не ограничивается. Например, согласно «Новой экономической энциклопедии», под самозанятостью понимают трудовую активность без формальных трудовых отношений (с работодателем или в качестве работодателя), мелкое предпринимательство в торговле, сфере услуг и т. д. Но трудовую активность отличают от занятости в домашнем хозяйстве [9, с. 524]. В свою очередь, малый бизнес представляет собой вид самозанятости, во-первых, зарегистрированный (оформленный), во-вторых, носящий предпринимательский характер (нацеленный на систематическое получение прибыли).

Изучение Программы поддержки и практики ее реализации показало подмену понятия «самозанятость» понятием схожим, но не тождественным – «малый бизнес». Сужение понятия «самозанятость» ограничивало количество потенциальных участников программы.

Теперь вернемся к малому бизнесу. Его значение в современной экономике сложно переоценить. Во-первых, он абсорбирует значительную часть экономически активного населения, а значит, его поддержка в период кризиса, становится достаточно актуальной. Так, в 2008 г. в России только на малых и микропредприятиях было трудоустроено 29,6% занятых [1]. Если к этому добавить предпринимателей без образования юридического лица, то значение малого бизнеса как одного из видов самозанятости для рынка труда становится очевидным.

Во-вторых, в силу высокой мобильности малый бизнес обладает повышенной чувствительностью к рыночной конъюнктуре и явля-

ется своеобразным индикатором состояния экономической системы. Обычно в период экономического подъема он расцветает (т. е. не требуют поддержки), а в период кризиса сворачивается. Кризис 2008–2009 гг. имел специфику и не сильно отразился на малом бизнесе Свердловской области, в отличие от большинства субъектов РФ. В связи с этим относительно благополучная ситуация с малым бизнесом в Свердловской области должна была бы сигнализировать областному руководству об имеющемся потенциале в использовании рассматриваемого инструмента антикризисной политики на данной территории.

В-третьих, поощрение малого бизнеса является особенно актуальным на формирующихся рынках, где происходит развитие таких отраслей, как сфера услуг, розничная торговля, сельское хозяйство. Существенное сокращение миграционной квоты Свердловской области предоставило возможность перебросить в сферу услуг часть избыточной рабочей силы из других отраслей.

В-четвертых, при поддержке малого бизнеса возникает мультипликативный эффект, так как создаются дополнительные рабочие места.

В соответствии с программой в рамках механизма реализации данного направления безработные граждане, достигшие 18 лет, имели право претендовать на получение субсидии в размере 12-кратного минимального пособия по безработице ($12 \times 4900 = 58800$ рублей), увеличенного на размер районного коэффициента. При этом будущий предприниматель мог рассчитывать на удвоение субсидии при организации дополнительного рабочего места, ее утроение при организации двух рабочих мест и т. д. В результате реализации данных антикризисных мероприятий было дополнительно трудоустроено 7,7% от количества безработных, или 6879 чел. (почти 86% от запланированных первоначально).

Оценивая затратность данного инструмента, следует обратить внимание на то, что он является самым дорогостоящим (правда, по положению деньги выдавались на возвратной основе [4]). Однако высокие затраты оправданны, так как эффект от его использования носит долгосрочный, пролонгированный характер. Кроме того, существуют и положительные сопутствующие эффекты: увеличение налогооблагаемой базы, рост занятости в депрессивной сельской местности, сокращение теневой занятости, развитие рыночной инфраструктуры и т. п.

Если проанализировать эффективность использования данного инструмента на уровне территорий, то можно заметить отсутствие учета уровня безработицы при распределении и использовании бюджетных средств. Так, например, среди территорий с уровнем безработицы выше естественного его активно использовали такие муниципальные образования, как Богданович, Каменск-Уральский, Пышма, Североуральск, Камышлов, Ирбит, в меньшей мере – Алапаевск, Реж, Кушва, Байкаловский, Кировоград, Артемовск, не использовала вообще Новая Ляля. Однако достаточно благополучные МО, имеющие уровень безработицы ниже 3%, такие как Нижний Туринск и Полевской, тоже достаточно активно воспользовались направлением данного финансирования, сокращая и без того низкий уровень безработицы [6].

Таким образом, можно подтвердить своевременность и адекватность использования данного инструмента при проведении антикризисной политики на рынке труда Свердловской области с учетом узости трактовки понятия «самозанятость». Хотя невыполнение первоначально запланированных показателей по организации самозанятости свидетельствует о недостаточной эффективности реализации данного инструмента, а распределение средств на его финансирование по отдельным территориям области нельзя назвать обоснованным.

6. Помощь в трудоустройстве инвалидов. Это важное направление социальной политики, связанное с реабилитацией лиц, имеющих ограниченные физические возможности. Оно не должно определяться конкретными экономическими условиями, так как трудоустройство таких лиц без создания условий заинтересованности в этом предприятий всегда проблематично.

В соответствии с российским законодательством трудоустройство инвалидов должно происходить согласно выделенным квотам и сопровождаться организацией специально оборудованного рабочего места. Предусмотренные расходы на оснащение такого рабочего места в соответствии с Программой поддержки должны были бы составить сумму до 68100 рублей на одно рабочее место. Однако следует заметить, что и эта цифра достаточно индивидуальна.

В соответствии с Программой содействия, в 2010 г. в Свердловской области согласно квоте было организовано 900 рабочих мест для инвалидов. Однако появление пункта о создании

дополнительно (к квоте) 250 рабочих мест для инвалидов в Программе поддержки ни в коей мере не отражало цели самой программы, а могло лишь свидетельствовать о «доброй воле ее создателей». Организация дополнительных рабочих мест для инвалидов в период кризиса является неэффективной мерой, так как предприятия, скорее, пытаются избавиться от этой категории граждан, нежели взять их на работу. Именно это подтверждают данные службы занятости населения. Так, на 13 октября 2010 г. с целью содействия трудоустройству инвалидов было заключено 12 договоров с 11 предприятиями на сумму 810,0 тыс. руб. для участия 25 человек. Трудоустроено 8 инвалидов, затраты на реализацию составили 209,2 тыс. руб. (1,4% от выделенных средств на реализацию мер данного направления). И только благодаря двум оставшимся месяцам текущего года свершилось чудо, выраженное в создании запланированных 250 рабочих мест для инвалидов [8].

7. Досрочные пенсии. Цель данного направления антикризисной политики двудесяти. С одной стороны, это вывод с рынка труда лиц предпенсионного возраста, как наименее конкурентоспособную категорию работников, т. е. определенный вид социальной защиты. С другой стороны, это освобождение рабочих мест для более молодых работников.

С теоретической точки зрения именно лица предпенсионного возраста, потерявшие по каким-либо причинам занятость, пополняют ряды длительно безработных. Использование досрочных пенсий, особенно в кризисный период, является социально значимым решением.

Однако российское законодательство ограничивает категорию лиц предпенсионного возраста, имеющих право на досрочные пенсии. Так, согласно ст. 32 Закона РФ «О занятости населения в Российской Федерации», по предложению органов службы занятости при отсутствии возможности для трудоустройства, безработным гражданам, уволенным в связи с ликвидацией организации либо сокращением численности или штата работников организации, с их согласия может назначаться пенсия на период до наступления возраста, дающего право на трудовую пенсию по старости, в том числе досрочно [2].

На практике в первоначальный период кризиса предприятия пытаются обойтись без проведения массовых сокращений. Так, в Свердловской области, количество заявок предприятий о готовящихся массовых сокра-

щениях возросло к концу 2009 – началу 2010 гг., хотя рост безработицы произошел уже в 2008 г. Естественно, что в условиях кризиса большинство увольнений «по собственному желанию» являются скрытыми сокращениями. Исключение из законодательства условия о причине увольнения (появившегося в 2001 г.), могло бы расширить возможности использования досрочных пенсий и удалить с рынка труда длительно безработных лиц соответствующего возраста.

Как показывает статистика, доля лиц предпенсионного возраста (поколение 50-х) среди занятых и безработных, несмотря на бум рождаемости, который имел место в 50-е гг., незначительна. Очевидно, что причина это кроется в низкой продолжительности жизни, в активном применении досрочных пенсий по видам занятости населения и слабом уровне здоровья лиц старших поколений. Интересно, что в большинстве МО Свердловской области на протяжении последних лет шел процесс сокращения доли лиц предпенсионного возраста среди безработных. Можно предположить, что это связано с ростом потребности работодателей в профессиональных кадрах и ограниченностью выбора специализации более молодыми работниками. Иными словами, количество лиц предпенсионного возраста в России, имеющих право на досрочную пенсию в случае потери работы, ограничено не только законодательно, но и по естественным причинам.

Проблемой использования данного инструмента антикризисной политики на рынке труда является его высокая затратность. В среднем на одного человека затраты бюджета по досрочным пенсиям превышают выплаты пособия по безработице. Очевидно, именно это обстоятельство заставило правительство ограничить использование досрочных пенсий количеством 2000 чел. (по 1000 чел. в 2009 и 2010 гг.) в Программе содействия занятости и проигнорировать использование данной меры в Программе поддержки.

По данным Департамента государственной службы занятости населения Свердловской области, в 2009 г. фактические годовые затраты на одного участника данных мероприятий составили 46800 руб. (по плану – 66800 руб.) [3]. Несмотря на затратность, следует учитывать пролонгированный характер данного мероприятия и его нравственный аспект. Потенциал данного мероприятия можно считать не полностью реализованным. Активное использование данного мероприятия, особенно в период на-

чала экономического кризиса, могло бы иметь ощутимый оздоровительный эффект.

Опыт зарубежных стран подтверждает идею эффективности использования данной меры в наиболее острые кризисные моменты истории. Так, впервые в массовом плане данное мероприятие использовалось в Польше в 80-е годы в период проведения политики Солидарности. Затем активно использовались досрочные пенсии во Франции в период Шоковой терапии, когда границу выхода на пенсию снизили на 5 лет, что дало положительный эффект, освободившиеся места были заняты молодыми работниками. Нарботанный опыт был также положительно оценен МОТ.

Такие инструменты, как социальная адаптация безработных граждан на рынке труда, регулирование внешней миграции, организация стажировок безработных, выплата пособий по безработице и т. п. использовались достаточно традиционно и носили адаптационный характер.

Надеемся, что в целом учет высказанных замечаний к разработчикам и исполнителям региональных программ будет способствовать улучшению политики занятости.

Список источников

1. Малое и среднее предпринимательство в России. 2009 : стат. сб. [Электронный ресурс]. URL: //www.gks.ru (дата обращения 10.12.2010).
2. Закон о занятости населения: Федеральный Закон от 20.04.1996 N 36-ФЗ. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант плюс».
3. Ведомственная целевая программа содействия занятости населения Свердловской области на 2009-2010 годы // Служба занятости населения свердловской области. [Электронный ресурс]. URL: http://www.szn-ural.ru/home/regprog/vedprogzan.aspx (дата обращения 25.11.2010).
4. Положение о порядке осуществления мероприятий по выполнению Программы реализации дополнительных мероприятий по снижению напряженности на рынке труда Свердловской области за счет возвращенных остатков целевых средств субсидий бюджетам субъектов РФ, не использованных в 2009 г. // Постановление Правительства Свердловской области от 05.07.2010 №1043-ПП. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант плюс».
5. Приложение № 3 Ведомственной целевой программы поддержки занятости населения Свердловской области в 2010 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.szn-ural.ru/home/slugba/depart.aspx (дата обращения 10.01.2010).
6. Приложения №8 (в ред. Постановления Правительства Свердловской области от 24.11.2010, N 1684-ПП) к Программе поддержки и данных Департамента службы занятости Свердловской области. [Электронный ресурс]. URL: http://www.szn-ural.ru/home/slugba/depart.aspx (дата обращения 10.12.2010).

7. Программа поддержки занятости населения Свердловской области в 2010 году (с приложениями) // Служба занятости населения свердловской области: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.szn-ural.ru/home/regprog/vedprogzap.aspx> (дата обращения 25.11.2010).

8. Пространственная организация социально-трудовых систем: генезис и проблемы развития: кол. монография / Отв. ред. О. А. Козлова; авт. кол.: Козлова О. А., Шаймарданов Н. З., Шеломенцев А. и др. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2010. 206 с.

9. Румянцева Е. Е. Новая экономическая энциклопедия : 2-е изд. М.: Инфра-М, 2006. 810 с.

УДК 331.1(1)

ключевые слова: рынок труда, безработица, инструменты регулирования занятости, правительственные программы занятости, эффективность антикризисной политики

ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОГО КАЧЕСТВА ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО И ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА¹

В. Н. Белкин, Н. А. Белкина, О. А. Антонова, Н. А. Лузин

В статье рассматриваются теоретические аспекты интеллектуального капитала предприятия, устанавливаются различия интеллектуального и человеческого капитала, показывается совпадение предмета исследования теории интеллектуального капитала и теории инновационного развития предприятия, вводится понятие «интеллектуальный потенциал предприятия» и его структура.

Теоретические аспекты интеллектуального и человеческого капитала предприятия

В последние несколько десятилетий предметом исследования зарубежной и отечественной экономической науки стали разные виды капитала, связанные с человеком в процессе производства товаров и услуг. При этом заметна увлеченность исследователей того или иного капитала своим предметом исследования, которая приводит к преувеличению роли изучаемого капитала. Характерна в связи с этим позиция весьма известного в мире ученого М. Армстронга. В своей фундаментальной монографии «Практика управления человеческими ресурсами» он пишет: «Тремя составляющими интеллектуального капитала являются:

1. Человеческий капитал — знания, умения и способности работников организации.
2. Социальный капитал — запасы и перемещения знаний, возникающие благодаря сети взаимоотношений внутри и вне организации.
3. Организационный капитал — институционализированное знание, которым владеет ор-

ганизация и которое хранится в базах данных, инструкциях и т. д.» [1, с. 64].

Как видим, в интеллектуальный капитал у автора вошли три других «человеческих капитала». Такое смешение разных экономических явлений и их понятий характерно для многих ученых. Все это свидетельствует о том, что исследования ведутся фрагментарно, несистемно, не комплексно. Потребуется некоторое время, чтобы исследователи роли человека в бизнесе смогли достаточно полно изучить каждый из «человеческих капиталов» и затем уже привести все изученные их виды в единую систему.

Особую роль в определении интеллектуального капитала исследователи отводят знаниям. Так, М. Армстронг пишет: «Интеллектуальный капитал состоит из запаса и движения полезных для организации знаний» [1, с. 64]. Такую же позицию занимают многие как российские, так и зарубежные ученые (С. М. Климов [9], Н. М. Фонштейн [10], М. Ф. Рубинштейн, А. Р. Фирстенберг [12], В. А. Супрун [13]). По сути дела, эти авторы отождествляют интеллектуальный капитал и знания.

Человечеством накоплены поистине огромные знания, и они содержатся не только в самых разнообразных носителях информации (бумажные, электронные и т. д.), но и в головах людей, участвующих в производстве товаров и услуг. В условиях современного производства наличие общих и профессиональных знаний для каждого работника совершенно необходимо. Без знаний труд невозможен, и не только умственный, но и физический. Профессиональные знания рабочего, специалиста, менеджера обеспечивают выполнение ими должностных обязанностей, их рутинную трудовую деятельность. Во всех этих случаях работники используют обыденные знания, которые входят в состав их человеческого капитала. Профессиональные знания,

¹ Статья подготовлена при поддержке программы фундаментальных исследований Президиума РАН №09-П-6-1003 «Закономерности формирования и функционирования саморазвивающихся экономических систем (хозяйствующих агентов, территорий, регионов) на основе использования передовых организационных и управленческих технологий».

умения, навыки работников служат источником добавленной стоимости предприятия, содержащейся в стоимости товаров и услуг, создаваемых трудом персонала. Этот процесс создания добавленной стоимости описан в классической политэкономии и в теории человеческого капитала. Считать эти обыденные знания интеллектуальным капиталом, значит смешивать его с человеческим капиталом. Достаточных оснований для этого мы не видим.

Мы полагаем, что основной причиной смешения человеческого и интеллектуального капитала является то, что некоторые исследователи не различают два вида знаний — обыденные и новые. Обыденные знания являются одним из факторов человеческого капитала. Новые знания являются основой интеллектуального капитала. В отличие от обыденных, новые знания являются собственностью работника или предприятия, если они получены за счет его средств.

Новые знания монополизируются и способны приносить монопольную прибыль, если они используются в производстве товаров и услуг. Они могут принести прибыль также за счет продажи новых знаний, воплощенных в патентах, лицензиях и т. д. Новые знания монополизируются не на века. Они распространяются в отраслях не только за счет продажи патентов и лицензий, но и за счет промышленного шпионажа, перехода авторов новых знаний в другие фирмы, незаконное копирование образцов новой техники, технологии, организации производства, труда, управления и т. д. В конце концов они становятся обыденными знаниями, повышая общую эффективность экономики отрасли и страны. По сути дела, огромная масса обыденных знаний это не что иное, как масса бывших когда-то новых знаний, превратившихся в общественное благо.

Насколько различны обыденные и новые знания, можно увидеть из таблицы 1.

Разные по своей сущности человеческий и интеллектуальный капиталы порождают и разные продукты. Человеческий капитал производит продукты уже имеющиеся на рынке, т. е. типичные товары и услуги. Некоторые их улучшения не делают их новыми. Непременным условием появления на рынке новых товаров и услуг является их принципиальное отличие от традиционно производимых, они результат воплощения нового знания, продукт интеллектуального капитала.

Та часть продуктов интеллектуального капитала, которая не имеет материального воплощения, не может реализовываться на обычном рынке товаров и услуг. Эта часть в виде патентов, изобретений, лицензий, ноу-хау и т. д. поступает на специфический рынок интеллектуальных продуктов. Продукты человеческого капитала, созданные на основе обычного знания, на этом рынке отсутствуют. Продукты интеллектуального капитала, как правило, позволяют предприятию иметь высокую норму прибыли, существенно повышают его конкурентоспособность [11]. В связи с тем что это новые товары или услуги, их жизненный цикл только начинается, и есть достаточно оснований полагать, что он будет длительным.

Интеллектуальный продукт имеет большое влияние на интеллектуальное развитие персонала предприятия. Его успешная реализация, во-первых, приводит к материальному и моральному вознаграждению его авторов, во-вторых, служит вдохновляющим примером для остальных работников предприятия, что стимулирует повышение их интеллектуального потенциала. Различия продуктов человеческого и интеллектуального капитала приведены в таблице 2.

Термин «интеллектуальный» произошел от слова «интеллект». Значение последнего раскрывается в энциклопедиях и словарях как

Таблица 1

Различия обыденных и новых знаний

Обыденные знания	Новые знания
Не являются объектом собственности	Объект индивидуальной собственности или собственности предприятия
Не являются товаром	Являются товаром
Общественное благо	Частное благо
Со временем не устаревают, не теряют свою ценность	Со временем устаревают, теряют свою эвристическую ценность
Объем знаний все время увеличивается	Динамика массы новых знаний на предприятиях не определена, не устойчива
Общие и профессиональные знания являются факторами человеческого капитала	Новые знания являются эвристической основой интеллектуального капитала

Таблица 2

Различие продуктов человеческого и интеллектуального капитала

Продукт человеческого капитала	Продукт интеллектуального капитала
Типичный товар или услуга	Оригинальный товар или услуга
Результат рутинного труда	Результат творческого труда
Результат реализации обыденного знания	Результат реализации нового знания
Продается на общем рынке товаров и услуг	Продается не только на общем рынке товаров и услуг, но и на специфическом рынке патентов, лицензий, ноу-хау и т. д.
В большинстве случаев обеспечивает среднюю норму прибыли	Обеспечивает высокую норму прибыли
Для большинства продуктов характерна средняя продолжительность жизненного цикла	Большая продолжительность жизненного цикла
Обеспечивает среднюю конкурентоспособность предприятия	Обеспечивает высокую конкурентоспособность предприятия
Не приводит к повышению интеллектуального потенциала персонала предприятия	Вызывает рост интеллектуального потенциала персонала организации

«познание, понимание, рассудок человека» [3]. Если исходить из такого определения, то все люди окажутся интеллектуалами, с чем вряд ли можно согласиться.

Круг интеллектуалов существенно сузится, если под интеллектом понимать не просто способность человека мыслить, а мыслить творчески. Далеко не в каждой голове рождаются новые идеи, решения и т. д. При таком подходе к числу интеллектуалов будут относиться ученые, изобретатели, рационализаторы, новаторы и т. п., т. е. все те люди, которые создают новое знание. Довольно точное определение интеллектуалов дал Х. Донован: «Интеллектуалы, это люди которые ... имеют в основном дело с идеями, а не изделиями...» [7, с. 27]. Интеллект как таковой непосредственно не создает новых товаров и услуг. Однако он в состоянии создать образ будущего товара или услуги, предложить проект новой технологии их производства, новой организации труда, управления, информационных, финансовых потоков и т. д.

Товары и услуги, созданные за счет реализации нового знания, не являются непосредственным продуктом интеллектуальной деятельности людей, они — результат производственной деятельности персонала предприятий. Путь реализации интеллектуального продукта довольно сложен: новое знание как продукт фундаментальной науки поступает в сферу прикладной науки, где происходит разработка образцов новых продуктов, проектов, технологий, информационных, финансовых потоков и т. д. На основе этих прикладных разработок организуется производство новых товаров и услуг на предприятиях. Однако возможны более короткие и менее сложные пути реализации

новых знаний. Это претворение в жизнь рационализаторских, инновационных предложений на предприятиях. Многие ценные идеи реализуются там в короткие сроки, не проходя всех указанных выше стадий реализации фундаментальных новых знаний.

В связи с активной разработкой теории интеллектуального капитала естественно встал вопрос об интеллектуальном труде. Ни у кого из исследователей нет сомнений в том, что интеллектуальный продукт является результатом труда. Но какого? В экономике труда различают три вида труда: физический, умственный и нервно-напряженный [2, с. 44–47]. Каждый из этих видов труда возможен лишь при сочетании физических, нервных и умственных усилий. Нет чисто физического, нервно-напряженного или умственного труда. Есть лишь преимущественно физический, нервно-напряженный или умственный труд, в зависимости от того, какая из трех жизненных систем человека напрягается в большей степени или занимает большую долю в рабочем времени.

Из трех видов труда на роль интеллектуального больше всего подходит преимущественно умственный труд. Однако не всякий умственный труд является интеллектуальным. Не является таковым рутинный умственный труд, в процессе которого используются обыденные знания. Таким образом, умственный труд можно разделить на рутинный и интеллектуальный. И лишь последний является творческим трудом, лишь он рождает интеллектуальные ценности.

Деление знаний на обыденные и новые, а труда на рутинный и творческий позволяет более четко различить два вида капитала: человеческий и интеллектуальный. Первый основыва-

ется на обыденных знаниях и рутинном труде, второй — на новых знаниях и творческом труде. Человеческий капитал персонала предприятия позволяет производить традиционные товары и услуги. Интеллектуальный — обеспечивает производство уникальных товаров и услуг, а также другие интеллектуальные продукты, которые находятся в собственности предприятия и могут быть проданы на рынке интеллектуальных продуктов.

Человеческий капитал не является собственностью предприятия, интеллектуальный — является. Человеческий капитал как таковой не обеспечивает монопольного положения предприятию на рынке товаров и услуг, интеллектуальный обеспечивает это положение как на рынке товаров и услуг, так и на рынке интеллектуальных продуктов. Как видим, человеческий и интеллектуальный капитал — это совершенно разные экономические явления, и нет должных оснований их отождествлять.

Во многих случаях к интеллектуальному капиталу относят информацию [8]. При этом, как правило, никак не ограничивают ее, т. е. всю информацию представляют в качестве интеллектуального продукта. Общепринято, что информация — это сведения, которые подлежат передаче между людьми устным, письменным, электронным путем или иными способами с применением технических средств и условных сигналов [4, с. 251]. Большая масса самых разных сведений передается по информационным каналам на каждом предприятии: от управления к структурным подразделениям, работникам и обратно, между структурными подразделениями и работниками, от предприятия во внешний мир и в обратном направлении и т. д. На предприятии циркулирует техническая, технологическая, экологическая, финансовая, экономическая и прочие виды информации. Эта информация обрабатывается в сфере статистического, управленческого, бухгалтерского учета, накапливается и хранится. На каком основании всю эту информацию можно отнести к интеллектуальному капиталу — неизвестно.

По нашему мнению, к интеллектуальному капиталу можно отнести лишь ту информацию, которая оформлена в виде патентов, лицензий, ноу-хау и т. д. а также новые неформализованные идеи, другая устная информация, имеющая все признаки нового знания. Отнесение всей информации, также как отнесение всякого знания, имеющихся на предприятии, к интеллектуальному капиталу делает последний безгра-

ничным, не имеющим своего специфического содержания, показателей, критерия.

В ряде случаев к интеллектуальному капиталу относят практически все, что имеется в организации, кроме основных и оборотных фондов. Так, Э. Брукинг в монографии, специально посвященной исследованию интеллектуального капитала, пишет: «Интеллектуальный капитал предприятия можно подразделить на четыре части:

- рыночные активы;
- интеллектуальная собственность как активы;
- человеческие активы;
- инфраструктурные активы» [6, с. 31-35].

Таким образом, в связи с тем, что нет теоретической ясности в самом главном вопросе — в определении понятия «интеллектуальный капитал», в литературных источниках включают в его содержание массу экономических явлений и процессов, не имеющих прямого отношения к данному капиталу. Этому же способствует теоретическая неразработанность системы понятий, связанных с интеллектуальным капиталом. Зачастую не различаются или не используются такие понятия, как «интеллектуальный потенциал предприятия», «интеллектуальные активы предприятия», «интеллектуальная активность персонала предприятия», «интеллектуальные ресурсы предприятия», «интеллектуальная собственность предприятия» и т. д.

Обращает на себя внимание то, что во многих определениях к интеллектуальному капиталу относят знания или ресурсы (интеллект, опыт и т. д.), которые могут принести прибыль. Речь идет о факторах, которые или принесут, или не принесут добавленную стоимость, но их уже называют капиталом. Совершенно очевидно, что при этом не различаются интеллектуальный потенциал и интеллектуальный капитал организации. Все имеющиеся на предприятии интеллектуальные продукты (активы) нельзя зачислять в капитал до тех пор, пока они не станут приносить добавленную стоимость. Но их зачисляют, так как в теоретико-методологическом отношении еще много непроработанных вопросов, прежде всего в разработке понятийного аппарата интеллектуального капитала.

Интеллектуальный потенциал предприятия

В связи с объективной необходимостью перехода Российской Федерации от преимущественно сырьевой к преимущественно инновационной экономике внимание российской

экономической науки все более приковывается к разработке теоретических проблем последней. Поэтому в последние годы резко выросло количество публикаций, в которых рассматриваются понятия «инновация», «инновационный товар», «инновационная активность предприятия, национальной экономики», «инноватизация экономики» и т. д. Наряду с этим исследуются инновационные процессы как в масштабах всей мировой, национальной, региональной экономики, так и на уровне предприятий. В данном исследовании нас интересуют в большей степени процессы, протекающие на предприятии.

Инновационное развитие экономики находит выражение в увеличении доли инноваций в структуре бизнес-процессов. Так, все большая часть сотрудников организаций становится занятой в инжиниринге, разработках и исследованиях, поисковых и аналитических работах в сфере маркетинга, новых технологий, организационных изменений. Многие крупные организации создают специальные отделы инновационного развития, подразделения НИОКР, прогнозно-аналитические департаменты и отделы развития, инновационно-маркетинговые бюро, технопарки и агентства по трансфертам технологий и т. п., развивают системы управления знаниями посредством Интернета. Кроме того, для инновационного поиска и усиления интеллектуализации принимаемых решений все чаще привлекаются сторонние консультанты, специалисты и эксперты. Некоторые организации начинают непосредственно специализироваться на инновационных проектах и их коммерциализации (технологические компании, венчурные фирмы), другие делают значительное внутреннее смещение к высокотехнологичной индустрии и наукоемким продуктам.

Для исследования тенденций инновационного развития современной организации необходимо определить связанные с этим процессом основные понятия. Областью науки, изучающей различные теории нововведений (например, формирование новшеств, их распространение, сопротивление нововведениям, приспособление к ним инновационных организаций, выработка инновационных решений), является инноватика [5]. Под новацией, или новшеством, большинство авторов понимают что-либо новое: новое явление (открытие, новое теоретическое знание), новый метод (принцип), изобретение [14, с. 25], другими словами, это результат научных исследований.

Большинство авторов считает, что инновации, во-первых, результат творческого труда (деятельности), во-вторых, это новое знание (изобретение, открытие, идеи), в-третьих, новый продукт, созданный на основе нового знания (патенты, лицензии, ноу-хау, новые товары, услуги, технологии и т. п.). По сути дела, здесь перечислены основные характеристики интеллектуального продукта, изложенные нами выше. Таким образом, предметом исследования как теории инновационного развития, так и теории интеллектуального капитала являются одни и те же экономические явления, следовательно, у них единый предмет изучения. Все это позволяет сделать следующий вывод: в экономической науке параллельно исследуются одни и те же экономические явления, формально в двух теориях. Фактически теории инновационного развития и интеллектуального капиталов в основе своей совпадают. Это во многом объясняется приверженностью одной группы исследователей к теории инновационного развития — инноватике, а других — к теории интеллектуального капитала. Соответственно, и поток литературных источников, в которых исследуются одни и те же явления, разделился на две части.

Интеллектуальный капитал представляет собой ту часть интеллектуального потенциала персонала предприятия, которая реализуется в хозяйственной деятельности самого предприятия или продается на рынке интеллектуальных продуктов, принося добавленную стоимость. За пределами интеллектуального капитала остаются нереализуемые до поры до времени патенты, лицензии, ноу-хау и т. д. Кроме того, у персонала могут быть в наличии перспективные для дальнейшей разработки и коммерциализации идеи, открытия и т. д. И наконец, персонал предприятия располагает некоторым нераскрытым творческим потенциалом, который при благоприятных условиях может проявиться в новых идеях, открытиях, гипотезах и т. д. В связи с изложенным мы предлагаем ввести в научный оборот понятие «интеллектуальный потенциал предприятия». Он состоит из двух частей: реализуемой, приносящей добавленную стоимость, и нереализуемой. Структура интеллектуального потенциала следующая:

- интеллектуальный капитал;
- нереализованные патенты, лицензии, ноу-хау и т. д.;
- неформализованные идеи, гипотезы, открытия и т. д.;

Рис. 1. Структура интеллектуального потенциала предприятия

— нераскрытый творческий потенциал персонала (рис. 1).

Необходимо иметь в виду, что предприятие может располагать не только своим интеллектуальным капиталом, т. е. созданным творчеством своего персонала, но и заимствованным, купленным на рынке интеллектуальных продуктов.

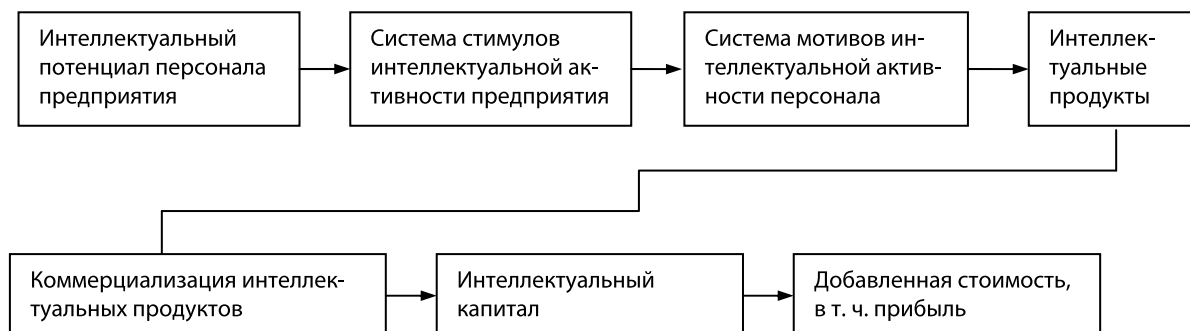
В условиях постиндустриальной экономики, экономики знаний решающим условием сохранения предприятий на рынке является максимально возможное использование интеллектуального потенциала их персонала. Однако это потенциал в большей его части остается на российских предприятиях «вещью в себе». И чтобы поставить этот потенциал на службу стратегическим интересам предприятия, необходимо разработать и ввести систему стимулирования интеллектуальной активности персонала. Подавляющее большинство работников не принимает участия в рационализации, изобретательстве и т. д. И чтобы дело сдвинулось с мертвой точки, предприятие должно гарантировать персоналу ряд материальных и социальных

благ за интеллектуальную активность. Только при этом условии в сознании работников возникают материальные и социальные мотивы интеллектуальной активности.

При таких условиях персонал генерирует новые знания, которые предприятие превращает в интеллектуальные продукты, наращивает свою интеллектуальную собственность. Но интеллектуальные продукты сами по себе добавленную стоимость не рожают, прибыли не приносят. Необходим следующий шаг — коммерциализация интеллектуальных продуктов. И только после этого интеллектуальные знания, получившие форму коммерциализированного продукта, становятся интеллектуальным капиталом. Предприятие пожинает плоды своего управления интеллектуальным капиталом — получает добавленную стоимость, в том числе прибыль (рис. 2)

По сути дела, на рисунке показана система управления интеллектуальным капиталом предприятия. Из всего многообразия организационных мер мы обратили особое внимание на стимулирование интеллектуальной активности персонала организаций. Цель будет достигнута только в том случае, если, во-первых, работникам будет экономически выгодно заниматься творчеством, во-вторых, новаторы будут морально поощряться, в-третьих, творческий труд станет внутренней потребностью работников предприятия, в-четвертых, изобретателям, рационализаторам будут созданы благоприятные условия для проявления творческих способностей.

На практике предприятия стимулируют персонал через систему рационализации и изобретательства. К сожалению, она сохранилась не во всех даже крупных и средних российских предприятиях. Во многих случаях вознаграждения за интеллектуальную активность оказываются незначительными и выплачиваются они спустя год и более. Все это не позволяет обеспечить нужный уровень стимулирования интеллекту-

Рис. 2. Модель реализации интеллектуального потенциала предприятия

Таблица 3

Оценка внутренней среды организаций руководителями первичного (низового) уровня управления (в % от числа опрошенных)*

Вопрос	Завод резинотехнических изделий	Металлургический завод	Машиностроительный завод
Скажите, пожалуйста, какой принцип в вашем коллективе фактически действует:			
— всякая инициатива поощряется	38	34	52
— всякая инициатива наказуема	62	66	48
Поддерживает ли ваши инициативы вышестоящий руководитель?			
— поддерживает	47	44	44
— не поддерживает	53	56	56
Если по вашему предложению внедрились какие-нибудь инновации, то:			
— вас поощряли материально	5	7	8
— вас поощряли только морально	15	12	23
— вас поощряли материально и морально	11	13	15
— вас никак не поощряли	54	51	45
— я был не рад, что предложил инновацию	15	17	9

* Опросы проведены в 2006–2008 годах. Опрошено от 38 до 82% от числа руководителей первичного уровня управления.

альной активности персонала. В итоге имеющийся интеллектуальный потенциал персонала используется явно недостаточно. На ряде крупных заводов приходится одно рационализаторское предложение на сто и более работников в год. В то время как на многих передовых японских фирмах на одного работника приходится до 10 инновационных предложений в год.

Вполне понятно, что организации, возлагая надежды на развитие интеллектуальной активности персонала, прежде всего рассчитывают на их менеджерский корпус. В связи с этим мы исследовали отношение менеджеров к инновациям. Прежде всего нужно было выявить, достаточно ли мотивированы руководители проявлять интеллектуальную активность. Итоги опросов свидетельствуют о том, что в организациях сложилась такая среда, в которой более половины руководителей первичного уровня управления (мастера, начальники участков, смен и т. п.), считают, что интеллектуальная активность наказуема (табл. 3).

Таким образом, руководители первичного уровня управления, по своему положению более других знающие недостатки и проблемы производства, поставлены в такие условия, что далеко не каждый из них заинтересован в инновациях, более половины из них имеют негативный опыт интеллектуальной активности.

Во второй половине 2009 года нами совместно с руководством ОАО «Уралэлектромедь» была разработана Система «Инновация», учитывающая специфику указанного предприятия. Она вошла в действие с января 2010 года. За

первые 9 месяцев было подано 2622 инновационного предложения, т. е. в среднем по 291 предложению в месяц. Произошел настоящий прорыв в интеллектуальной активности персонала завода. И произошло это в связи с тем, что, во-первых, с руководителями завода и всех его подразделений была проведена большая работа по овладению системой «Инновация», во-вторых, предложена простая процедура оформления инноваций, в-третьих, обеспеченно материальное вознаграждение из специального заводского фонда, которое выдается не по итогам года, а по итогам каждого месяца. Таким образом, был задействован экономический мотив реализации интеллектуального потенциала работников.

Характеризуя в целом систему стимулирования интеллектуальной активности персонала, следует указать на следующие ее сильные стороны. Она коренным образом меняет социально-психологическую среду, в которой находятся работники. Предприятие четко заявляет: интеллектуальная активность всячески поощряется материально и морально. Героями дня становятся лучшие по интеллектуальной активности структурные подразделения, руководители и рядовые работники. В этих условиях творческая деятельность уже не является наказуемым делом. Интеллектуальная активность руководителей открывает им путь к карьерному росту. Одним из важнейших моментов новой Системы является то, что она преодолевает уравнильность в распределении зарплаты между творчески активными и пассивными ру-

ководителями и рядовыми работниками. В результате таких преобразований в организации коренным образом меняется отношение к труду и к персоналу, к проявлению его творческих способностей, использованию интеллектуального потенциал персонала.

Для достижения стратегической цели российской экономики — перехода на инновационный путь развития — необходимо коренным образом изменить внутреннюю среду организаций, с тем чтобы существенно повысить интеллектуальную активность их персонала. Для этого нужны новые, эффективные системы управления интеллектуальной активностью. К сожалению, в последние десятилетия в российских организациях мало что изменилось, интеллектуальная активность находится на низком уровне. Чтобы преодолеть это негативное явление, необходима помощь практике со стороны экономической науки.

Список источников

1. Армстронг М. Практика управления человеческими ресурсами : 8-е изд.; пер. с англ. / Под ред. С. К. Мордована. СПб.: Питер, 2007. 832 с.
2. Белкин В. Н, Белкина Н. А. Барьеры на пути инновационного развития организации // Труды III всероссийского симпозиума по экономической теории. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2008. С. 42-47.
3. Большая советская энциклопедия. М.: Издательство «Советская энциклопедия», 1972.
4. Большая экономическая энциклопедия. М.: Эксмо, 2007.

5. Большой экономический словарь. М.: Институт новой экономики, 2002.

6. Брукинг Э. Интеллектуальный капитал : пер. с англ. / Под ред. Ковалик. СПб.: Питер, 2001.

7. Донован Х. Как работать с интеллектуалами // Америка. 1991. №8 (август).

8. Иноземцев В. Л. За пределами экономического общества. М.: Academia, Наука, 1998.

9. Климов С. М. Интеллектуальные ресурсы организации. СПб.: ИВЭСЭП: Знание, 2000.

10. Основы коммерциализации результатов НИОКР и технологий / Под ред. НМ. Фонштейн. М.: АНХ, 1999.

11. Пространственная организация социально-трудовых систем. Генезис и проблемы развития / отв. ред. О. А. Козлова; авт. кол.: Козлова О. А., Шаймарданов Н. З., Шеломенцев А. Г., Бедрина Е. Б., Мыслякова Ю. Г., Лопаева В. А., Юровских Е. В., Воронина Л. Н., Шахова О. А., Макарова М. Н., Петухова Л. В. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2010. 196 с.

12. Рубинштейн М. Ф., Фирстенберг А. Р. Интеллектуальная организация. Привнеси будущее в настоящее и преврати творческие идеи в бизнес-решения : пер. с англ. М.: Инфра-М, 2003.

13. Супрун В. А. Интеллектуальный капитал. Главный фактор конкурентоспособности экономики в XXI веке : 2-е изд. М.: Книжный дом «Либроком», 2010.

14. Управление инновациями / Гунин В. Н. и др. М.: Инфра-М, 1999.

УДК 001.89.003

ключевые слова: интеллектуальный капитал, человеческий капитал, инновационное развитие экономики, интеллектуальный потенциал предприятия, обыденные знания, новые знания, интеллектуальный продукт, управление интеллектуальной активностью персонала предприятия

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ДОХОДОВ НАСЕЛЕНИЯ И ПРОБЛЕМА БЕДНОСТИ (на примере Тюменской области)¹

А. А. Куклин, А. Г. Леонтьева

В статье представлены результаты анализа дифференциации денежных доходов населения в Тюменской области. Анализ дифференциации проведен с помощью класса показателей Фостера

¹ Работа частично финансировалась за счет Целевой программы УрО РАН поддержки междисциплинарных проектов, выполняемых в содружестве с учеными СО и ДВО РАН в рамках интеграционного проекта «Социально-экономический иммунитет региона: диагностика и прогноз защищенности от кризисных явлений» (проект 09-С-6-1001 «Диагностика состояния, моделирование тенденций и прогноз развития регионов России на период до 2030 года»).

— Гриера — Торбеке в разрезе территорий, входящих в Тюменскую область: автономных округов (ХМАО, ЯНАО) и Юга области. На основе полученных результатов дана оценка проводимой в течение последних десяти лет в регионе социальной политики и предложен комплекс мер, направленных на улучшение положения бедного населения.

Переход России к инновационному типу развития с учетом последствий мирового финансового кризиса требует оптимальной организации

ководителями и рядовыми работниками. В результате таких преобразований в организации коренным образом меняется отношение к труду и к персоналу, к проявлению его творческих способностей, использованию интеллектуального потенциал персонала.

Для достижения стратегической цели российской экономики — перехода на инновационный путь развития — необходимо коренным образом изменить внутреннюю среду организаций, с тем чтобы существенно повысить интеллектуальную активность их персонала. Для этого нужны новые, эффективные системы управления интеллектуальной активностью. К сожалению, в последние десятилетия в российских организациях мало что изменилось, интеллектуальная активность находится на низком уровне. Чтобы преодолеть это негативное явление, необходима помощь практике со стороны экономической науки.

Список источников

1. Армстронг М. Практика управления человеческими ресурсами : 8-е изд.; пер. с англ. / Под ред. С. К. Мордована. СПб.: Питер, 2007. 832 с.
2. Белкин В. Н, Белкина Н. А. Барьеры на пути инновационного развития организации // Труды III всероссийского симпозиума по экономической теории. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2008. С. 42-47.
3. Большая советская энциклопедия. М.: Издательство «Советская энциклопедия», 1972.
4. Большая экономическая энциклопедия. М.: Эксмо, 2007.

5. Большой экономический словарь. М.: Институт новой экономики, 2002.

6. Брукинг Э. Интеллектуальный капитал : пер. с англ. / Под ред. Ковалик. СПб.: Питер, 2001.

7. Донован Х. Как работать с интеллектуалами // Америка. 1991. №8 (август).

8. Иноземцев В. Л. За пределами экономического общества. М.: Academia, Наука, 1998.

9. Климов С. М. Интеллектуальные ресурсы организации. СПб.: ИВЭСЭП: Знание, 2000.

10. Основы коммерциализации результатов НИОКР и технологий / Под ред. НМ. Фонштейн. М.: АНХ, 1999.

11. Пространственная организация социально-трудовых систем. Генезис и проблемы развития / отв. ред. О. А. Козлова; авт. кол.: Козлова О. А., Шаймарданов Н. З., Шеломенцев А. Г., Бедрина Е. Б., Мыслякова Ю. Г., Лопаева В. А., Юровских Е. В., Воронина Л. Н., Шахова О. А., Макарова М. Н., Петухова Л. В. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2010. 196 с.

12. Рубинштейн М. Ф., Фирстенберг А. Р. Интеллектуальная организация. Привнеси будущее в настоящее и преврати творческие идеи в бизнес-решения : пер. с англ. М.: Инфра-М, 2003.

13. Супрун В. А. Интеллектуальный капитал. Главный фактор конкурентоспособности экономики в XXI веке : 2-е изд. М.: Книжный дом «Либроком», 2010.

14. Управление инновациями / Гунин В. Н. и др. М.: Инфра-М, 1999.

УДК 001.89.003

ключевые слова: интеллектуальный капитал, человеческий капитал, инновационное развитие экономики, интеллектуальный потенциал предприятия, обыденные знания, новые знания, интеллектуальный продукт, управление интеллектуальной активностью персонала предприятия

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ДОХОДОВ НАСЕЛЕНИЯ И ПРОБЛЕМА БЕДНОСТИ (на примере Тюменской области)¹

А. А. Куклин, А. Г. Леонтьева

В статье представлены результаты анализа дифференциации денежных доходов населения в Тюменской области. Анализ дифференциации проведен с помощью класса показателей Фостера

¹ Работа частично финансировалась за счет Целевой программы УрО РАН поддержки междисциплинарных проектов, выполняемых в содружестве с учеными СО и ДВО РАН в рамках интеграционного проекта «Социально-экономический иммунитет региона: диагностика и прогноз защищенности от кризисных явлений» (проект 09-С-6-1001 «Диагностика состояния, моделирование тенденций и прогноз развития регионов России на период до 2030 года»).

— Гриера — Торбеке в разрезе территорий, входящих в Тюменскую область: автономных округов (ХМАО, ЯНАО) и Юга области. На основе полученных результатов дана оценка проводимой в течение последних десяти лет в регионе социальной политики и предложен комплекс мер, направленных на улучшение положения бедного населения.

Переход России к инновационному типу развития с учетом последствий мирового финансового кризиса требует оптимальной организации

Рис. 1. Динамика уровня и глубины бедности в РФ на основе макроэкономических данных, %

государственной и региональной систем социальной защиты, способствующей снижению численности бедного населения, смягчению социальной дифференциации, созданию среднего класса как основы стабильности и процветания страны. При этом центральной проблемой социально-экономической политики является проблема неравенства в доходах. Высокий уровень имущественного неравенства ведет к деградации значительной части населения, гасит импульсы экономического развития, создает очаги напряжения в обществе и препятствует социальному прогрессу.

Общепризнано, что основой снижения численности бедного населения в стране является экономический рост. По данным Росстата, за последние десять лет в России рост денежных доходов населения способствовал снижению численности населения с доходами ниже величины прожиточного минимума с 42,3 до 18,5 млн чел. (рис. 1) [1].

В Тюменской области удельный вес группы населения с денежными доходами ниже региональной величины прожиточного минимума в общей численности сократился с 21,3% в 2000 г. до 9,6% в 2009 г. При этом наиболее заметное сокращение бедности произошло на юге области (табл. 1) [2].

Вместе с тем мировой и отечественный опыт свидетельствуют, что в условиях экономического роста проблема бедности может не только не решаться, но и становиться все более актуальной, если рост доходов сопровождается увеличением неравенства в их распределении между различными группами населения.

Для иллюстрации величины межтерриториальной дифференциации доходов населения проведем анализ среднедушевых денежных доходов по регионам Тюменской области за период 2000–2009 гг. [2].

Данные таблицы 2 демонстрируют наличие значительной дифференциации в доходах на

Таблица 1

Доля населения с доходами ниже величины прожиточного минимума в общей численности населения в 2000–2009 гг., %

Регион	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Тюменская область (с АО)	21,3	15,4	15,8	12,7	12,2	11,6	11,2	10,8	10,4	9,6
Тюменская область (Юг)	29,5	27,5	24	20,5	16,5	15,3	11,7	10,8	9,5	12,2
ХМАО	11,8	9,3	11,6	10,6	10,1	7,7	7,7	7,5	7,4	8,7
ЯНАО	11,1	9,3	7,7	8,0	7,3	8,7	7,1	6,8	6,6	7,8
РФ	29,0	27,5	24,6	20,3	17,6	17,7	15,2	13,3	13,4	13,1

Таблица 2

Среднедушевые денежные доходы в регионах Тюменской области в 2000–2009 гг., руб.

Регион	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Тюменская область (с АО)	4935	7109	8559	10556	12191	14873	18622	22519	27612	27553
Тюменская область (Юг)	2267	3170	4271	5906	6468	8595	11118	13642	17336	17522
ХМАО	6628	9594	10846	12892	14972	18009	22380	27110	32872	32263
ЯНАО	7563	10733	13298	15962	18868	21766	27081	31512	38133	38900
РФ	2281	3062	3947	5170	6410	8112	10196	12603	14939	16886

душу населения между северными автономными округами и Югом области, несмотря на некоторое сокращение величины разрыва в течение анализируемого периода. Так, например, в 2009 г. среднедушевые доходы в Ямало-Ненецком автономном округе (38900 руб.) превышали аналогичные доходы на юге области (17522 руб.) более чем в 2 раза. В 2000 г. этот показатель составлял 3,3. Высокие доходы в ХМАО и ЯНАО обусловлены спецификой отраслевой структуры экономики этих регионов с ориентацией на добычу топливно-энергетических полезных ископаемых, где уровень оплаты труда в 2 раза превышает средний по области. Наименьший уровень заработной платы традиционно наблюдается в сельскохозяйственных территориях Юга Тюменской области.

Наряду с межтерриториальной дифференциацией усиливается дифференциация доходов внутри всех регионов. Так, в Тюменской области распределение общего объема денежных доходов по 20%-ным (квintильным) группам, ранжированным по мере возрастания денежных доходов, характеризовалось на протяжении

2000–2009 гг. неравномерностью, тенденцией концентрации доходов у отдельных групп, ярко выраженным «размыванием» среднего класса и не уменьшающимся разрывом между богатыми и бедными (табл. 3) [3].

К 2008 г. в среднем по области доля первой квintильной группы населения (с наименьшим денежным доходом) уменьшилась до 4,2%, а доля денежных доходов второй, третьей и четвертой 20%-ных групп уменьшилась в сумме с 45 до 44,4%, что свидетельствует об ухудшении материального положения средних слоев населения. Незначительное увеличение доли доходов, присваиваемых первыми тремя квintильными группами, произошло в 2009 г., хотя кардинально общую картину распределения доходов этот факт не изменил.

На долю пятой квintильной группы населения (с наибольшим денежным доходом) приходило все годы более половины объема совокупных доходов. При этом разница между суммой доходов, которые получали первая и пятая группы, увеличилась с 11,5 раза в 2000 г. до 12,2 раза в 2008 г., составив в 2009 г. 11,5 раза. Такое

Таблица 3

Распределение общего объема денежных доходов населения в Тюменской области (включая АО) в 2000–2009 гг., %

20%-ная группа	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Первая (с наименьшими доходами)	4,4	4,6	4,5	4,5	4,5	4,4	4,4	4,3	4,2	4,4
Вторая	8,9	9,2	9,0	9,0	9,0	8,9	8,8	8,7	8,7	8,9
Третья	14,0	14,2	14,1	14,1	14,1	14,0	13,9	13,8	13,7	13,9
Четвертая	22,1	22,2	22,2	22,2	22,2	22,1	22,0	22,0	22,0	22,1
Пятая (с наибольшими доходами)	50,6	49,8	50,2	50,2	50,2	50,6	50,9	51,2	51,4	50,7

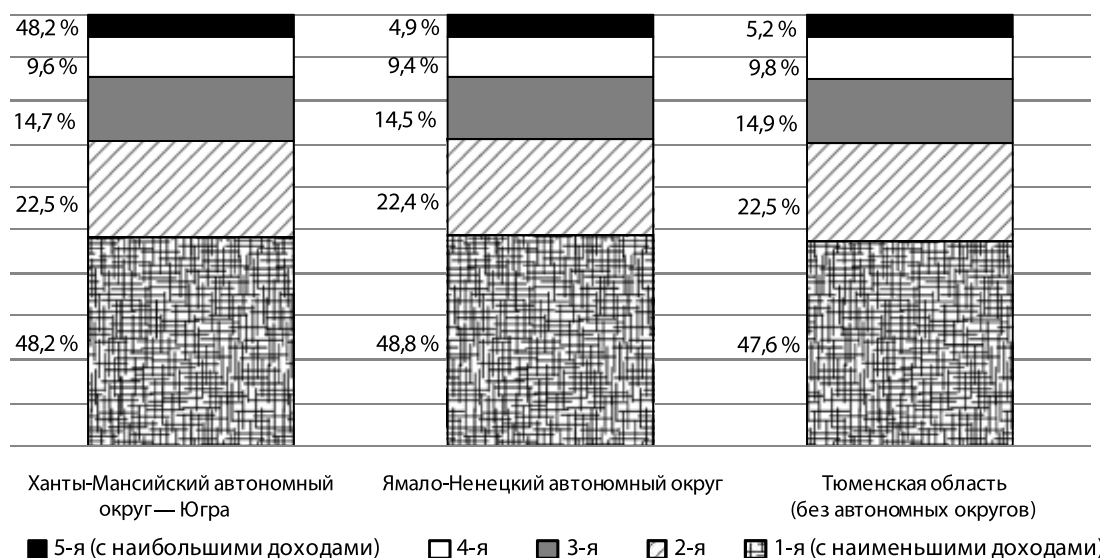

Рис. 2. Денежные доходы по 20%-ным группам населения в регионах Тюменской области в 2009 г.

Рис. 3. Коэффициент фондов в регионах Тюменской области в 2000–2009 гг., раз

распределение доходов было характерно для всех регионов области (рис. 2). Таким образом, несмотря на то что в материальной дифференциации общества наблюдаются процессы восходящей мобильности, они не носят всеобщего характера, локализуясь преимущественно в средних доходных группах населения. Верхняя же группа по-прежнему концентрирует значительную долю общественного богатства, сохраняя разрыв между собой и другими социальными слоями.

Общий уровень неравенства по доходам отражают величины коэффициента Джини (индекса концентрации доходов) и децильного коэффициента (коэффициента фондов). В 2009 г. коэффициент концентрации доходов населения области (индекс Джини), характеризующий степень отклонения фактического объема распределения доходов населения от линии их равномерного распределения, составил 0,456, что выше общероссийского показателя (0,422). В Ханты-Мансийском автономном округе индекс Джини составил 0,427; в Ямало-Ненецком — 0,434; на Юге области — 0,419. По сравнению с предыдущим годом, индекс Джини снизился по области в среднем на 2% [4]. Общее понижение коэффициента свидетельствует о частичном сглаживании неравенства в распределении совокупного дохода в обществе.

Рост неравенства в распределении населения по среднедушевому доходу подтверждает и коэффициент фондов. Динамика коэффициента фондов за рассматриваемый период носила неоднозначный характер (рис. 3). В целом величина данного коэффициента была достаточно высокой. Самой низкой отметки за анализируемый период времени значения показателей

неравенства в распределении доходов достигли в 2000–2001 гг. Далее наблюдался их рост, а с 2006 г. — стабилизация. Это говорит о том, что сохраняется тенденция расслоения населения по доходам.

Таким образом, несмотря на позитивную динамику среднедушевых денежных доходов населения, социальная поляризация в регионе сохраняется на высоком уровне, что тормозит решение проблемы бедности. Современные научные исследования проблемы бедности значительно расширили подходы к определению и измерению этого социально-экономического феномена. В практике измерения бедности общества и бедности среди бедных широкое распространение получили специальные показатели, представляющие класс показателей Фостера — Гриера — Торбеке — (*Foster — Greer — Thorbecke*): индекс численности бедности, индекс дефицита бедности P_1 , индекс квадратичного дефицита бедности P_2 , а также индекс Сена (Sen A. K., 1995). Потребность в изучении показателей бедности с помощью системы указанных показателей объясняется имеющимися недостатками каждого из них в отдельности. Так, недостатком такого показателя, как удельный вес бедного населения (P_0), является то, что он не учитывает степень и остроту данного явления. Люди, доходы которых отличаются между собой существенно, но при этом все они находятся за чертой бедности, в показателе P_0 уравниваются.

Показатель бедности P_1 Фостера — Гриера — Торбеке учитывает, насколько ниже черты бедности находятся доходы людей, поэтому данный показатель определяет глубину бедности. Индекс остроты бедности (P_2) определяется как среднее квадратов относительных дефицитов

бедности. При использовании этого показателя взвешивается сама глубина бедности, что дает больший вес беднейшим слоям населения. Иными словами, среднеквадратичная глубина бедности принимает во внимание неравенство среди бедных слоев населения. Показатель P_2 более полезен, чем просто удельный вес численности населения с доходами ниже черты бедности для сравнения во времени мер политики, направленной на улучшение положения обездоленного населения. Таким образом, показатели глубины и остроты бедности являются важными дополнительными показателями, иллюстрирующими распределение бедности.

Общая формула для показателей этого класса зависит от величины параметра a , который равен 0 — для доли населения за чертой бедности, 1 — для глубины бедности и 2 — для остроты бедности, в следующей формуле:

$$P_a = \frac{1}{n} \sum_{i=1}^q \left[\frac{z - y_i}{z} \right]^a,$$

где y_i — доход i -го лица, находящегося за чертой бедности, z — черта бедности.

В таблице 3 представлены значения показателей индексов P_1 и P_2 и индекса Сена. Эти показатели были найдены методом линейной интерполяции. Методика расчета коэффициентов предложена профессором Каквани (Какwani, 1990). Показатели неравенства в доходах на территориях Тюменской области в 2000–2010 гг. представлены в таблице 4.

Анализ значений представленных коэффициентов характеризует направленность социальной политики, проводимой в регионе, позволяющей обеспечивать снижение численности бедного населения. Так, более существенное

сокращение индекса бедности по сравнению с другими индексами говорит о том, что государство проводило мероприятия, стремилось к созданию условий роста общих доходов людей в стране, а не какой-либо одной группы населения. Улучшение макроэкономической ситуации в стране и создание дополнительных рабочих мест, повышая доходы населения, уменьшает, прежде всего, численность «почти бедных», т. е. людей с доходами, незначительно превышающими черту бедности. Если же быстрее всего сокращается индекс квадратичного дефицита бедности, это означает, что правительство оказывает адресную помощь с помощью трансфертов и тем самым стремится сократить наиболее бедную группу населения. Ускоренное сокращение показателя дефицита бедности говорит о том, что в поле зрения правительства находятся все группы бедных.

В 2009 году на Юге Тюменской области, при доле бедного населения 12,2% в общей численности населения, 13% от числа бедного населения находились на уровне крайней бедности. Значение показателя P_2 составило 0,021, т. е. 2,1% бедного населения имели доход, составляющий примерно четверть от величины прожиточного минимума, т. е. относились к нищим. Доход среднего бедного на Юге Тюменской области находился приблизительно на 11% ниже черты бедности, что свидетельствует о том, что бедность в регионе является неглубокой.

В северных автономных округах, при доле бедного населения в общей численности, равной 8,7% в ХМАО и 7,8% в ЯНАО, на уровне крайней бедности находились 8,5 и 8% от числа бедного населения соответственно. Доля нищего населения в северных регионах крайне

Таблица 4

Показатели неравномерности распределения доходов населения в регионах Тюменской области в 2000–2010 гг.

Показатель	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010*
Тюменская область (Юг)											
Индекс Сена	0,223	0,170	0,177	0,143	0,137	0,160	0,165	0,160	0,130	0,132	0,126
P_1	0,243	0,210	0,197	0,198	0,176	0,144	0,148	0,157	0,130	0,110	0,10
P_2	0,124	0,110	0,115	0,110	0,074	0,057	0,072	0,024	0,032	0,021	0,009
Ханты-Мансийский автономный округ (ХМАО)											
Индекс Сена	0,120	0,103	0,109	0,097	0,089	0,081	0,079	0,071	0,068	0,085	0,063
P_1	0,118	0,093	0,116	0,106	0,101	0,078	0,077	0,075	0,074	0,087	0,068
P_2	0,014	0,009	0,014	0,012	0,011	0,006	0,006	0,006	0,006	0,008	0,004
Ямало-Ненецкий автономный округ (ЯНАО)											
Индекс Сена	0,120	0,102	0,081	0,083	0,08	0,085	0,069	0,067	0,065	0,080	0,120
P_1	0,111	0,093	0,077	0,080	0,072	0,087	0,0708	0,068	0,066	0,078	0,062
P_2	0,012	0,009	0,006	0,006	0,005	0,008	0,005	0,005	0,004	0,006	0,004

* предварительный расчет

незначительна (0,6–0,7%). Глубина бедности в автономных округах также меньше, чем на Юге области.

Наиболее высокими темпами сокращался индекс квадратичного дефицита бедности. Так, на юге области за 2000–2009 гг. он снизился более чем на 80%, в ХМАО — на 43%, в ЯНАО — на 67%. Меньшие темпы снижения демонстрирует индекс дефицита бедности. Таким образом, оценивая динамику расчетных показателей можно сделать вывод, что в период 2000–2009 гг. проводимая в Тюменской области политика, как на Юге, так и в автономных округах, была ориентирована на снижение численности самого бедного населения. Однако увеличение выплат социального характера этой группе населения за счет социальных пособий не позволяет решить проблему бедности кардинально, так как, с одной стороны, подобные меры не оказывают заметного влияния на неравенство и относительную бедность, а с другой — несут в себе опасность роста инфляции и, что самое главное, не устраняют причин воспроизводства относительной бедности и не уменьшают ее масштабы.

Следует более интенсивно проводить активную политику социальной защиты. Необходимы дополнительные меры стимулирующего характера, направленные на повышение «самостоятельных» доходов семьи. Положительный опыт такой политики в регионе накоплен. Так, на Юге области правительство в последние годы проводило не только пассивную политику защиты социально уязвимого населения, выплачивая социальные пособия, повышающие доходы малоимущих семей до величины регионального прожиточного минимума, но и активную политику, направленную на создание новых мощностей по переработке сельскохозяйственной продукции, оказание помощи малоимущим из средств областного бюджета на развитие личных подсобных хозяйств, семейного, частного предпринимательства, то есть создавало условия, позволяющие повысить уровень жизни всего населения региона.

Улучшение положения бедных слоев населения может произойти в результате проведения комплексной социальной политики, направленной на сокращение неравенства в доходах путем ликвидации деформаций в распределительных отношениях, приведения распределительных механизмов к мировым стандартам.

Основная доля дохода, получаемого в настоящее время большинством занятого населения, приходится на заработную плату по основному месту работы, дополнительная работа, субсидии и льготы имеют меньшее значение. Следовательно, меры государства, нацеленные на уменьшение бедности, должны быть направлены на радикальное реформирование, прежде всего, заработной платы. Однако эти меры не снижают уровень неравенства доходов в регионах. Поэтому основной акцент региональные органы власти должны сделать на реализации программ, выходящих за рамки узкого определения социальной защиты. В частности, сюда относятся программы повышения эффективности рынка труда, качества рабочей силы и образования и т. д. Кроме того, эффективная политика в области здравоохранения, охраны окружающей среды, развития жилищной инфраструктуры будет также способствовать уменьшению социальной поляризации в обществе.

В заключение еще раз подчеркнем, что при разработке региональных программ, направленных на снижение бедности и повышение уровня жизни населения, чрезвычайно важно проводить анализ ситуации с бедностью в аспекте социально-экономического неравенства и выбирать те меры, которые направлены на снижение иждивенческих настроений малоимущих трудоспособных граждан, повышение качества человеческого потенциала, а также обеспечение условий его реализации.

Список источников

1. Россия в цифрах — 2010 // Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс]. URL: www.gks.ru
2. Социальное положение и уровень жизни населения России. 2010: Статистический сборник // Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс]. URL: www.gks.ru
3. Социально-экономические индикаторы бедности 2009 : стат. бюл. // Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс]. URL: www.gks.ru
4. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области. [Электронный ресурс]. URL: www.tumstat.gks.ru
5. Foster J., Greer J., Thorbecke E. A clossof decomposable Poverty Measures // *Econometrika*. №52(3). P. 761-766.

УДК 316. 344.233 (571.12)

ключевые слова: уровень бедности, социально-экономическая дифференциация, коэффициент фондов, индекс Джини, индекс численности бедного населения, острота бедности, глубина бедности, социальная защищенность, пассивная и активная политика социальной защиты

DIFFERENTIATION OF POPULATION INCOME AND POVERTY PROBLEM (based on the data of Tyumen region)¹

A. A. Kouklin, A. G. Leontieva

The given article presents the results of analyzing differentiation in cash income of Tyumen region population. The analysis of differentiation has been done with indicators of Foster — Greer — Thorbeck for the territories — members of Tyumen region — KhMAO, YaNAO and South of the region. Social policy conducted in the region during the last decade has been evaluated and set of measures meant to improvement of status of poor population has been suggested.

Transition of Russia to innovative type of development considering consequences of world financial crisis, requires optimal organization of state and regional social protection systems, contributing to lowering the number of poor people, lessening of social differentiation, creation of middle class as a basis for stability and prosperity of the country. The central problem of social-economic policy is the problem of inequality in earnings. High level of property inequalities leads to degradation of the significant part of population, minimizes economic development, creates sensitive areas in the society and interferes with social progress.

It is generally recognized that economic growth is a basis for decrease the number of poor people in the country. According to Rosstat data the cash income growth of population in Russia over the last ten years period stimulated reduction of population size with income less than living wage from 42.3 to 18.5 mln. people. (fig. 1) [1].

In Tyumen region specific weight of people with cash income less than regional living wage in general reduced from 21,3% in 2000 to 9,6% in 2009. The most visible reduction of poverty level occurred in the south of the region (table 1) [2].

At the same time, world and domestic experience show that during the economic growth the problem of poverty is becoming more and more urgent in case income increase is accompanied with inequality in their allocation between different population groups.

To illustrate the values of inter-regional differentiation of people's income we'll analyze average per capita cash income in different territories of Tyumen region over a period of time from 2000 to 2009 [2].

Table 2 shows the significant difference in income per capita between northern autonomous districts and southern territories of the region in spite of slight reduction in breach value in the studied period. Thus, in 2009 average per capita income in Yamalo-Nenets autonomous district (38900 rur.) exceed the same income in the south of the region (1752 rur.) more than twice. In 2000 this indicator was 3.3. High earnings in KhMAO and YaNAO are stipulated by branch character of economics in these territories connected with production of fuel and energy resources, where salary is two times higher than the average in the region. Traditionally the lowest level of salary is monitored in agricultural areas of Tyumen region south.

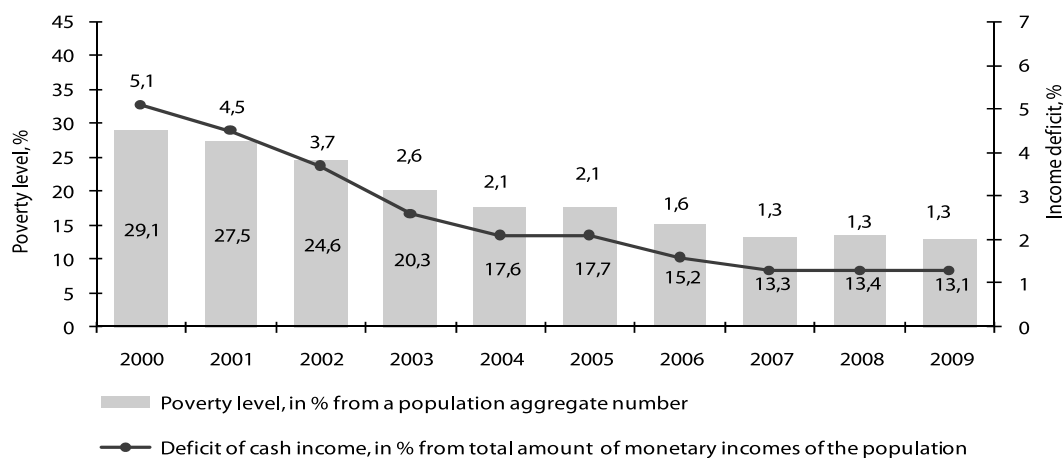
Alongside with inter-territorial, differentiation of income in all regions is enhanced. Thus, in Tyumen region distributing the total scope of cash income between 20% (quintile) groups, ranked according the growth of cash income, was characterized in 2000–2009 by inequality, tendency to concentrate earnings at certain groups, striking "removing" of middle class and not reducing gap between the rich and the poor. (table 3) [3].

By 2008 the share of the first quintile group of population (with the lowest cash income) on average for the region reduced up to 4.2%. At the same time cash income share in the second, third and fourth 20% groups reduced overall from 45 to 44,4%, that indicates worsening of material welfare in middle class. Insignificant increase of income share appropriated by the first three quintile groups took place in 2009, though general situation of income distribution was not influenced by that fact.

The share of the fifth quintile group of population (with the highest cash income) comprised during this period of time more than a half of total revenue. The difference between amount of income in the first and fifth groups increased from 11.5 times in 2000 up to 122 times in 2008, comprising in 2009 11.5 times.

Such distribution of income was typical for all areas of the region (figure 2). So, in spite of the fact that the processes of rising mobility are observed

¹ This research was partially financed by special-purpose programme of Ural Branch of Russian Academy of Sciences (UB RAS) supporting interdisciplinary research projects in collaboration with scientists of Siberian and Far East Branches of RAS and integrational project entitled "Socio-economic immunity of the region: diagnostics and prognosis of protectability to crisis phenomenon" (project 09-C-6-1001 "Diagnostics of condition, modelling of tendencies and prognosis of Russia's regions development until 2030").

Fig.1. Dynamics of level and depth of poverty in the RF based on macroeconomic data, %

Table 1

Percentage of population with income less than living wage in total population, %

	years									
	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Tyumen region (with autonomous districts)	21,3	15,4	15,8	12,7	12,2	11,6	11,2	10,8	10,4	9,6
Tyumen region (South)	29,5	27,5	24	20,5	16,5	15,3	11,7	10,8	9,5	12,2
KhMAO	11,8	9,3	11,6	10,6	10,1	7,7	7,7	7,5	7,4	8,7
YaNAO	11,1	9,3	7,7	8,0	7,3	8,7	7,1	6,8	6,6	7,8
Reference:										
RF	29,0	27,5	24,6	20,3	17,6	17,7	15,2	13,3	13,4	13,1

Table 2

Average per capita money incomes of population in different territories of Tyumen region, RUR

	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Tyumen region (with autonomous districts)	4935	7109	8559	10556	12191	14873	18622	22519	27612	27553
Tyumen region (South)	2267	3170	4271	5906	6468	8595	11118	13642	17336	17522
KhMAO	6628	9594	10846	12892	14972	18009	22380	27110	32872	32263
YaNAO	7563	10733	13298	15962	18868	21766	27081	31512	38133	38900
Reference:										
RF	2281	3062	3947	5170	6410	8112	10196	12603	14939	16886

Table 3

Distributing the total scope of population cash income in Tyumen region (including autonomous districts) in 2000-2009 (%)

	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Cash income- total	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
Including 20% groups of population:										
first (with the lowest income)	4,4	4,6	4,5	4,5	4,5	4,4	4,4	4,3	4,2	4,4
second	8,9	9,2	9,0	9,0	9,0	8,9	8,8	8,7	8,7	8,9
third	14,0	14,2	14,1	14,1	14,1	14,0	13,9	13,8	13,7	13,9
forth	22,1	22,2	22,2	22,2	22,2	22,1	22,0	22,0	22,0	22,1
fifth (with the highest income)	50,6	49,8	50,2	50,2	50,2	50,6	50,9	51,2	51,4	50,7

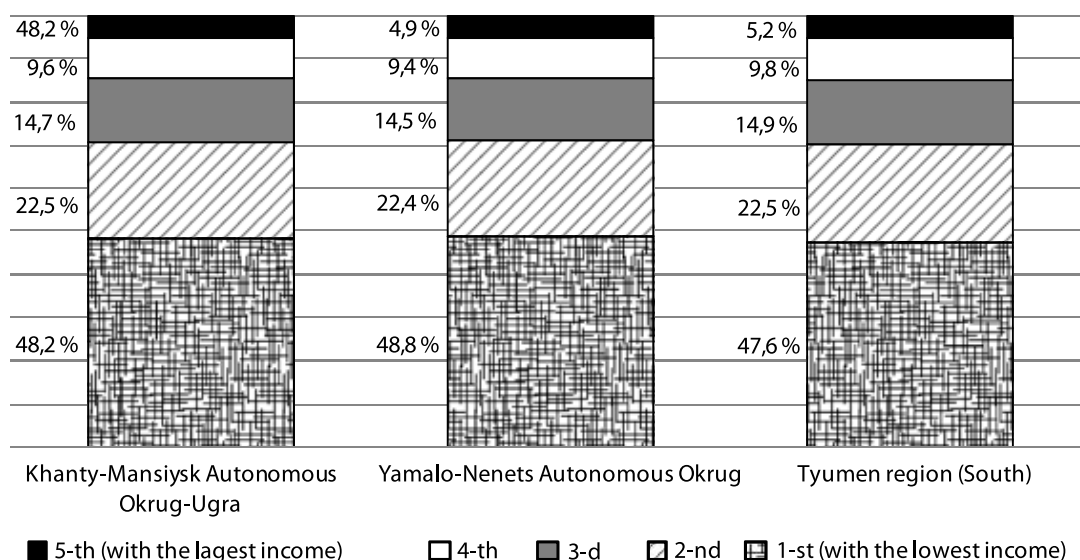

Fig. 2. Cash income according to 20-% groups of population in the areas of Tyumen region in 2009

in material differentiation, they are not of general character, located mainly in groups of population with average income. The upper group still concentrates a significant part of public wealth preserving the gap between it and other social layers.

General level of inequality in incomes reflects Gini coefficient values (index of revenue concentration) and decimal coefficient (funds coefficient). In 2009 index of revenue concentration for the population of the region (Gini coefficient), describing degree of violation for the real volume of income distribution from its regular distribution comprised 0,456 that is higher than All-Russian indicator (0,422). In Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug-Ugra Gini coefficient was 0,427; in Yamalo-Nenets Autonomous Okrug — 0,4343, in the south of the region it was 0,419. Comparing Gini coefficient value with the previous year it lowered per 2% [4]. General lowering of the coefficient testifies to partial

leveling of inequality in distribution of total revenue in society.

Inequality growth in distribution of population according to per capita revenue is affirmed by funds coefficient. Dynamics of funds coefficient in the given period was ambiguous (fig. 3). In the whole this coefficient was rather high. The lowest values of inequality indicators in revenue distribution were in 2000–2001. Further they began to grow and beginning with 2006 — they began to stabilize. This means that tendency of differentiation according to revenue still exists.

So, in spite of positive dynamics for average per capita cash income, social polarization in the region remains on the high level, this puts the brakes on solving poverty problems and unacceptable inequality level. Modern scientific investigations of poverty significantly extended approaches to defining and measuring of this social-economic phe-

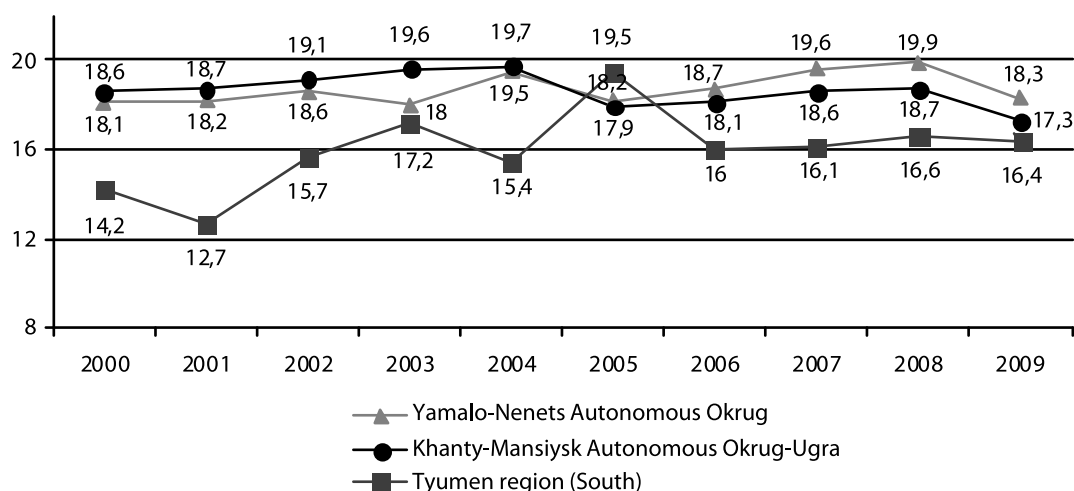

Fig. 3. Funds coefficient in the territories of Tyumen region in 2000–2009, times

nomenon. In practice special indicators Foster-Greer-Thorbecke: index of poverty number, index of poverty deficit P_1 , index of quadratic poverty deficit P_2 , and also Sen index (Sen A. K., 1995) were used to measure poverty of society and poverty of the poor. The necessity to study poverty indicators using the system of the mentioned indices is explained by shortcomings of separate indices. Thus, index of poor people specific weight (P_0) doesn't take into account degree and acuteness of this phenomenon. People with significant differences in income, being though beyond the poverty level are equalized in P_0 index.

Poverty index P_1 Foster-Greer-Thorbecke takes into account data of how low beyond the poverty level are people revenues, so this index defines poverty depth. Index of poverty acuteness (P_2) is calculated as root-mean-square value of relative poverty deficit. With this index poverty depth is measured, that gives more attention to the poorest layers of population. In other words, root-mean-square value of poverty depth takes into account inequality among the poor. Index P_2 is more useful, than simply specific weight of population number with revenues beyond the poverty level, for comparison measures aimed at improvement situation for disadvantaged population in the course of time. Thus indices of poverty depth and acuteness are rather important additional indicators illustrating poverty differentiation.

Common formula for indicators of this class depends on the value of parameter a , which is equal to 0 — for population beyond the poverty level, 1 — for poverty depth and 2 — for poverty acuteness, in the following formula:

$$P_a = \frac{1}{n} \sum_{i=1}^q \left[\frac{z - y_i}{z} \right]^a,$$

where y_i — income of i -person, beyond the poverty level, z — poverty level.

Table 3 presents values of indices P_1 and P_2 and Sen index. These indices have been found using method of simple interpolation. Methods of calculating coefficients has been suggested by professor Kakwani (Kakwani, 1990) [5]. Indicators of revenue inequality for different territories of Tyumen region in 2000–2009 are given in table 4.

Analysis of the values of these coefficients allows to define directivity of social policy in the region serving to reduce poor population. Thus, the most significant reduction of poverty index comparing to other indices indicates that government took measures for growth of wellbeing not for a separate group of people but aimed at creating conditions for the growth of total revenues in the country. Improvement macroeconomic situation in the country and creation of additional working places, increasing people income, reduces first of all the number of “nearly poor” people, i. e. people with income insignificantly being above the poverty level. In case the root-mean-square value of poverty deficit reduces quicker, it means that the government provides selective assistance with the help of transfers and tries to reduce the poorest group of people. Fast reduction of poverty deficit shows that the government takes care of all the groups of poor people.

In 2009 13% of the poor were at the abject poverty level, the share of the poor was 12.2% from the total number of population. Indicator P_2 was 0.021, i. e. 2.1% of the poor had income approximately

Table 4

Indicators of revenue inequality for different territories of Tyumen region

indicator	years										
	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010*
Tyumen region (South)											
Sen index	0,223	0,170	0,177	0,143	0,137	0,160	0,165	0,160	0,130	0,132	0,126
P_1	0,243	0,210	0,197	0,198	0,176	0,144	0,148	0,157	0,130	0,110	0,10
P_2	0,124	0,110	0,115	0,110	0,074	0,057	0,072	0,024	0,032	0,021	0,009
Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug (KhMAO)											
Sen index	0,120	0,103	0,109	0,097	0,089	0,081	0,079	0,071	0,068	0,085	0,063
P_1	0,118	0,093	0,116	0,106	0,101	0,078	0,077	0,075	0,074	0,087	0,068
P_2	0,014	0,009	0,014	0,012	0,011	0,006	0,006	0,006	0,006	0,008	0,004
Yamalo-Netets Autonomous Okrug (YaNAO)											
Sen index	0,120	0,102	0,081	0,083	0,08	0,085	0,069	0,067	0,065	0,080	0,120
P_1	0,111	0,093	0,077	0,080	0,072	0,087	0,0708	0,068	0,066	0,078	0,062
P_2	0,012	0,009	0,006	0,006	0,005	0,008	0,005	0,005	0,004	0,006	0,004

* — calculation based on prognosis

equal to a quarter of living wage and belonged to the category of poor people. Income of an average poor person in Tyumen region south was approximately 11% beyond the poverty level, that is, poverty in the region is not deep.

In the northern autonomous districts the share of the poor in total population was 8.7% in KhMAO and 7.8% in YaNAO, and at the abject poverty level were 8.5 and 8% accordingly. The share of the poor in the northern territories is insignificant (0.6–0.7%). Poverty depth in autonomous districts is also less than in the south of the region.

The root-mean-square value of poverty deficit was reduced at the highest rate. In 2000–2009 in the south of the region it was reduced more than 80%, in KhMAO — 43%, in YaNAO — 67%. Lower rates of reduction showed index of poverty deficit. So, evaluating dynamics of estimate indicators one can conclude that during 2000–2009 the policy conducted at the territory of the whole Tyumen region was directed on the reduction of the poorest population number. But increase of social grants to this group of population at the expense of social benefits doesn't allow to solve the problem of poverty fundamentally because on the one hand, such measures don't influence inequality and relative poverty properly, on the other hand, they may be the reason of inflation increase and at last they don't eliminate reasons for reproduction relative poverty and don't reduce its scale.

Active policy of social protection should be conducted more intensively. New additional stimulating measures are necessary that will increase “self-supporting” benefits of a family. And some positive experience has been accumulated in the region. Thus, in the south of the region the government has lately conducted not only passive policy protecting socially vulnerable people by paying social allowances that increase revenue of low-income families up to the regional living-wage but active policy as well. It is directed to creation of new facilities for processing agricultural products, to render support to low-income families for development personal subsidiary plots, family, private enterprises using budget funds, so the regional government created conditions helping to increase living standards for all population of the region.

Improvement of situation with the poor may take place as a result of complex social policy aimed at reduction of income inequality by elimination of deformations in distribution and bring distribution mechanisms into accord with world standards. The major part of working people's income is salary at a principal working place, additional job, subsidies and benefits are of less importance. Therefore, state measures aimed at poverty reduction should be directed first of all on radical reforming of salary. But these measures don't reduce level of income inequality in the regions. That's why regional authorities have to pay much attention to fulfilling programs that go beyond the narrow definition of social protection, in particular, programs for increase effectiveness of labour market, quality of labour force and education, etc. Besides, efficient policy in health care, environment protection, development of proper living conditions will stipulate decrease in society social polarization.

In conclusion it is necessary to mention that in the process of working out regional programs aimed at poverty reduction and increase of population's living conditions, it is extremely important to analyze situation from the point of view of social-economic inequality and to choose measures that are aimed at reduction of parasitical attitude of mind among able-bodied citizens, increase of human potential quality and also providing conditions for their realization.

References

1. Russia in figures — 2010 // Federal service of governmental statistics [electronic resource]. Access — www.gks.ru
2. Social status and living standards of Russian population. 2010: statistical collection of data // Federal service of governmental statistics [electronic resource]. Access — www.gks.ru
3. Social-economic poverty indicators/statistical newsletter- 2009 // Federal service of governmental statistics [electronic resource]. Access- www.gks.ru
4. Regional body for Federal government statistics service in Tyumen region. [electronic resource]. Access — www.tumstat.gks.ru
5. Foster J., Greer J., Thorbecke E. A class of decomposable Poverty Measures, *Econometrika* 52 (3), 761–766.

УДК: 316.344.233 (571.12)

keywords: poverty level, social-economic differentiation, funds coefficient, Gini index, number of the poor index, poverty acuteness, poverty depth, social protection, passive and active policy of social protection

ПРОБЛЕМЫ ОЦЕНКИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В КОНТЕКСТЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО БОГАТСТВА РЕГИОНОВ РОССИИ¹

А. Л. Мызин, И. А. Гурбан

В статье предложен новый теоретико-методологический подход к измерению состояния и уровня развития человеческого капитала в регионах Российской Федерации, основанный на качественном индикативном анализе. Выделены составляющие человеческого капитала, характеризующие области его формирования: демографический, образовательный, трудовой, научно-исследовательский и социокультурный капиталы. Предложенный методический аппарат, основанный на натуральных оценках человеческого капитала, позволяет совместить в единой диагностической системе как параметры, напрямую относимые к человеческому капиталу, так и факторы среды, в которой происходит его формирование.

В настоящее время в рамках новой парадигмы развития общества, ориентированной на формирование постиндустриальной инновационной экономики (экономики знаний) и информационного общества и обеспечение высокого качества жизни, человеческому капиталу отводится роль движущей силы экономического развития. Основными вопросами исследований являются: определение содержательного наполнения данного понятия, способы его качественной оценки и количественного измерения, определение его вклада в социально-экономическое развитие.

Человеческий капитал — одна из наиболее трудных для оценки составляющих национального богатства, поскольку его содержание многомерно, существующие подходы к его измерению и получению качественных характеристик зачастую упускают из виду те или иные его аспекты.

На сегодняшний день развитие экономики знаний и, соответственно, теории человеческого капитала как ее научной базы продолжается, расширяется определение категории «человеческий капитал» относительно ее первоначального содержания (традиционно категория определялась только как инвестиции, в резуль-

тате вложения которых повышалась способность индивида к труду). Человеческий капитал на сегодняшний день относят к интенсивным производительным факторам формирования и развития инновационной экономики, общества и человеческой личности, обеспечивающим эффективное и рациональное функционирование общества и государства. Потребность углубленного понимания роли человека и накопленных результатов его интеллектуальной деятельности вышла за пределы анализа классической экономической категории «рабочая сила», которая, по существу, является реализуемым трудовым потенциалом человека [1].

В новом понимании человеческий капитал должен оцениваться как своеобразная форма капитала, включающая накопленные в процессе жизнедеятельности на основе практического опыта и в результате инвестиций запасы здоровья, навыков, способностей, мотиваций к производительному труду, знаний и компетенций индивидов, имеющих экономическую ценность, обеспечение возможностей их реализации в направлении роста благосостояния отдельных экономических субъектов и национального богатства страны в целом. Под инвестициями в человеческий капитал понимаются вложения в процесс социального воспитания, образования, профессионального и культурного обучения индивидов.

За время развития теории человеческого капитала возникли различные подходы к его измерению, которые можно укрупнено классифицировать следующим образом: ориентированные на создание либо использование человеческого капитала — доходный и затратный подходы; ориентированные на единицы измерения результатов оценки — натуральные, стоимостные или индексные.

Подходы, ориентированные на создание человеческого капитала, измеряют некоторые совершенные в прошлом усилия и произведенные вложения в процесс формирования человеческого капитала (затратный подход). Результаты измерений в денежном выражении отражают стоимостную оценку инвестиций в развитие человека и присущего ему капитала.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ №11-32-00323а2 «Человеческий капитал как основа инновационного развития».

Результаты, основанные на затратном подходе, не способны полностью оценить количество накопленного человеческого капитала по следующим основным причинам. Не весь объем инвестиций, ранее направленный на формирование человеческого капитала, трансформируется непосредственно в человеческий капитал, часть этих инвестиций направляется на потребительские расходы. Учесть собственный труд человека по формированию человеческого капитала удается только через подсчет потерянных во время обучения возможных заработков, что само по себе неточно. Затратный подход не оценивает эффективность человеческого капитала.

В противоположность ему доходный подход, измеряющий результаты произведенных вложений в формирование капитала, то есть приносимую денежную отдачу от его использования, ориентирован на использование человеческого капитала. Он предполагает оценку получаемых занятым населением доходов, которые отражают отдачу на средства, вложенные в его профессиональную подготовку, и ориентирован на капитализацию дохода, отражая накопление человеческого капитала [2, с. 92]. Измерение по доходам нацелено на определение накопленного человеческого капитала через уже полученные и будущие выгоды от его использования. Оно связано с рядом трудностей, приводящих к существенным искажениям результатов оценки. Во-первых, отдача, получаемая от реализации равноценного человеческого капитала, может различаться в несколько раз, поскольку зависит от ситуации на рынке труда, дифференциации доходов в зависимости от отрасли и региона, распределения дохода между субъектами, уровня безработицы и пр. Во-вторых, вероятность достоверного прогноза конъюнктуры рынка труда и риска безработицы крайне низка. В-третьих, не существует механизма разграничения доходов на человеческий капитал и другие факторы производства. В-четвертых, доходный подход не учитывает неденежные выгоды от использования человеческого капитала, которые тем значимее, чем выше его накопленный уровень [5].

Сравнительно новым является подход Всемирного банка к измерению человеческого капитала. Всемирный банк рассматривает национальное богатство как сумму природного, произведенного (физического) и нематериального (человеческого и социального) капитала, которая рассчитывается через стоимость буду-

щего валового потребления за 25 лет (среднее время смены поколений). Произведенный капитал оценивается по величине инвестиций, природный — по запасам полезных ископаемых и их будущей ренте. Нематериальное богатство (человеческий и социальный капиталы) непосредственно не рассчитывается, а рассматривается как разность между величиной национального богатства и суммой произведенного и природного капитала. Применение этого подхода также столкнулось с трудностями соизмерения разноразмерных величин.

В последнее время значительный интерес проявляется к разработке нового, *представительного подхода* к оценке человеческого капитала. Его применение основано на измерении человеческого капитала индикаторами, отражающими составные части его формирования, и расценивается как перспективное для межтерриториальных и межкатегориальных сравнений. Однако его применение сопряжено с трудностями обоснования состава учитываемых показателей, разработкой технологии их оценки и приведением к единой основе [5, с. 11]. Ниже нами предлагается методический подход, позволяющий преодолеть возникающие трудности.

Для оценки человеческого капитала как составляющей части национального богатства предлагается применять методологию индикативного анализа. Благодаря использованию квалиметрического метода, эта методология позволяет определить степень соответствия достигнутых на рассматриваемый момент времени или прогнозируемых значений индикативных показателей (критериальных показателей уровня развития человеческого капитала) тем пороговым значениям, которые отвечают требованиям цивилизованного развития социума, обеспечения условий устойчивого развития и экономической безопасности территории с учетом достигнутого уровня и поставленных целей развития. Такой подход не ставит цель свести многоплановое понятие человеческого капитала к единому измерителю. Безуспешность такого сведения доказывается всем предшествующим опытом. Наоборот, он ставит цель раскрыть многогранность человеческого капитала, оценить все стороны его формирования, то есть дать оценку его состояния.

Предлагаемый методический подход оперирует следующими понятиями.

Индикативный показатель (индикатор) состояния человеческого капитала территории —

это критериальный показатель уровня развития соответствующей составляющей человеческого капитала или значения фактора, существенно определяющего уровень его развития.

Пороговое значение индикатора человеческого капитала — это такое значение индикатора, которое означает достижение пограничного состояния между двумя смежными качественно различающимися уровнями состояния человеческого капитала по рассматриваемой его составляющей.

Исходный показатель формирования состояния человеческого капитала — это показатель, который используется при определении индикаторов как характеристика какого-либо свойства человеческого капитала или процесса его создания. Исходные показатели используются при расчете значений индикаторов или условий их формирования по определенным правилам, заданным методикой диагностики человеческого капитала. В частности, некоторые из исходных показателей могут непосредственно представлять собой индикаторы.

Искомая степень соответствия достигнутых на рассматриваемый момент времени или прогнозируемых значений индикаторов представляет собой **уровень человеческого капитала** (оценка его состояния) — это условный показатель, характеризующий качественное состояние человеческого капитала территории по рассматриваемому индикатору или интегрально для некоторой группы показателей (объединенных общими признаками или характеризующих одну из его составных частей) или интегрально оценивающий его степень развития и результирующее состояние территории.

Оценки человеческого капитала по каждому из индикаторов и их групп подразделяются на следующие выделенные нами качественно различающиеся уровни состояния (в скобках через запятую приведены обозначения уровней и балльных оценок, необходимых впоследствии для получения интегральных оценок состояния человеческого капитала по группам индикаторов, характеризующим сферы деятельности по его созданию, и для оценки состояния в целом):

- весьма низкий (ВН, 0);
- низкий (Н, 1);
- удовлетворительный (У, 2);
- средний (С, 3);
- хороший (Х, 4);
- высокий (В, 5);
- весьма высокий (ВВ, 6).

Разработана методика расчета, позволяющая получить классификацию состояний, диагностическую картину территориального распределения состояния человеческого капитала в целом и по его составляющим, а также по группам индикаторов и отдельным индикативным показателям.

Для определения интегральных оценок уровней и состояния человеческого капитала для групп индикаторов необходимо приведение индикаторов, выраженных в различных единицах измерения, к сопоставимому виду. Для этого предварительно осуществляется перевод именованных значений индикаторов в нормализованную форму, в которой все они выражаются в относительных единицах.

Изложенная методика позволяет получить оценки и классифицировать территории по уровням составляющих человеческого капитала, представленных его индикативными показателями. Для решения задачи диагностирования состояния человеческого капитала по группам индикаторов, характеризующих сферы деятельности по его созданию, а затем и оценки состояния человеческого капитала в целом разработаны два способа оценки. Один из них связан с расчетом средневзвешенных индикативных оценок для выделенных групп (блоков) индикаторов и сравнением их с также рассчитанными пороговыми уровнями. Другой основан на получении балльных оценок для групп. Сравнение нормализованных оценок по группам с пороговыми значениями, делает возможным классифицировать состояние человеческого капитала по рассматриваемой группе и присвоить ей балльную оценку.

Выполнение расчетов для годов ретроспективного, а при расчете прогнозных показателей перспективного периода позволяет также получить динамические характеристики накопления человеческого капитала и изменения уровней его по составляющим, их выделенным группам и отдельным индикаторам. Диагностическая картина может быть изображена картографически, а также в виде временных характеристик и ландшафтных диаграмм.

Диагностика человеческого капитала проводится по следующим выделенным видам капитала (индикативным группам), структура которых приведена на рис. 1:

- демографический капитал;
- образовательный капитал;
- трудовой капитал;
- научно-исследовательский капитал;
- социокультурный капитал.

Рис. 1. Структура индикаторов оценки человеческого капитала

Предложенный методический аппарат в рамках представительного подхода, основывающегося на натуральных оценках человеческого капитала, позволяет совместить в единой диагностической системе как параметры, напрямую относимые к человеческому капиталу, так и факторы среды, в которой происходит его движение.

Демографический капитал оценивается по состоянию человеческих ресурсов и воспроизводственного потенциала населения. Детальное исследование демографических характеристик населения регионов России приведено в [6], однако для целей данного исследования целесообразно ограничиться анализом лишь ключевых показателей, которые представлены на рис. 1.

Подробное исследование уровня благосостояния населения приведено в работах, посвященных качеству жизни населения регионов России [3]; для целей данного исследования необходимо включение нескольких основных показателей, характеризующих состояние доходов и структуру распределения населения по доходам.

Ниже в качестве примера применения разработанной методики приводятся некоторые результаты оценки научно-исследовательского капитала субъектов Уральского федерального округа за период 2001–2009 гг.

В табл. 1 приведены результаты расчета по индикатору численности персонала, занятого исследованиями и разработками, на 10000 человек населения, занятого в экономике.

Таблица 1
Результаты расчета по индикатору удельной численности персонала, занятого исследованиями и разработками (чел/10000 чел. населения, занятого в экономике)

Наименование округов и субъектов	2001 г.			2006 г.			2009 г.		
	Значение	Состояние	Место	Значение	Состояние	Место	Значение	Состояние	Место
Уральский федеральный округ	91,01	X	—	81,24	X	-	68,74	У	—
Курганская область	38,43	У	3	21,90	Н	4	19,75	ВН	5
Свердловская область	131,15	ВВ	1	118,73	ВВ	1	97,56	В	1
Тюменская область	26,06	Н	4	32,76	У	5	31,91	У	4
Ханты-Мансийский автономный округ	13,81	Н	5	24,93	У	3	25,29	С	3
Ямало-Ненецкий автономный округ	2,29	ВН	6	3,12	Н	6	2,29	ВН	6
Челябинская область	127,68	ВВ	2	104,03	ВВ	2	87,50	X	2

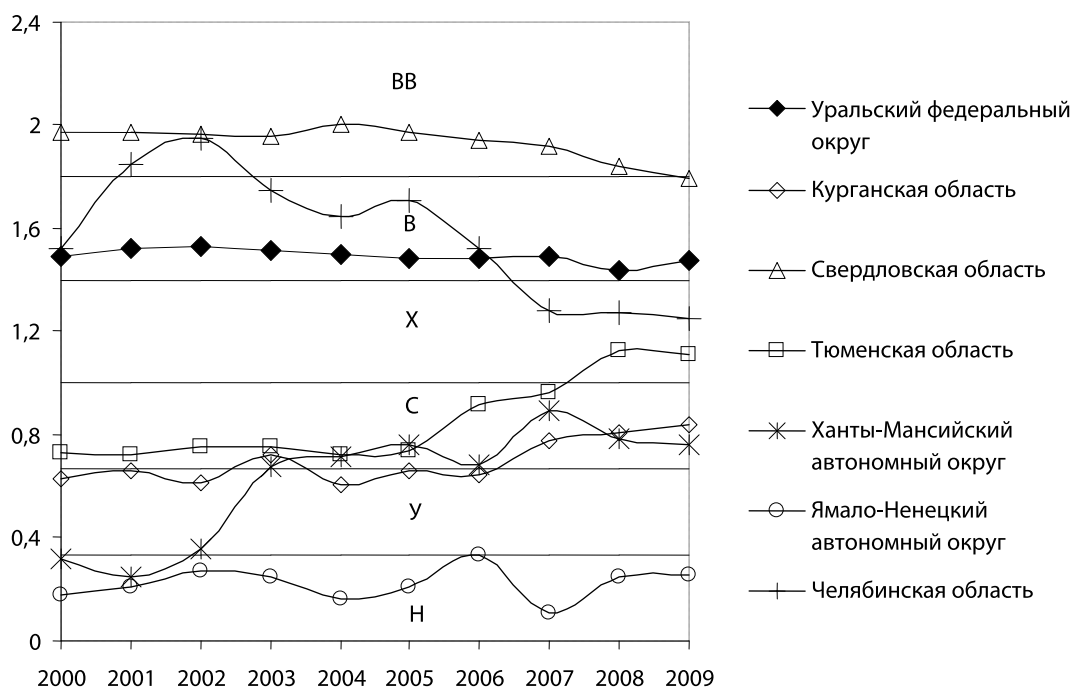

Рис. 2. Динамика изменения научно-исследовательского потенциала субъектов УрФО в 2000–2009 гг.

Состояние данного индикатора, наряду с состоянием индикаторов численности исследователей с учеными степенями доктора и кандидата наук и индикатора поступления патентных заявок на интеллектуальную собственность, формирует состояние научно-исследовательского потенциала человеческого капитала территории (рис. 2). Как видно из рис. 2, в целом в УрФО и в большей части его субъектов (за исключением Тюменской области с автономными округами) произошло некоторое снижение научно-исследовательского потенциала на фоне того, что в целом по УрФО его уровень за исследуемый период был стабильно высоким. Лидером по уровню научно-исследовательского потенциала является Свердловская область, хороший уровень в Челябинской об-

ласти, к аутсайдерам можно причислить Ямало-Ненецкий автономный округ.

В табл. 2 приведены данные по числу созданных передовых производственных технологий на 10000 человек, занятых исследованиями и разработками. Состояние данного индикатора, наряду с состоянием индикатора удельного объема инновационных товаров, работ, услуг и индикатора удельной выдачи патентов на интеллектуальную собственность, формирует результативность научно-исследовательской деятельности, состояние которой за исследуемый период приведено на рис. 3.

По данным, приведенным на рис. 3, видно, что высоким уровнем результативности научно-исследовательской деятельности обладают территории, как раз не обладающие высоким на-

Таблица 2

Результаты расчета по индикатору удельного числа созданных передовых производственных технологий (чел/10 000 персонала, занятого исследованиями и разработками)

Наименование округов и субъектов	2001 г.			2006 г.			2009 г.		
	Значение	Состояние	Место	Значение	Состояние	Место	Значение	Состояние	Место
Уральский федеральный округ	19,96	В	—	20,05	В	—	10,05	С	—
Курганская область	5,96	Н	5	21,16	ВВ	4	12,50	Х	3
Свердловская область	22,43	ВВ	4	22,22	ВВ	5	10,00	С	4
Тюменская область	68,51	ВВ	3	55,31	ВВ	2	16,67	ВВ	2
Ханты-Мансийский автономный округ	241,67	ВВ	2	41,06	ВВ	3	4,55	Н	6
Ямало-Ненецкий автономный округ	273,97	ВВ	1	180,18	ВВ	1	125,00	ВВ	1
Челябинская область	6,49	Н	6	4,56	Н	6	7,14	У	5

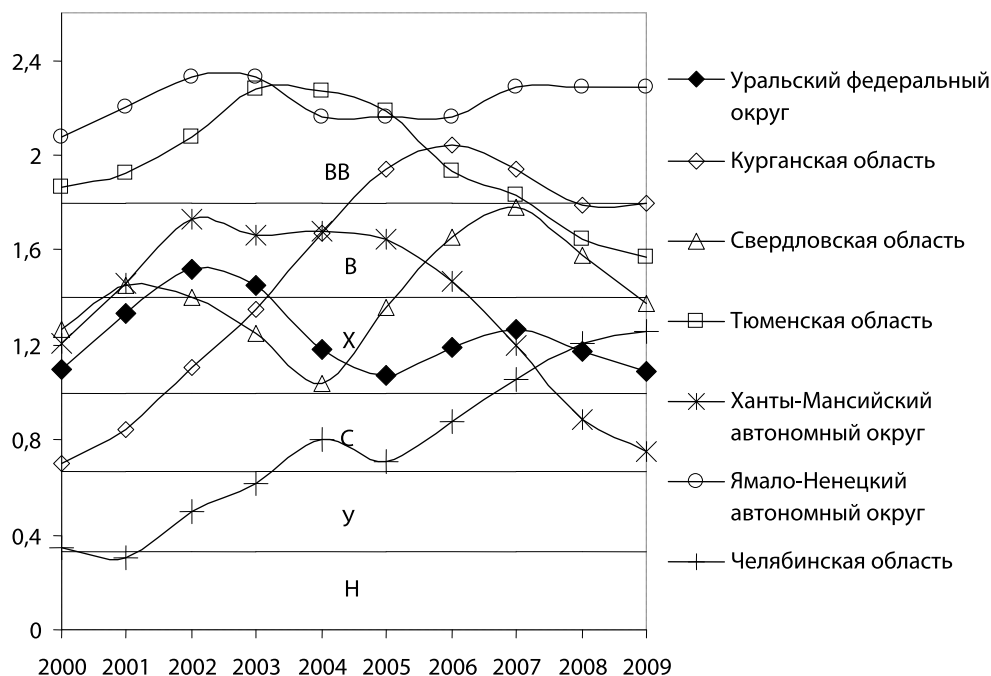

Рис. 3. Динамика изменения результативности научно-исследовательской деятельности субъектов УрФО в 2000–2009 гг.

учно-исследовательским потенциалом: Ямало-Ненецкий автономный округ и Тюменская область в целом, а потенциально успешная Свердловская область обладает нестабильными и средними показателями результативности. Такая ситуация сложилась в силу того, что на фоне сравнительно низкого числа исследователей, работающих в Ямало-Ненецком автономном округе, проявляются высокая активность и результативность научно-исследовательской деятельности. В настоящее время Ямало-Ненецкий округ является интенсивно развивающейся газодобывающей территорией, где сами условия развития диктуют внедрение инновационных технологий.

Полученные оценки демонстрируют возможности разработанной методики. Использованные при их расчете пороговые значения были получены экспертным путем. Однако из приведенных результатов видны определенные преимущества применения индикативного анализа к оценкам человеческого капитала и его состояния. Метод позволяет соразмерно сопоставить различные части человеческого капитала территорий и выявить влияние ключевых факторов его формирования, то есть обеспечивает комплексность анализа человеческого капитала и процессов его движения. Кроме того, предложенный подход удобно использовать

для сравнительного сопоставления территорий, особенно территорий регионов страны по уровням развития человеческого капитала и его составляющих.

Список литературы

1. Белкин В. Н., Виноградова В. Ю. Инновационная активность человеческого капитала. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2009. 74 с.
2. Васильева Е. Анализ методологических подходов к измерению человеческого капитала // Федерализм. 2010. №1. С. 89-96.
3. Васильева Е. В., Куклин А. А., Леонтьева А. Г. Социальная защита населения, ее роль в повышении качества жизни в регионах России // Уровень жизни населения регионов России. 2010. №9 (151). С. 22-31.
4. Моделирование устойчивого развития как условие повышения экономической безопасности территорий / А. И. Татаркин, Д. С. Львов, А. А. Куклин, А. Л. Мызин. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. 276 с.
5. Соболева И. В. Парадоксы измерения человеческого капитала. Научный доклад. М.: Институт экономики РАН, 2009. 50 с.
6. Черешнев В. А., Куклин А. А., Черепанова А. В. Развитие теоретико-методического подхода к прогнозированию социально-демографического развития региона // Экономика региона. 2010. № 2. С. 38-46.

УДК (330.14:331.101.2):330.52(1)

ключевые слова: человеческий капитал, национальное богатство, инновационная экономика, региональный анализ, социально-экономическое развитие, индикативный анализ

ISSUES OF HUMAN CAPITAL ASSESSMENT IN THE CONTEXT OF RESEARCH INTO THE NATIONAL WEALTH OF THE RUSSIAN REGIONS¹

A. L. Myzin, I. A. Gurban

A new theoretical and methodological approach to measurement of state and level of human capital development in the regions of the Russian Federation based on the qualimetric indicative analysis is put forward in the paper. Human capital components specifying the areas of its generation are outlined: demographic, educational, labour, research and socio-cultural capital. The suggested systematic instrument based on natural assessment of human capital allows integrating both parameters relative directly to the human capital, and factors of environment that generates it into a single diagnostic system.

At present human capital is considered as a driving force of economic development under the new paradigm of social development focused on generation of post-industrial innovation economy (economy of knowledge) and information-oriented society and securing high quality of life. The main issues in the context of the research are: specification of the substance of the given concept, means of the concept qualitative assessment and quantitative measurement, evaluation of the concept's contribution to the socio-economic development.

Human capital is one of the national wealth components that are most hard to be assessed, so far as its substance is multidimensional; the existing approaches to human capital measurement and obtaining attribute characteristics often fail to take certain aspects into account.

As of today, progress of economy of knowledge and, thereafter, the human capital theory as the scientific basis for it, is under way; it extends the concept of the "human capital" category in reference to its initial substance (the category was defined only as investment with capability of an individual for labour grown as a result of it). At present, human capital is referred to intense productive factors of generation and development of innovation economy, society and human personality, securing efficient functioning of the state and society. The need for profound understanding of a role of a human being and results of his intellectual activity is now beyond the analysis of the classical economic category "labour force", which is in essence actualized labour potential of a human being [1].

A new concept of *human capital* is to be understood as a peculiar form of capital comprising the stock of a person's health, skills, ability, motivation for productive labour, knowledge and competence, accumulated as a result of human activity, experience and *investment*, having economic value, securing possibilities for their implementation in order to increase welfare of particular economic agents and national wealth as a whole. *Investment in human capital* is referred to as contribution to the process of social, professional and cultural education of individuals.

Under the progress of the human capital theory various approaches to its measurement have appeared; they can be classified as follows: income and expenditure approaches – focused on generation or utilization of human capital; natural, cost-based or index approaches – focused on measuring units of assessment results.

Approaches focused on human capital generation measure particular efforts and contributions to the process of human capital generation (expenditure approach). Measurement results in money terms demonstrate cost estimate of investment in development of an individual and inherent capital.

The results based on the expenditure approach cannot assess completely the amount of the accumulated human capital due to the following reasons: not all the investment that was previously intended for human capital generation transforms straight to the human capital; a certain part is referred to consumer expenditure. Proper human work aimed at human capital generation can be taken into account only by estimation of probable income lost in the process of education, which is inaccurate of itself. The expenditure approach does not assess human capital efficiency.

In contrast, the income approach is focused on human capital utilization; it measures the results of contributions made to human capital generation, i.e. monetary return from its utilization. The income approach assumes assessment of the employed population income, which reflects the return of the means invested in his professional training, and which is focused on income capitalization, reflecting human capital accumulation [2, p. 92]. Measurement in terms of income is aimed at determination of the accumulated human capital through current and fu-

¹ The paper is completed with financial support from the Russian Humanitarian Research Foundation grant №11-32-00323a2 "Human capital as a basis for innovation development".

ture benefits of its utilization. Such measurement is concerned with certain problems that result in substantial distortion of the assessment results. First, return from equivalent human capital realization may differ several times as much, since it depends on the labour market condition, income differentiation subject to branch and region, distribution of income between agents, unemployment rate etc. Second, plausibility of reliable prediction of the labour market condition and unemployment risk is extremely low. Third, no instrument of income differentiation into human capital and other factors of production exist. Fourth, the income approach does not allow for non-monetary benefits from human capital utilization, which are the more significant, the higher the degree of accumulation [5].

An approach to human capital measurement by the World Bank is comparatively new. The World Bank considers national wealth as a sum of natural, produced (physical) and nonmaterial (human and social) capital; the sum is calculated in terms of the cost of the future gross consumption for 25 years (average time of alternation of generations). Produced capital is estimated according to investment amount, and natural capital – according to mineral reserves and their future rent. Nonmaterial wealth (human and social capital) is not calculated as such, but it is considered as a difference between the national wealth value and a sum of produced and natural capital. The given approach faced the difficulty with regulation of differently dimensional values as well.

Development of a new *representative approach* to human capital assessment has been a matter of great concern recently. Application of the given approach is based on human capital measurement by indicators specifying component parts of its generation, and it is considered as a promising approach for inter-territorial and inter-category comparison. However, application of the given approach is concerned with difficulty to substantiate a composition of the values considered, to develop a technique to assess the given values and reduce them to a single ground [5, p. 11]. Further we suggest a systematic approach that allows getting over the difficulties occurred.

In order to assess human capital as a component part of the national wealth, an indicative analysis technique is suggested that it be applied. Application of the given technique [4] is considered to be appropriate since by way of the qualimetric technique it is possible to determine a degree of conformity of the current or predicted values of indicative rates (criterion rates of the human capital development level)

to the threshold values that meet the requirements of civilized development of the society, securing conditions for sustainable development and economic security of territories with the obtained level and set goals of development taken into consideration. Such an approach is not aimed at reduction of the multidimensional concept of human capital to a single index. Inefficiency of such reduction is proved by the prior experience. In contrast, it is aimed at discovering manysidedness of human capital and assessing all the stages of its generation, i. e. *estimating its condition*.

The suggested systematic approach handles the following concepts:

Indicative rate (indicator) of human capital condition in a territory is a criterion index of development level of the corresponding component of the human capital, or a value of the factor that determines substantially a level of its development.

Threshold value of a human capital indicator specifies a borderline state between two adjacent and different in quality levels of human capital state in terms of the relative component.

Initial index of generation of human capital state is used for specification of indicators as description of a certain attribute of human capital or a process of its generation. Initial indices are used for calculation of indicators' values or conditions of their generation according to particular rules set by the human capital diagnostics technique. Specifically, some of the initial indices may appear as indicators proper.

The required degree of conformity of the current or predicted indicator values appears as a *level of human capital* (state estimate). That is a conventional index specifying qualitative state of the human capital in the territory in terms of the considered indicator or integrally for a certain group of indicators combined according to common features or specifying one of its component parts, or estimating integrally the degree of its development and resultant state of the territory.

Human capital estimates for each indicator or a group of indicators are divided into the following state degrees different in quality (in brackets there is denomination of levels and numerical scores required for further obtaining integral estimates of human capital state according to the groups of indicators specifying scopes of activity in terms of human capital generation, and for assessment of general state):

- rather low (RL, 0);
- low (L, 1);
- satisfactory (S, 2);
- average (A, 3);

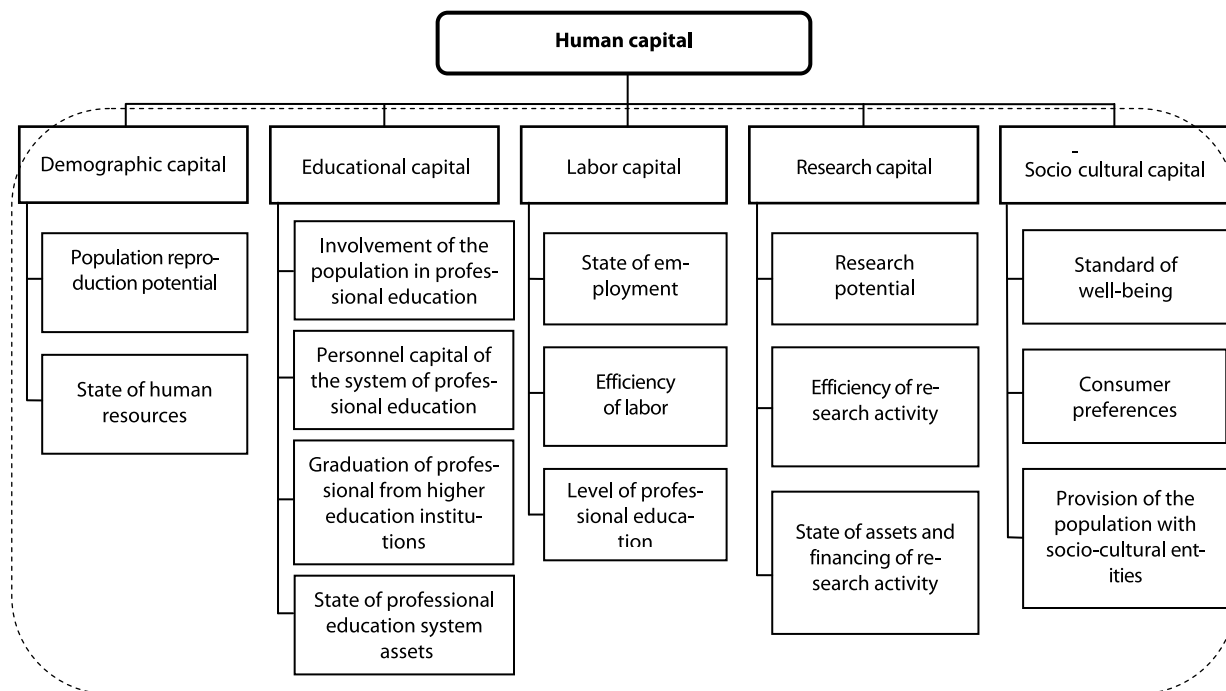

Fig. 1. Structure of human capital estimate indicators

- good (G, 4);
- high (H, 5);
- rather high (RH, 6).

A calculation technique that allows obtaining classification of states and a diagnostic pattern of territorial distribution of human capital state in general and in terms of its components, as well as in terms of groups of indicators and single indicative rates was developed.

To specify integral estimates of degrees and state of human capital for groups of indicators, reduction of indicators expressed in different measuring units to a comparable form is required. To accomplish that, denominate values of indicators are to be previously normalized, i. e. expressed in relative units.

The given technique allows obtaining estimates and classifying territories in terms of levels of human capital components represented by relative indicative rates. To solve the problem of diagnosing human capital state in terms of groups of indicators specifying activity scopes in reference to human capital generation, and then estimating human capital state in general, two assessment methods were developed. The first one assumes calculation of weight-average indicative estimates for the selected groups (blocks) of indicators and their comparison with the calculated threshold levels. The second method is based on obtaining numerical scores for the groups. When normalized estimates within the groups are compared with threshold values, classification of human

capital state in reference to the considered group and providing it with a numerical score is possible.

Calculation for retrospective and perspective (for estimate of prediction rates) periods allows specifying dynamic behavior in terms of human capital accumulation and measuring levels according to its components, selected groups of components and particular indicators. The diagnostic pattern can be represented cartographically, and in the form of time characteristics and landscape diagrams.

Human capital diagnostics is accomplished with reference to the following selected types of capital (indicative groups). Their structure is given in Figure 1:

- demographic capital;
- educational capital;
- labour capital;
- research capital;
- socio-cultural capital.

The suggested systematic (representative) approach based on natural assessment of human capital, allows integrating both parameters directly referred to human capital, and environment factors into a single diagnostic system.

Demographic capital is estimated in terms of condition of human resources and population reproduction potential. A comprehensive research into demographic character of population of the Russian regions is given in [6]; however, it is appropriate to restrict the present research to analysis of the key rates, which are given in Figure 1.

Table 1
Calculation results for the indicator of specific headcount of staff engaged in research and development (persons/10 000 people employed in the field of economy)

Name of districts and subjects	2001			2006			2009		
	Value	State	Place	Value	State	Place	Value	State	Place
Ural Federal District	91.01	G	—	81.24	G	—	68.74	S	—
Kurgan region	38.43	S	3	21.90	L	4	19.75	RL	5
Sverdlovsk region	131.15	RH	1	118.73	RH	1	97.56	H	1
Tyumen region	26.06	L	4	32.76	S	5	31.91	S	4
Khanty-Mansijsk Autonomous District	13.81	L	5	24.93	S	3	25.29	A	3
Yamalo-Nenets Autonomous District	2.29	RL	6	3.12	L	6	2.29	RL	6
Chelyabinsk region	127.68	RH	2	104.03	RH	2	87.50	G	2

A detailed research into the standard of well-being is presented in the works dedicated to quality of life in Russian regions [3]; for the purpose of the present research, several basic rates specifying an income state and a population distribution structure in terms of income are to be included.

Further, to illustrate application of the developed technique, assessment results for the research capital of the Ural Federal District Subjects for 2001–2009 are given.

Table 1 provides the calculation results for the indicator of headcount of staff engaged in research and development, per 10000 persons employed in the field of economy.

Condition of the given indicator, along with the condition of indicators of a number of research workers with Doctor's and Ph.D. degrees and an indicator of patent applications for intellectual property, specifies condition of human capital research potential in a territory (Fig. 2). As observed in Fig.

2, certain decline in the research potential occurred in the UFD as a whole and in the majority of the subjects (except for the Tyumen region with Autonomous Districts) as a result of the research potential level being invariably high in the UFD as a whole during the period under investigation. Sverdlovsk region comes to the fore in terms of the research potential level; Chelyabinsk region is specified by a good level; Yamalo-Nenets Autonomous District is among outsiders.

Table 2 contains the data referred to the number of advanced production technologies developed per 10000 persons employed in the field of research and development. Condition of the given indicator, along with the condition of the indicator of specific volume of innovation goods, works, services and the indicator of specific patent issue for intellectual property, generates efficiency of the research activity; its condition in the investigated period is given in Fig. 3.

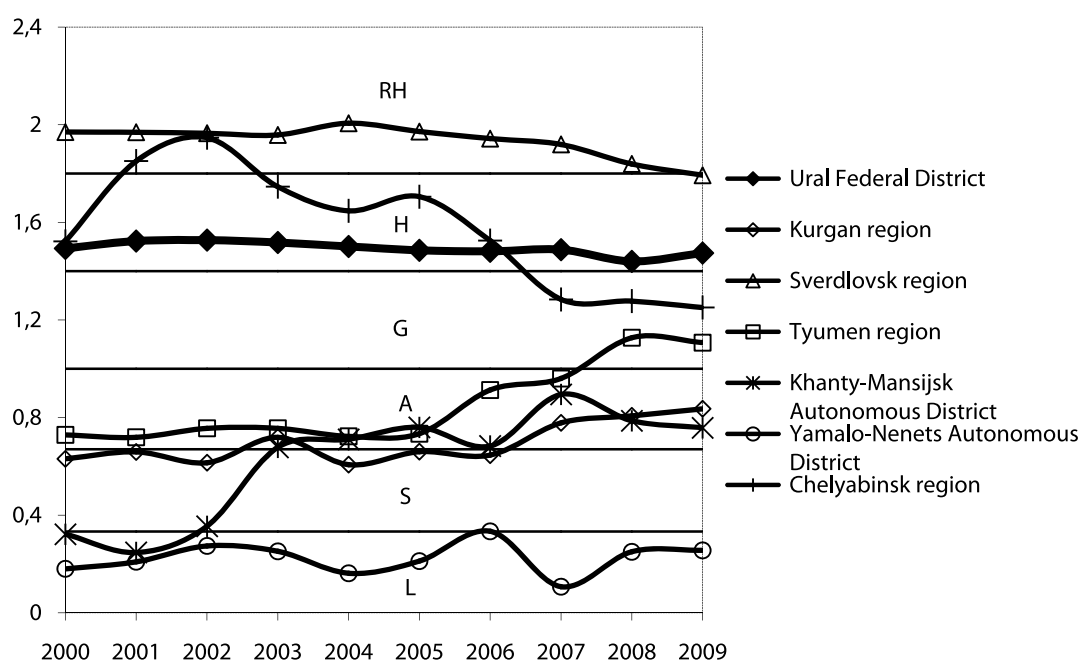

Fig. 2. Time history for the research potential of the UFD subjects in 2000–2009

Calculation results for the indicator of specific rate of advanced production technologies developed
(persons/10 000 employees in the field of research and development)

Name of districts and subjects	2001			2006			2009		
	Value	State	Place	Value	State	Place	Value	State	Place
Ural Federal District	19.96	H	—	20.05	H	—	10.05	A	—
Kurgan region	5.96	L	5	21.16	RH	4	12.50	G	3
Sverdlovsk region	22.43	RH	4	22.22	RH	5	10.00	A	4
Tyumen region	68.51	RH	3	55.31	RH	2	16.67	RH	2
Khanty-Mansijsk Autonomous District	241.67	RH	2	41.06	RH	3	4.55	L	6
Yamalo-Nenets Autonomous District	273.97	RH	1	180.18	RH	1	125.00	RH	1
Chelyabinsk region	6.49	L	6	4.56	L	6	7.14	S	5

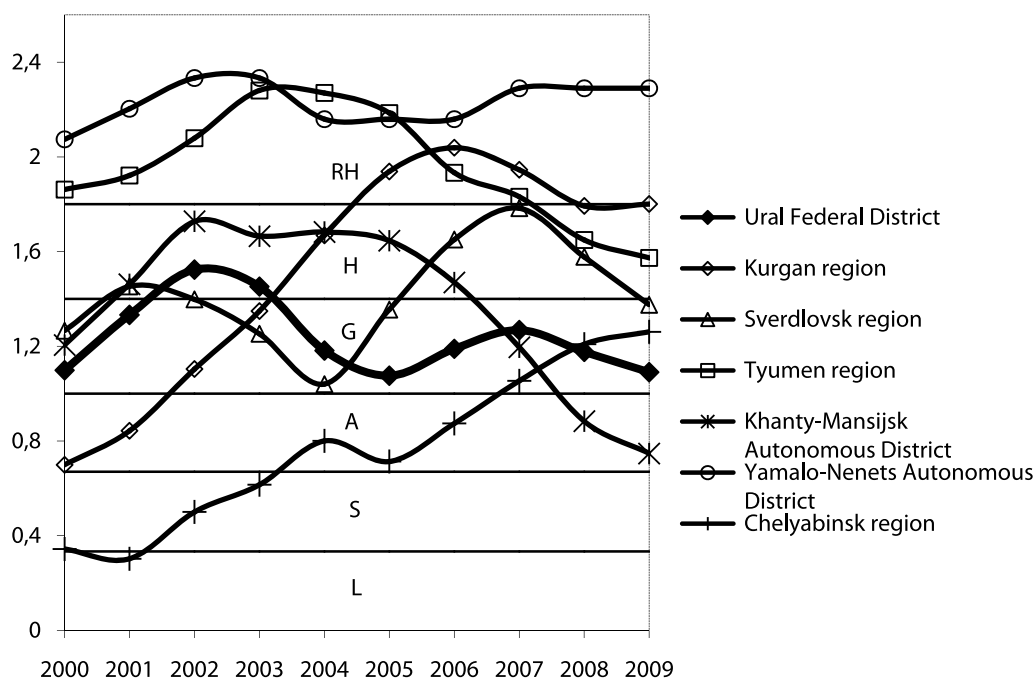

Fig. 3. Time history of research activity efficiency in the UFD subjects in 2000–2009

The data in Fig. 3 demonstrate that it is exactly the territories, which do not have high research potential, are highly efficient in terms of research activity: the Yamalo-Nenets Autonomous District and the Tyumen region in general, while the potentially prosperous Sverdlovsk region has unstable and average measure of efficiency. Such situation is due to the fact that high activity and efficiency of research activity is observed with comparatively small number of researchers working in the Yamalo-Nenets Autonomous District. At present the Yamalo-Nenets Autonomous District is an actively developing gas-extracting territory with appropriate development conditions to introduce innovation technologies.

Gained estimations demonstrate the possibilities of the developed policy. Threshold values used for the calculation were obtained in an expert way. However, the results show natural advantages of application of the indicative analysis to estimate

human capital and its condition. The technique allows matching various aspects of human capital in the territories proportionally and revealing the influence of key factors of its generation, i.e. the given technique secures integration of the analysis of human capital and relative development processes. In addition, the suggested approach is appropriate to be used for comparison of territories, particularly regional ones, in terms of human capital development level.

References

1. Belkin, V. N., Vinogradova, V. Y. (2009). Innovation activity of human capital. Ekaterinburg: Institute of Economics UB RAS. 74 p.
2. Vasilyeva E. (2010). Analysis of methodological approaches to human capital measurement. *Federalism*, 1. pp. 89-96.
3. Vasilyeva, E. V., Kuklin, A. A., Leontieva, A. G. (2010). Social security of the population, its significance in terms of quality of life enhancement in the Russian regions. *Living standard in the Russian regions*, 9 (151). pp. 22-31.

4. Tatarkin, A. I., Lvov, D. S., Kuklin, A. A., Myzin, A. L. (1999). Simulation of sustainable development as a condition of territorial economic security enhancement. Ekaterinburg: Ural State University Publ. 276 p.

5. Soboleva, I. V. (2009). Paradoxes of human capital measurement. Paper. Moscow: Institute of Economics RAS. 50 p.

6. Chereshnev, V. A., Kuklin, A. A., Cherepanova, A. V. (2010). Development of a theoretical and methodological

approach to prediction of socio-demographic development of a region. *Economy of Region*, 2. pp. 38-46.

UDC (330.14:331.101.2):330.52(1)

keywords: human capital, national wealth, innovation economy, regional analysis, socio-economic development, indicative analysis

ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ТРУДОВОГО ПОТЕНЦИАЛА МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ¹

О. А. Козлова, А. С. Лаврентьев, Н. С. Лобарева

В статье рассматриваются социально-демографические факторы формирования трудового потенциала муниципального образования с точки зрения воспроизводственного подхода. Дается авторское определение трудового потенциала муниципального образования как открытой системы. Анализируются подходы, в той или иной степени способствующие пониманию процессов, затрагивающих формирование трудового потенциала. А также представлены некоторые результаты исследования социально-демографических условий формирования трудового потенциала муниципального образования.

Формирование трудового потенциала — это сложный и многогранный процесс, который происходит одновременно на самых разных уровнях: личности, организации, города, региона и федерации. Направленность процесса зависит от текущих и перспективных целей, поставленных субъектами экономической деятельности, а также от исходных социально-экономических условий.

Рассматривая проблемы формирования трудового потенциала, многие отечественные исследователи концентрируют свое внимание на таких уровнях, как государственный, региональный, уровень предприятия или отдельного индивидуума. Уровню муниципалитетов уделяется очень мало внимания. Возможно, это связано со следующими причинами:

— невысокий уровень развития муниципальной статистики в РФ;

— доминирование федеральной и региональной компонент социально-экономической политики в РФ;

— большая неоднородность уровня развития территорий, существенно затрудняющая проведение единообразной политики на федеральном уровне.

Но это не отрицает необходимости исследований проблематики города. Именно местные факторы и условия оказывают наибольшее влияние на возможность формирования и проявления индивидуумом своих способностей и склонностей к определенному виду деятельности.

Для любого муниципального образования характерны тенденции развития, имеющиеся на территории государства. Одной из важнейших тенденций последнего времени, напрямую затрагивающей процесс формирования трудового потенциала в его социально-демографическом аспекте, является депопуляция и ухудшение качества населения. При существующих тенденциях через сравнительно небольшой отрезок времени государство и общество столкнется с ситуацией острой нехватки рабочей силы, восполнить которую будет очень тяжело.

Российские исследователи, занимающиеся проблемами трудового потенциала, предлагают различные классификации компонент и условий формирования трудового потенциала различных субъектов экономической деятельности. Элементы во многом пересекаются и дополняют друг друга, что говорит о комплексном характере процесса. Приведем примеры неко-

¹ Публикация выполнена в рамках программы фундаментальных исследований Президиума РАН № 29 «Научно-технологический прогноз развития экономики России» (координатор: акад. РАН А. Д. Некипелов) № 09-П-6-1003.

4. Tatarkin, A. I., Lvov, D. S., Kuklin, A. A., Myzin, A. L. (1999). Simulation of sustainable development as a condition of territorial economic security enhancement. Ekaterinburg: Ural State University Publ. 276 p.

5. Soboleva, I. V. (2009). Paradoxes of human capital measurement. Paper. Moscow: Institute of Economics RAS. 50 p.

6. Chereshev, V. A., Kuklin, A. A., Cherepanova, A. V. (2010). Development of a theoretical and methodological

approach to prediction of socio-demographic development of a region. Economy of Region, 2. pp. 38-46.

UDC (330.14:331.101.2):330.52(1)

keywords: human capital, national wealth, innovation economy, regional analysis, socio-economic development, indicative analysis

ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ТРУДОВОГО ПОТЕНЦИАЛА МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ¹

О. А. Козлова, А. С. Лаврентьев, Н. С. Лобарева

В статье рассматриваются социально-демографические факторы формирования трудового потенциала муниципального образования с точки зрения воспроизводственного подхода. Дается авторское определение трудового потенциала муниципального образования как открытой системы. Анализируются подходы, в той или иной степени способствующие пониманию процессов, затрагивающих формирование трудового потенциала. А также представлены некоторые результаты исследования социально-демографических условий формирования трудового потенциала муниципального образования.

Формирование трудового потенциала — это сложный и многогранный процесс, который происходит одновременно на самых разных уровнях: личности, организации, города, региона и федерации. Направленность процесса зависит от текущих и перспективных целей, поставленных субъектами экономической деятельности, а также от исходных социально-экономических условий.

Рассматривая проблемы формирования трудового потенциала, многие отечественные исследователи концентрируют свое внимание на таких уровнях, как государственный, региональный, уровень предприятия или отдельного индивидуума. Уровню муниципалитетов уделяется очень мало внимания. Возможно, это связано со следующими причинами:

— невысокий уровень развития муниципальной статистики в РФ;

— доминирование федеральной и региональной компонент социально-экономической политики в РФ;

— большая неоднородность уровня развития территорий, существенно затрудняющая проведение единообразной политики на федеральном уровне.

Но это не отрицает необходимости исследований проблематики города. Именно местные факторы и условия оказывают наибольшее влияние на возможность формирования и проявления индивидуумом своих способностей и склонностей к определенному виду деятельности.

Для любого муниципального образования характерны тенденции развития, имеющиеся на территории государства. Одной из важнейших тенденций последнего времени, напрямую затрагивающей процесс формирования трудового потенциала в его социально-демографическом аспекте, является депопуляция и ухудшение качества населения. При существующих тенденциях через сравнительно небольшой отрезок времени государство и общество столкнется с ситуацией острой нехватки рабочей силы, восполнить которую будет очень тяжело.

Российские исследователи, занимающиеся проблемами трудового потенциала, предлагают различные классификации компонент и условий формирования трудового потенциала различных субъектов экономической деятельности. Элементы во многом пересекаются и дополняют друг друга, что говорит о комплексном характере процесса. Приведем примеры неко-

¹ Публикация выполнена в рамках программы фундаментальных исследований Президиума РАН № 29 «Научно-технологический прогноз развития экономики России» (координатор: акад. РАН А. Д. Некипелов) № 09-П-6-1003.

Подходы к определению компонент и условий формирования трудового потенциала

Уровень исследования	Авторы	Структурные элементы подхода
Личность	Б. М. Генкин [2]	Компоненты трудового потенциала личности: здоровье, нравственность и умение работать в коллективе, творческий потенциал, активность, организованность, образование, профессионализм, ресурсы рабочего времени.
	В. Н. Белкин [1]	Трудовой потенциал рассматривается как часть личностного потенциала, которая может быть использована в труде. Трудовой потенциал становится капиталом лишь тогда, когда его стоимость начинает приносить новую стоимость. Характеристики трудового потенциала: здоровье, нравственность и умение работать в коллективе, творческий потенциал, активность, организованность, образование, профессионализм. Этапы развития трудового потенциала человека: дотрудовой, трудовой и послетрудовой. Жизненный цикл трудового потенциала – это процесс трансформации трудового потенциала человека в течение его жизни, состоящий из трех периодов: дотрудового, трудового и послетрудового. Резервный трудовой потенциал — это неиспользуемая в труде в трудовой период жизненного цикла человека часть трудового потенциала, которая может быть вовлечена в трудовой процесс при определенных условиях.
	Н. И. Шаталова [10]	Функциональный подход В структуре трудового потенциала выделяются психофизиологические, нормативно-ролевые, статусные, ценностно-ориентационные и адаптационные компоненты. Логическим основанием для их выделения является функциональная система трудового потенциала, уровни личности, которые представляет каждый компонент, и функции, которые он выполняет относительно работника: природной подструктуры (обеспечивает существование работника как биопсихосоциального типа), подструктуры социализации и обретения социального статуса (обеспечивает целедостижение личности), ценностно-ориентационный, на основе которого человек выбирает тактику и стратегию поведения (обеспечивает воспроизводство образцов поведения), адаптационно-активный (обеспечивает гармонизацию работника и среды) и нормативно-ролевой (функция интеграции работника в среде).
Предприятие	Е. В. Маслов [6]	Параметры трудового потенциала предприятия: физический и психологический потенциал работников предприятия (способность и склонность работника к труду — состояние здоровья, физического развития, выносливости и т. п.); объем общих и специальных знаний, трудовых навыков и умений, обуславливающих способность к труду определенного качества (образовательный и квалификационный уровни, фундаментальность подготовки и т. п.); качество членов коллектива как субъектов хозяйственной деятельности (ответственность, сознательная зрелость, интерес, сопричастность к экономической деятельности предприятия и т. п.).
Регион	О. А. Козлова [4]	Воспроизводственный подход (на основе политика занятости) Условия расширенного воспроизводства трудового потенциала и возможности развития занятости населения: состояние социальной сферы и потребительского рынка, перспективы рынка труда и занятости населения в целом, воспроизводства трудового потенциала, демографическая ситуация, политика доходов, перспективы развития отраслей экономики. Объект политики занятости — трудовой потенциал населения региона. При этом с воспроизводственной точки зрения важно как регулирование процесса формирования будущих работников в начальной, средней и высшей школах, так и эффективное использование квалифицированных кадров, в том числе уже вышедших за рамки трудоспособного возраста. Также условиями сохранения и развития трудового потенциала являются: социальное партнерство, развитие интеллектуальной составляющей трудового потенциала, миграция, изменение стереотипов поведения экономических субъектов.

Окончание табл. 1

Уровень исследования	Авторы	Структурные элементы подхода
	Н. В. Прохорова [8]	Условия формирования трудового потенциала региона: эколого-географические (природно-климатические условия, степень загрязненности окружающей среды, выгодность географического положения региона и природно-ресурсный потенциал); социально-демографические условия (прирост, убыль населения, показатели воспроизводства, половозрастная структура, формы организации здравоохранения и обеспечение населения медицинской помощью); социально-экономические условия (развитость отраслевой структуры экономики региона, структура рынка труда, распределение занятых по отраслям экономики, социально-производственные условия, дифференциация населения по уровню жизни, структура потребления).

торых подходов, отражающих различные точки зрения (табл. 1).

Подход, предложенный Б. М. Генкиным, по утверждению автора, может быть применим как к отдельному человеку, так и к различным коллективам, в том числе персоналу предприятия и населению страны в целом. Но при этом недостаточно характеризуется среда, в которой формируется трудовой потенциал, а также нечетко выражается степень востребованности навыков и способностей индивидуума в пределах конкретной территории.

В подходе В. Н. Белкина также рассматриваются составные части трудового потенциала, применимые к различным уровням. Важным элементом является разделение трудового потенциала и капитала, отражающее возможность, но не обязательность использования имеющихся возможностей в процессе производства. Этапы развития трудового потенциала особенно актуальны в условиях современной России, когда существует необходимость использования труда людей более старших возрастов в связи с депопуляцией. Все рассмотренные элементы могут быть использованы при проведении политики по формированию трудового потенциала муниципального образования, учитывая особенности демографического развития конкретной территории.

Функциональный подход раскрывает роль каждой компоненты, определяет ее место в процессе формирования трудового потенциала личности, задает вектор развития индивидуума как самоорганизующейся системы, способы интеграции работника в трудовую среду. Но и в данном случае очень мало говорится о качестве среды. То есть личностные подходы позволяют проследить процесс индивидуального становления человека как участника процесса производства товаров и услуг. Социальная среда вы-

ступает как данность, а из демографической составляющей представлено лишь здоровье [10].

Имеются работы, в которых качества и свойства работников рассматриваются применительно к процессу трудовой деятельности. Уделяется внимание таким параметрам, как здоровье и образование, которые в реальности часто являются для предприятия положительными внешними экстерналиями, порождаемыми обществом. А уровень рождаемости и миграция должны «автоматически» обеспечить предприятие необходимым количеством работников [6].

Воспроизводственный подход дает возможность системную взаимосвязь социально-демографических элементов процесса воспроизводства трудового потенциала на региональном уровне. Важным элементом является регулирование процесса формирования как будущих, так и нынешних работников, в котором должны принимать участие все заинтересованные стороны. На уровне муниципалитета это даст ощутимую выгоду, так как субъекты точно известны, а также известны их возможности [4].

В региональном подходе отражаются как микро-, так и мезоэкономические условия формирования трудового потенциала. Уровни региона и города пересекаются по многим параметрам. Представленные в данном подходе условия можно использовать для обобщенной оценки положения в каком-либо территориальном образовании. Но для более детального рассмотрения ситуации с трудовыми ресурсами и их возможного использования в конкретном городе необходимо ко всему вышеперечисленному добавить условия муниципальной социальной среды, оказывающие непосредственное воздействие на субъекты экономической деятельности. В числе упомянутых можно выделить такие условия, как состояние и перспективы развития коммунальной и культурно-досуговой

сфер, муниципальное образование и здравоохранение, сферы специализации конкретного муниципального образования [8].

Переходя к рассмотрению категории трудового потенциала стоит заметить, что это категория долгосрочного характера, устремленная в будущее. Для ее анализа необходимо исследовать как имеющиеся условия, так и движущие силы процесса, которые определяются понятием «факторы». Данное понятие за время своего существования претерпело множество смысловых изменений. Сам термин появился в русском языке в XVIII в. под влиянием польского и немецкого языков, еще раньше усвоивших это латинское слово и обозначал мелкого посредника, комиссионера, исполнителя частных поручений. В начале XIX в. он стало активно применяться в математическом языке как «множитель». Опуская некоторые детали, не совсем уместные в рамках данной статьи, отметим, что из языка математики термин «фактор» в отвлеченном значении переходит в язык публицистики. Этот переход осуществляется в 60-е годы XIX в. В общелитературном книжном языке «фактор» получает расширенное значение — «движущая сила, причина какого-нибудь процесса, обуславливающая его или определяющая его характер». [2]

Современные трактовки понятия не претерпели существенного изменения и отражают в той или иной степени силы, воздействующие на систему:

а) движущую силу экономических, производственных процессов, оказывающая влияние на результат производственной, экономической деятельности [11];

б) источник воздействия на систему, отражающегося на значении переменных модели этой системы [5].

В результате воздействия факторов на систему происходят некоторые изменения элементов на количественном и качественном уровне. В данном случае под системой понимается муниципальное образование как открытая система, испытывающая влияние как внутренних, так и внешних условий и адекватно реагирующая на вызовы.

Основная цель изменений — формирование и эффективное использование трудового потенциала на базе имеющихся и привлеченных трудовых ресурсов данного муниципального образования.

В качестве субъектов процесса можно выделить:

- администрацию муниципального образования;
- предприятия (организации);
- некоммерческие организации;
- граждан.

Основными движущими силами могут выступать:

1) противоречия между целями, выдвигаемыми субъектами экономической деятельности, и количественными и качественными характеристиками трудовых ресурсов;

2) конкурентные отношения как между субъектами экономической деятельности внутри конкретного муниципального образования, так и конкурентные отношения между муниципальными образованиями по поводу привлечения и использования трудовых ресурсов.

Объектом нашего исследования выступает как коренное население Миасского городского округа, так и население, привлеченное из других территорий как носитель трудового потенциала и социально-демографические факторы, влияющие на его развитие.

Каждое территориальное образование имеет план своего развития, в котором обозначены основные цели и приоритеты на средне или долгосрочную перспективу. В качестве такого документа в нашем случае выступает «Стратегия социально-экономического развития Миасского городского округа до 2020 года» [9]. Во введении отмечено, что развитие по всем направлениям зависит в первую очередь от качества человеческого потенциала. Главная цель деятельности округа — рост благосостояния и качества жизни населения за счет устойчивого и динамичного развития и повышения конкурентоспособности экономики. Общая цель трансформируется в более конкретные, стратегические направления, в числе которых:

— экономическая сфера: переход к постиндустриальной экономике, основанной на высоких технологиях;

— социальная сфера: сохранение и развитие человеческого потенциала, формирование среднего класса;

— политическая сфера: развитие гражданского общества и местного самоуправления;

— экологическая сфера: посильная нагрузка на природный комплекс, обеспечивающая его самовосстановление.

Ни в целях, ни в направлениях не отражена категория трудового потенциала, что может говорить о том, что данному аспекту не уделяется должного внимания. Трудовой потенциал явля-

ется лишь частью человеческого потенциала, но переход к постиндустриальной экономике, как обозначено в «Стратегии», возможен только на основе качественного совершенствования именно трудовых ресурсов в средне- и долгосрочной перспективе. Следовательно, для того чтобы данное направление получило большее развитие, в целеполагающем документе должны быть обозначены основные направления совершенствования данного аспекта и примерный механизм реализации.

К сферам формирования трудового потенциала на муниципальном уровне относятся:

- 1) демографическая;
- 2) деятельность коммерческих предприятий по извлечению прибыли;
- 3) деятельность муниципалитета по созданию общественных товаров и услуг, а также координация усилий всех субъектов для достижения стратегических целей развития территории.

В каждой сфере имеются внутренние условия для формирования трудового потенциала (табл. 2).

Поступательное развитие муниципального образования возможно за счет снятия противоречий как внутри каждой сферы, так и между сферами. Например, в демографическо-градообслуживающем разрезе очень важным является наличие, состояние и перспективы развития образовательной, медицинской, культурной, коммунальной и транспортной компонент данного муниципального образования.

Общий подход, с позиций которого необходимо, по нашему мнению, рассматривать процесс формирования трудового потенциала — воспроизводственный. На первой стадии (воспроизводственно-демографической) происходит постоянный процесс производства населения в нужном количестве и качестве. На второй (распределительной) — индивидуумы находят рабочие места, устраивающие их по самым разнообразным аспектам. На третьей (фазе обмена) — оценивается степень заполнения рабочих мест в городе. На четвертой (фазе потребления) — конкретные условия трудовой деятель-

ности, способствующие проявлению трудовых качеств и свойств индивида в полном объеме.

В данной системе воспроизводства задействованы все сферы, а роль каждой из них еще предстоит выяснить в процессе дальнейшего исследования.

Среди факторов формирования трудового потенциала муниципального образования следует выделить такие как уровень рождаемости, смертности, уровень образования, уровень безработицы, занятости, уровень производственного травматизма, миграция и т. д.

В соответствии с вышесказанным можно определить трудовой потенциал муниципального образования как открытую систему воспроизводства способностей различных социально-демографических групп населения к созданию экономических благ, сложившуюся на территории муниципального образования и зависящую от внешних и внутренних социально-экономических факторов, определяющих функционирование данного муниципального образования.

В рамках проводимого исследования проведем сравнительную характеристику по ряду параметров Миасского и Златоустовского округов в интересующих нас сферах (Златоустовский округ является прямым конкурентом Миасскому в плане привлечения капитала и рабочей силы. Оба города примерно равны по численности населения, уровню развития, а также находятся на достаточно большом удалении от областного центра, что исключает возможность маятниковой миграции их жителей на работу в Челябинск). Представим имеющиеся данные в таблице 3.

Из представленных данных видно, что в демографической и градообслуживающей сферах города развиты примерно одинаково, но в градообразующей сфере Миасс имеет некоторое преимущество. Предприятия города располагают большими потенциальными возможностями по использованию как собственных, так и привлеченных трудовых ресурсов.

Приведем итоги опроса, проведенного администрацией Миасского городского округа в

Таблица 2

Сферы и условия формирования трудового потенциала

Сфера	Условия, имеющиеся в данной сфере
Демографическая	Количество населения и динамика изменения его численности. Физическое и психологическое состояние населения города. Уровень образования населения.
Градообразующая сфера (коммерческие предприятия)	Рабочие места определенного уровня. Условия трудовой деятельности.
Муниципальная (градообслуживающая)	Наличие инженерной, транспортной и социальной инфраструктуры.

Сравнительная характеристика городов по параметрам развития трудового потенциала

Показатель	Златоуст			Миасс		
	2001	2008	изменение	2001	2008	изменение
Численность населения (тыс. чел.)	199,3	191,2	-4,06%	175,0	166,9	-4,62%
Трудоспособное население (тыс. чел.)	122,1	120,2	-1,55%	103,1	102,3	-0,77%
Моложе трудоспособного (тыс. чел.)	36,8	28,6	-22,2%	34,5	27,1	-21,4%
Миграция (прибыло чел.)	1910	1696		1437	2858	
Миграция (выбыло чел.)	2081	1945		1941	2375	
Труд						
Среднегодовая численность работников организаций (тыс. чел.)	58613	46400	-20,8%	56701	52977	-6,56%
Потребность в работниках, заявленная организациями (тыс. чел.)	783	157		999	149	
Жилищные условия						
Площадь жилых помещений на одного жителя (кв. м)	19,7	21,0	6,59%	19,9	23,3	17,08%
Число семей, получивших жилье и улучшивших жилищные условия (ед.)	235	78	-66,8%	384	74	-80,72%
Образование						
Число дошкольных образовательных учреждений	80	81	1,25%	69	69	-
Численность учащихся в дневных общеобразовательных учреждениях	21755	14457	-33,54%	23456	16047	-31,58%
Выпуск специалистов средними специальными учебными заведениями	1643	1551	-5,59%	1068	917	-14,13%
Здравоохранение						
Число больничных учреждений	11	12	9,09%	7	6	-14,28%
Численность врачей	483	451	-6,62%	557	522	-6,28%
Культура и отдых						
Число общедоступных библиотек	24	22	-8,33%	32	28	-12,5%
Число учреждений культурно-досугового типа	12	10	-16,6%	21	17	-19,04%

2009 г., по поводу качества среды, которая является неотъемлемым условием формирования трудового потенциала. Опрошенные жители отвечали на вопрос «Что изменилось в нашем округе за последний год» (табл. 4):

Таблица 4

Результаты социологического опроса жителей о характере социально-экономических изменений в Миасском городском округе

Сфера городской жизни	стало лучше	ничего не изменилось	стало хуже	не знаю
Условия для досуга, отдыха	21	43	14	18
Условия воспитания, учебы детей	11	43	20	26
Транспортное обслуживание	20	43	33	4
Медицинское обслуживание	9	41	40	10
Коммунальное обслуживание	3	49	41	7
Благоустройство города	13	62	19	6

Согласно имеющимся данным, администрация города не прикладывает достаточных усилий для развития градообслуживающей сферы. Это очень важный социальный аспект, который отражает как качество жизни, так и качество населения.

Далее мы представим некоторые предварительные итоги исследования «Формирование социально-демографических факторов трудового потенциала муниципального образования», проводимого в г. Миассе. Объектом исследования являются учащиеся старших классов муниципальных образовательных учреждений общего среднего образования, принимавшие участие в опросе в 2009 году. В качестве предмета выступают ценностные ориентации школьников относительно условий приложения трудового потенциала на территории Миасского городского округа, представленные в таблице 5.

подавляющее большинство школьников собирается продолжить свое образование в

Таблица 5
Результаты опроса учащихся средних учебных заведений г. Миасса (всего 111 опрошенных)

Вопрос	Результаты ответов
Всего опрошенных	111 чел.
из них: мужчин	39,6%
женщин	60,4%
2. Собираетесь вы продолжить образование	да — 98%
3. Какое образование вы намерены получать:	
высшее	90%
начальное и среднее профессиональное	4,5%
4. Какие специальности вас привлекают:	
социально-правовые	44,1%
инженерно-технические	19,8%
естественнонаучные	16,9%
5. Собираетесь ли Вы учиться в Миассе	да — 45,9%
6. Намерены ли Вы после получения образования жить и работать в Миассе	да — 18,9% нет — 41,4% затрудняюсь — 36,9%
7. Удовлетворены ли Вы уровнем жилищных условий, имеющихся в Ваших семьях	да — 82,8%
8. Надеетесь ли Вы со временем приобрести или получить жилье в Миассе	да — 20,7% возможно — 15,3%
9. Довольны ли Вы работой муниципального транспорта	да — 5,4%
10. Занимаетесь ли Вы спортом	регулярно — 27,9% иногда — 30,6%
11. Устраивает ли Вас уровень медицинского обслуживания	да — 51,3%
12. Посещаете ли Вы регулярно учреждения культуры и искусства	да — 10,8%
13. Какие учреждения для спорта и отдыха необходимо дополнительно открыть в городе	бассейны — 32 чел. стадионы — 34 чел. кафе — 32 чел. парки развлечений — 75 чел.
14. Считаете ли Вы город комфортным для жизни и работы	да — 50,4% нет — 49,6%

высшей школе и 4,5% — в учреждениях среднего специального образования. Больше всего школьников привлекают специальности социально-правовой направленности, инженерно-технические и естественнонаучные. Из представленных данных видно, что происходит повышение качества демографической компоненты, но существует явный перекоп в сторону

высшего образования. Это негативно отразится на перераспределении трудовых ресурсов между отраслями муниципального производства.

Основная масса собирается учиться в Миассе, но лишь 18,9% заявили о том, что намерены после окончания учебного заведения остаться в городе. Миграционные настроения школьников отрицательно скажутся на процессе воспроизводства трудового потенциала, тем более что, что приток населения в город является недостаточно большим.

Социальные настроения являются скорее отрицательными:

- молодежь не уверена, что в будущем сможет приобрести жилье в городе;
- работа муниципального транспорта устраивает менее половины опрошенных;
- уровень медицинского обслуживания устраивает половину школьников;
- посещаемость учреждений культуры и искусства невелика;
- невысокая комфортность города (по мнению половины опрошенных).

Формирование трудового потенциала — это направленный процесс, учитывающий возможности и потребности как субъектов спроса, так и субъектов предложения. Демографическая компонента является базовой и определяет предложение. На основании приведенных данных можно сделать вывод, что в Миассе уменьшается количество населения, а так же имеются структурные диспропорции в плане его качества.

Социальная компонента, представленная предприятиями и городской средой, способствует формированию структуры предложения, адекватно реагирующей на внешние и внутренние вызовы. В рамках конкретного муниципального образования важно учитывать сложившуюся структуру производства, а также возможность ее изменения в связи с изменяющимися тенденциями развития. Взаимная подстройка демографической и социальной сфер — это единственная возможность согласования интересов всех заинтересованных сторон на пути поступательного развития муниципального образования, укрепления его конкурентных позиций в регионе.

Список источников

1. Белкин В. Н., Виноградова В. Ю. Человеческий, социальный и интеллектуальный капитал фирм. [Электронный ресурс]. URL: [http://www.izdat.intell-service.ru/netcat_files/File/chelgum%20\(8\).2009.pdf](http://www.izdat.intell-service.ru/netcat_files/File/chelgum%20(8).2009.pdf) (дата обращения: 15.12.2010)

2. *Виноградов В. В.* История слов. [Электронный ресурс]. URL: <http://wordhist.narod.ru/factor.html> (дата обращения: 06.09.2010).
3. *Генкин Б. М.* Экономика и социология труда: учебник для вузов; 6-е изд., доп. М.: Норма, 2006. 448 с.
4. *Козлова О. А.* Занятость населения индустриального региона: проблемы теории и практики регулирования. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2008. 224с.
5. *Лопатников Л. И.* Экономико-математический словарь. [Электронный ресурс]. URL: <http://slovari.yandex.ru/~%D0%BA%D0%BD%D0%B8%D0%B3%D0%B8/%D0%9B%D0%BE%D0%BF%D0%B0%D1%82%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%B2/> (дата обращения: 10.09.2010).
6. *Маслов Е. В.* Управление персоналом предприятия. [Электронный ресурс]. URL: http://business.polbu.ru/maslov_management/ch06_iv.html (дата обращения: 10.09.2010).
7. Муниципальные образования Челябинской области. Основные социально-экономические показатели: стат. сб. в 2 ч. Челябинск: Челябинскстат, 2009. 177 с.
8. *Прохорова Н. В.* Совершенствование управления региональными социально-экономическими комплексами на основе оценки трудового потенциала. На примере Алтайского края // Региональная экономика и управление. 2005. №3. [Электронный ресурс]. URL: http://region.mcnp.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=71#_ftnref3 (дата обращения: 18.08.2010)
9. Стратегия социально-экономического развития Миасского городского округа до 2020 года. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.regionz.ru/index.php?ds=130165> (дата обращения: 05.06.2010)
10. *Шаталова Н. И.* Система трудового потенциала работника. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ecsocman.edu.ru/images/pubs/2005/09/26/0000220897/007_shatalov.pdf (дата обращения: 06.07.2010).
11. Энциклопедический словарь экономики и права. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.smoney.ru/glossary/фактор> (дата обращения: 11.10.2010)

УДК: 331.101(1)

ключевые слова: формирование трудового потенциала, социальная сфера муниципального образования, эффективность использования трудового потенциала

ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА И БИЗНЕСА

ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ АСПЕКТОВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ УЗКОСПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫХ ТЕРРИТОРИЙ¹

Е. М. Козаков, П. Л. Глухих

В статье рассматривается создание новых предпринимательских субъектов как средства дифференциации хозяйства территории с целью сглаживания возникших дисбалансов. Особое внимание уделяется разработке и апробации методики всесторонней оценки предпринимательской активности. Анализируются результаты проведенного социологического опроса, направленного на выявление особенностей потенциальных предпринимателей территорий, где преобладает узкая хозяйственная специализация, в частности в моногородах. Подчеркивается, что наиболее существенным стимулом к предпринимательству выступает неудовлетворенность сегодняшним положением.

Отдельные противоречия присущи любой территории, но в разной степени. Широкое распространение специализации территорий, а иногда и чрезмерное сосредоточение производств усугубляет пространственную дифференциацию и формирует зоны социальной напряженности населения, не удовлетворенного качеством жизни. Усложнение указанных проблем вследствие макроэкономической нестабильности усиливает практическую потребность в разработке методических подходов к оценке организации предпринимательской деятельности как средства дифференциации хозяйства территории с целью сглаживания возникших дисбалансов [5, 6]. Поскольку организация нового бизнеса способна оказать положительное влияние на территорию, то необходимо

выявить факторы ее формирующие и оценить их воздействие.

Оценка организации предпринимательской деятельности — многокомпонентный процесс, предполагающий:

1) выявление источников и уровня сегодняшнего и потенциального доходов у предпринимателей и граждан, степени готовности к бизнесу, факторов, побуждающих и сдерживающих открытие бизнеса;

2) исследование восприятия предпринимательства как явления, необходимости и доступности той или иной информации для предпринимателя;

3) оценку политики поддержки предпринимательства и ее информационной составляющей, благоприятности условий для реализации собственного бизнеса и др.

Исследования глобального мониторинга предпринимательства (*Global Entrepreneurship Monitor — GEM*) обнаружили интересную закономерность: наибольшую активность в развитии предпринимательства демонстрируют города с населением от 20 до 100 тыс. человек [1]. Авторы мониторинга объясняют данный факт отсутствием вакансий на предприятиях, что сопровождается более высокой долей вынужденных предпринимателей в небольших населенных пунктах. Кроме того, закономерность усиливается отсутствием в крупных городах потенциально прибыльных возможностей создания нового бизнеса, поэтому мегаполисы демонстрируют меньшую предпринимательскую активность (самый низкий уровень активности — в городах с населением от 100 до 500 тыс. человек). Так, Екатеринбург наряду с Краснодаром — аутсайдеры по уровню потенциальной предпринимательской активности,

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 10-02-00294а «Оценка влияния малого предпринимательства на социально-экономическое развитие узкоспециализированных территорий в условиях кризиса».

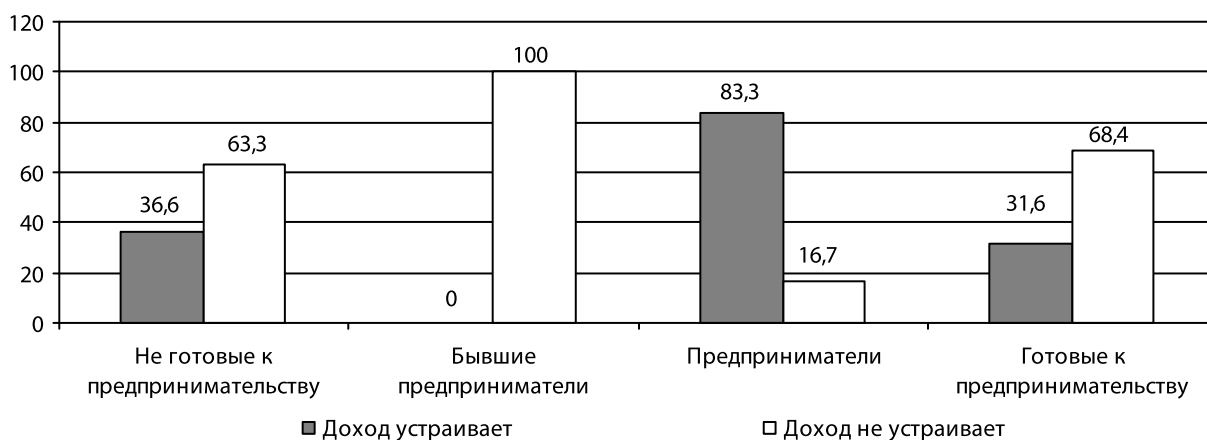

Рис. 1. Удовлетворенность доходом у различных групп населения городов Асбеста и Каменска-Уральского, %

а лидируют Красноярск (35,9%), Владивосток и Казань (по 33,3%) [2]. Подтверждается ли такая причинно-следственная связь в городах с узкой специализацией, в частности в моногородах? Для ответа на этот вопрос нами было проведено исследование предпринимательской активности. Специально разработанные анкеты содержали вопросы, с разных позиций оценивающие отношение респондентов к организации предпринимательской деятельности и подготовленность граждан к ведению бизнеса. Минимальный размер выборки для проведения исследования составляет 347 человек. В обследование включено население городов Свердловской области Асбеста, Алапаевска, Екатеринбургa, Каменска-Уральского, Красноуфимска, Серова и др.

В качестве первоначальных выводов проведенных опросов действующих и потенциальных предпринимателей и граждан отметим следующее. Подавляющая часть предпринимателей (83,3%) и существенная доля граждан, высказавших готовность к организации и ведению бизнеса (68,4%), доходом удовлетворены, а вот 63,3% ответивших респондентов, не планирующих открытие бизнеса, доход не устраивает, в то время как бывшие предприниматели полностью не удовлетворены своим сегодняшним доходом (рис. 1).

Почти половина респондентов считают, что трудно быть предпринимателем (48,3%), в то время как сами предприниматели не столь пессимистичны (33,3%). Еще большие трудности в предпринимательской деятельности видят те опрошенные, которые не планируют заниматься предпринимательской деятельностью (58,6%). Условия для создания своего дела оцениваются по-разному — так, порядка 17% респондентов определили их как неблагопри-

ятные. Помощь предпринимательству должны оказывать учреждения, созданные для осуществления поддержки действующих и начинающих бизнесменов. Но несмотря на существование данных организаций, многие даже не осведомлены об их наличии (38%). Возможно поэтому, по мнению 31,6% респондентов, эффективность поддержки оставляет желать лучшего.

Для оценки организации предпринимательской деятельности проанализированы существенные различия в ответах предпринимателей и не предпринимателей, для этого ответы респондентов объединены в 4 группы в соответствии со степенью участия и готовности к предпринимательской деятельности. Основным критерием разделения респондентов выступил вопрос о готовности к осуществлению предпринимательства. На его основе отдельно были рассмотрены действующие предприниматели, и те респонденты, которые не осуществляют в настоящее время предпринимательской деятельности (далее — не предприниматели). Не предприниматели подразделены на следующие группы:

- 1) бывшие предприниматели, не желающие заниматься бизнесом (далее — бывшие предприниматели);
- 2) те, кто не рассматривает предпринимательство в качестве возможности (далее — граждане не готовые к предпринимательству);
- 3) желающие в будущем открыть свой бизнес (далее — граждане готовые к предпринимательству).

1. Бывшие предприниматели.

— Получают доход из большего количества источников (доход от имущества, социальные пособия и др.), чем средний гражданин, но тем не менее сегодняшний доход их не уст-

раивает (66% респондентов — совершенно не устраивает).

— В отличие от других групп опрошенных не считают предпринимательство приоритетным вариантом повышения дохода, а отдают свое предпочтение работе по найму. С текущей должностью рост дохода связывают только 14,3% респондентов, в то время как с данным работодателем почти 85,8% (оставшиеся 14,3% планируют поменять организацию).

— От предпринимательства их отделяет, во-первых, надежда на улучшение текущего положения другими способами и средствами, во-вторых, плохие условия для ведения бизнеса и уверенность, что у предпринимателя совсем не больше перспектив в жизни.

— Нежелание работать по найму — вот причина, которая в будущем вновь способна побудить к предпринимательской деятельности.

— По собственному опыту знают, что предпринимателем быть выгодно и нетрудно, но в то же время утверждают, что особого престижа в этой деятельности нет, более того, она в некоторой степени небезопасна.

— Самой востребованной считают коммерческую информацию, которая является, по мнению бывших предпринимателей, вполне доступной. Аналитическую и маркетинговую информацию оценивают как более труднодоступную и менее востребованную. Среди знаний и умений, наиболее важных для предпринимателя, отметили такие как финансовый анализ, контроль качества и сервис, а также подбор поставщиков.

— Полностью не удовлетворены эффективностью осуществляемой поддержки предпринимательства, и в частности, слабо удовлетворены ее информационной составляющей.

Вывод. Преобладание экономического образования у бывших предпринимателей не гарантировало успех в бизнесе, зато позволило иметь большее количество источников дохода. Надежда на улучшение положения в работе по найму перевешивает выгоды бизнеса, и лишь при серьезном ухудшении на рабочем месте возможен возврат к предпринимательству.

2. Предприниматели.

— Подавляющее большинство предпринимателей — это люди в возрасте от 26 до 40 лет, имеющие среднее профессиональное образование, которые до организации собственного бизнеса работали в государственной производственной сфере, а многие — в частном секторе.

— Большая часть предпринимателей, кроме дохода от бизнеса, имеют дополнительные виды дохода (заработная плата и доход от имущества у каждого пятого респондента). Подавляющее большинство предпринимателей доход устраивает, но они не исключают его повышение за счет развития бизнеса и инвестирования. Развитие бизнеса ограничивается удовлетворенностью сегодняшним положением и нежеланием отказаться от привычного образа жизни.

— Недостаточный доход до появления бизнеса являлся основным мотивом предпринимательской деятельности, хотя сама деятельность не рассматривалась как более перспективная (трудная, выгодная, но небезопасная). Основными препятствиями при организации бизнеса были недостаток информации и личные сомнения.

— Существенный признак — оценка предпринимателями своих знаний и опыта. Несмотря на то, что среди предпринимателей высокая доля людей с высшим образованием (44,3%), недостаток знаний указали почти половина опрошенных. Что может объясняться недостаточностью и сложностью применения полученных знаний в бизнесе.

— Наиболее ценными для предпринимателя считают навыки делового планирования, управление маркетингом и рекламой, привлечение средств и др. Среди наиболее значимой информации предприниматели отметили маркетинговую, нормативно-правовую, статистическую, обучающую. При этом указали, что труднодоступной является аналитическая, нормативно-правовая, статистическая и обучающая информация. Из информационно-компьютерных инструментов предприниматели в большей степени пользуются электронной почтой, поиском информации в Интернете и электронными таблицами; примечательно, что они покупают посредством Интернета, но не продают.

— Больше половины предпринимателей удовлетворены объемом поддержки бизнеса, но считают недостаточным ее информационное сопровождение, что подтверждается слабой осведомленностью об учреждениях и организациях, предназначенных для оказания им помощи (даже непредприниматели более осведомлены о данных услугах).

— Никто из предпринимателей не ожидает ухудшения положения, несмотря на экономическую нестабильность, но в большей степени они ждут сохранения ситуации, чем ее улучшение.

ния. Большинство предпринимателей в 1 полугодии 2008 г. отметили деятельность с прибылью, а вот второе полугодие без убытков, но и без прибыли, и только в 2009 г. вновь фиксировали положительный результат. У предпринимателей существуют планы по увеличению объема реализации продукции при сохранении величины прибыли и капиталовложений, но сокращении количества персонала. В бизнесе кроме предпринимателя в среднем участвуют 2 партнера и 4 работника.

— Среди существенных проблем предприниматели отметили низкую платежеспособность населения, нехватку специалистов, частое изменение нормативно-правовых актов, конкуренцию.

— При выборе бизнес-идеи основные проблемы возникали с трудностями в проведении расчетов, недостатком информации и личными сомнениями. Все опрошенные указали, что с первого раза удачно выбрали направление своего бизнеса, и им не приходилось его закрывать. Однако более половины предпринимателей хотели бы изменить взаимодействие с конкурентами, многие предпочли бы иначе организовать финансовые потоки.

— Свое влияние на территорию предприниматели в равной степени рассматривают как скорее положительное и неопределенное. Благоприятное влияние проявляется в способности обеспечить себя и свою семью и возможности удовлетворить потребности населения.

Вывод. Предприниматели нацелены на дальнейшее развитие бизнеса, ограничением в данном случае выступает удовлетворенность сегодняшним положением и нежелание отказаться от привычного образа жизни.

3. Граждане, готовые к предпринимательству.

— Подавляющее большинство потенциальных предпринимателей — граждане в возрасте до 25 лет, то есть, как правило, без востребованного образования и хорошей должности. Преимущественно они являются наемными работниками, других источников дохода практически не имеют. Возможно поэтому большинство из них (68,3%) доход не устраивает. Улучшать ситуацию опрошенные планируют, во-первых, за счет смены работодателя (41,7%), во-вторых, путем служебного продвижения в своей организации (20,8%), в-третьих, создания собственного бизнеса (16,7%).

— Менее других удовлетворены сегодняшним положением, но более всего ожидают улучшения, в том числе и за счет предпринима-

тельства, которое расценивают как выгодное и вполне безопасное.

— Основными причинами, сдерживающими открытие собственного дела, являются недостаток знаний, опыта и информации, также существенным ограничением для этой группы выступает нежелание отказаться от привычного образа жизни и возможное ухудшение отношений с окружающими.

— Среди причин, побуждающих заняться предпринимательской деятельностью, более значимыми выступают ожидаемые перспективы бизнеса, и только потом неудовлетворенность имеющимся доходом. Если в других группах нежелание работать по найму является одним из основных мотивов, побуждающих к бизнесу, то для данной группы работа не противопоставляется предпринимательству.

— Чуть менее половины респондентов затрудняются оценить эффективность поддержки предпринимательства, а информационной поддержкой бизнеса удовлетворен каждый третий респондент.

— Наибольшей трудностью при подготовке к организации предпринимательской деятельности выступают личные сомнения, а вот отсутствие поддержки близких и знакомых менее значимо для данной группы (табл. 1).

У действующих бизнесменов наибольшую сложность при организации бизнеса вызвал недостаток информации и личные сомнения, в то время как для потенциальных предпринимателей проблему составляют трудности в проведении расчетов и отсутствии моральной поддержки.

— В качестве необходимых компетенций предпринимателя указывали знание деловой сферы, навыки делового планирования и умение управления денежными средствами; как наиболее невостребованные отмечены деловая этика, контроль качества и сервиса.

Вывод. Предпринимательство находится на третьем месте в списке приоритетных источников дохода у граждан, проявивших готовность к бизнесу. Сильная неудовлетворенность сегодняшним положением выступает главным стимулом, формируя вынужденное предпринимательство. Сдерживает открытие собственного дела недостаток знаний, опыта и информации, а также нежелание отказаться от привычного образа жизни и возможное ухудшение отношений с окружающими. Поэтому чтобы активизировать предпринимательский потенциал граждан, нужно осуществлять помощь в преодолении

Таблица 1

Особенности проблем, возникающих при создании бизнеса, у разных категорий предпринимателей

Признак сравнения на момент подготовки к бизнесу	Потенциальные предприниматели	Бывшие предприниматели	Действующие предприниматели
Недостаток информации	Незначительно ограничивает (минимальный)*	Ограничивает (средний)*	Существенно ограничивает (максимальный)
Трудность в проведении расчетов	Существенно ограничивает	Ограничивает	Незначительно ограничивает
Личные сомнения	Существенно ограничивает	Ограничивает	Незначительно ограничивает
Отсутствие поддержки близких и знакомых	Существенно ограничивает	Ограничивает	Незначительно ограничивает

* в сравнении с другими категориями предпринимателей

нии дефицита знаний и личных сомнений, на что в первую очередь должны быть направлены действия инфраструктуры поддержки бизнеса и муниципальной власти. Данная задача выполнима, поскольку граждане, готовые к предпринимательской деятельности, более лояльны к данной политике, чем все остальные группы населения.

4. Граждане, не готовые к предпринимательству.

— Из тех, кто не планирует в будущем заняться предпринимательской деятельностью, подавляющее большинство никогда и не думали начинать бизнес, 30% — ограничились сбором информации и только 6,6% делали попытки организации бизнеса, но неудачно.

— Уровень дохода у представителей этой группы сильно различается: большую часть респондентов доход не устраивает, а 13,3% им полностью удовлетворены. Основным источником увеличения дохода рассматривается переход на другую работу. Отказ от предпринимательства как источника дохода компенсируется за счет инвестиций и пособий по безработице.

— Важнейшими причинами, сдерживающими открытие своего бизнеса, названо отсутствие знаний, опыта, и нежелание рисковать. Кроме того, большинство опрошенных данной группы считают, что трудно быть предпринимателем и лишь 20,7% — что это выгодно. Тем не менее, интерес к предпринимательству полностью не ослабевает в силу того, что оно, во-первых, воспринимается как источник увеличения дохода, во-вторых, дает больше перспектив, в-третьих, рассматривается как альтернатива работе по найму.

— Если в целом поддержку бизнеса считают скорее эффективной, то информационная составляющая этой поддержки у половины респондентов вызывает неодобрение, другая по-

ловина в большей степени затрудняется дать ей оценку.

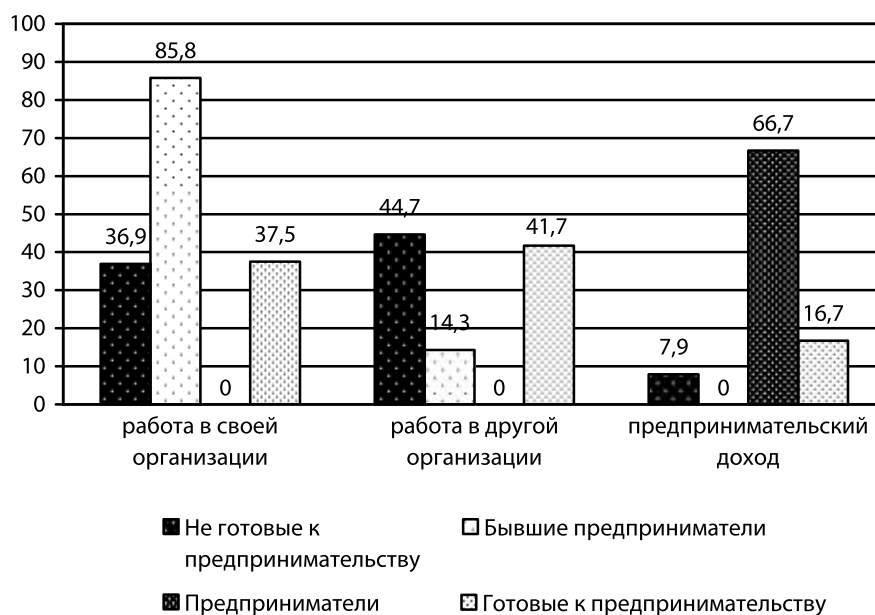
Вывод. Большинство не готовых к бизнесу граждан никак не ассоциируют себя с предпринимательством, прежде всего, по причине отсутствия знаний и опыта и нежелания рисковать. На текущий момент предпринимательство находится на четвертом месте в списке потенциальных источников дохода. Но поскольку интерес к бизнесу все же сохраняется, то и среди данной группы есть потенциальные предприниматели, хотя в подавляющем большинстве они могут быть отнесены только к категории вынужденных. Так как они могут стать предпринимателями тогда, когда их совершенно не будет устраивать получаемый доход (сокращение дохода и(или) увольнение) или возникнет желание его существенно увеличить.

При сравнении ответов бывших, действующих и потенциальных предпринимателей, а также граждан, высказавших неготовность к бизнесу, выявлены следующие принципиальные отличия в подходах к организации предпринимательской деятельности:

1. Степень готовности населения моногородов к предпринимательству отражает их приоритеты будущих источников дохода. Так, бывшие предприниматели практически не рассматривают самостоятельный бизнес как источник дохода, существенная часть граждан с большим перевесом предпочитают работу по найму (рис. 2).

Таким образом, лишь 14% не предпринимателей из всех вариантов улучшения уровня дохода отдают приоритет собственному бизнесу.

2. Положительная оценка системы поддержки бизнеса выступает индикатором готовности к предпринимательству. Предприниматели удовлетворены эффективностью мер поддержки, но отмечают ее слабое информационное сопровождение, а потенциальные пред-

Рис. 2. Распределение потенциальных источников доходов по приоритетности у различных групп населения городов Асбеста и Каменска-Уральского, %

приниматели наоборот, удовлетворены информационным сопровождением, но указывают на низкую эффективность. То есть, несмотря на наличие и активные действия инфраструктуры поддержки предпринимателей, ни сами организации, ни результаты их деятельности либо вообще не знакомы действующим и потенциальным предпринимателям (50 и 36,8% соответственно) либо расцениваются как неэффективные (20,0 и 22,3% соответственно). А, к примеру, в городе Каменске-Уральском в целях обеспечения постоянного контакта с предпринимательским сообществом действует Совет предпринимателей при главе города и Координационный совет по развитию малого и среднего предпринимательства, а также общественные организации предпринимателей — некоммерческое партнерство «Союз малого и среднего бизнеса» и региональная общественная организация Свердловской области «Предприниматель» [3]. Тем не менее, результаты работы этих и других организаций неизвестны, прежде всего, тем, кому они и предназначались. Из этого следует, что для предпринимателей необходимо усилить информационное сопровождение мер поддержки, а для потенциальных предпринимателей — повысить эффективность реализуемых мер.

Результаты опроса подтвердили повышенную долю предпринимательской активности в населенных пунктах с численностью населения от 20 до 100 тыс. человек (табл. 2).

Таким образом, в меньшем по численности населения г. Асбесте (около 70 тыс.), предпринимательская активность на 32,4% выше, чем в областном центре — г. Екатеринбург (1 375 тыс.), а в г. Каменске-Уральском (около 179 тыс.) данный показатель опускается до минимального значения. Что в целом соответствует результатам исследования GEM, согласно которым, в городе с населением от 20 до 100 тыс. человек у граждан наибольшая заинтересованность в предпринимательстве, а от 100 до 500 тыс. человек — наименьшая. Так, предпринимательская активность в Екатеринбурге даже выше, чем, например, г. Каменске-Уральском, то есть если население превышает 500 тыс. человек, то активность потенциальных предпринимателей снова растет, но уже в меньших значениях, чем в небольших городах.

4. При выявлении основных причин, мотивирующих к предпринимательской деятельности, рассмотрим соотношение предпринимателей «по возможности» и предпринимателей «по необходимости». Материалы отчета GEM свидетельствуют, что в среднем по России семь предпринимателей из десяти это предприниматели «по возможности», а остальные — «вынужденные» [1]. Согласно результатам опросов, проведенных в моногородах Свердловской области Каменске-Уральском и Асбесте, результаты противоположны: доля предпринимателей «по необходимости» составляет 64,4%, а «по

Таблица 2

Сравнение предпринимательской активности в моногородах Асбесте и Каменске-Уральском и городе Екатеринбурге

Признак сравнения	г. Асбест	г. Каменск-Уральский	г. Екатеринбург
Численность постоянного населения (на 01.01.2010) [4]	70 тыс.	179 тыс.	1 375 тыс.
Доля респондентов, не удовлетворенных уровнем своего дохода	67,4%	38,5%	52,2%
Источники дохода	Самая высокая доля пособий по безработице (8% в общей структуре дохода), минимальная от имущества и инвестиций	Доход от имущества на 5,3% больше среднего; социальные пособия, практически, не получают; на 3,3% больше респондентов, которые доход не получают	На 6,1% выше доля доходов от заработной платы
Доход в будущем планируют повышать за счет	1-е место (79,2%) — работа по найму. 2-е место (12,2%) — предпринимательский доход. 3-е место (4,2%) — не планирую менять уровень своего дохода	1-е место (83,4%) — работа по найму. 2-е место (11,1%) — не планирую менять уровень своего дохода. 3-е место (5,6%) — предпринимательский доход	1-е место (75%) — работа по найму. 2-е место (11,1%) — предпринимательский доход. 3-е место (5,6%) - доход от имущества
Готовность к предпринимательской деятельности	1-е место (54,1%) — планируют в будущем организовать собственный бизнес (в том числе уже 18,9% на стадии регистрации). 2-е место (45,9%) — не готовы к предпринимательству	1-е место (100%) — не готовы к предпринимательству	1-е место (78,2%) — не готовы к предпринимательству. 2-е место (21,7%) — планируют в будущем организовать собственный бизнес
Причины, сдерживающие открытие нового бизнеса	1-е место — недостаток знаний, опыта, информации. 2-е место — плохие условия для ведения бизнеса. 3-е место — ожидаю улучшения положения	1-е место — недостаток знаний, опыта, информации. 2-е место — плохие условия для ведения бизнеса. 3-е место — не хочу рисковать	1-е место — недостаток знаний, опыта, информации. 2-е место — не хочу рисковать. 3-е место — плохие условия для ведения бизнеса

возможности» — 35,6%, что обусловлено особенностью территорий.

Таким образом, по результатам проведенного исследования можно констатировать, что в небольших городах, особенно там, где преобладает узкая хозяйственная специализация, в частности в моногородах, действительно проявляется наибольшая активность потенциальных предпринимателей. Организация предпринимательской деятельности на узкоспециализированных территориях, как отмечают респонденты, осуществляется в специфических условиях: в частности, высока доля безработных, а те, кто работает, не склонны связывать дальнейшие доходы с текущей работой и возлагают надежды на другое место работы или собственный бизнес. И отсутствие вакансий со стороны имеющих предприятий далеко не единственный фактор активности населения. Наиболее су-

щественным стимулом к предпринимательству выступает неудовлетворенность сегодняшним положением (не устраивал низкий уровень дохода, а также нежелание работать по найму).

Список источников

1. Глобальный мониторинг предпринимательства. Россия 2009. Отчет Global Entrepreneurship Monitor (GEM). // Высшая школа менеджмента Санкт-Петербургского государственного университета. [Электронный ресурс] URL: <http://www.gsom.spb.ru/research/eship/projects/gem/>.
2. Воронина К. И надежда, и угроза // Эксперт Урал. 2010. №7(409) (22 февраля). с. 3
3. Основные показатели социально-экономического развития города Каменска-Уральского за 2009 год // Официальный портал города Каменск-Уральского. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kamensk-uralskiy.ru/about/today/economics/>.
4. Численность населения Российской Федерации по городам, поселкам городского типа и районам на 1 января 2010 года : статистический сборник / Росстат. М., 2010, с. 13-18.

5. Совершенствование экономических механизмов государственного управления рациональным природопользованием: сборник научных трудов / Отв. ред. д. э. н., проф. А. Г. Шеломенцев. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2009. 112 с.

6. Беляев В. Н., Мыслякова Ю. Г., Крючкова А. В. Оценка эффективности освоения северных малоизученных территорий: месторождение «Новогоднее-Монто» / Под ред.

д. э. н. Е. Л. Андреевой. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2010. 100 с.

УДК 334.722(1-21)

ключевые слова: предпринимательство, организация предпринимательской деятельности, узкоспециализированная территория, моногорода, предпринимательская активность, социально-экономическое развитие территорий

ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ СОЦИАЛЬНО ОТВЕТСТВЕННОЙ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ¹

Ю. Г. Мыслякова, С. Б. Бронштейн

В статье рассмотрена такая особенность становления региональной социально ориентированной институциональной политики, как требование повышенного внимания к социальным инновациям, к масштабам, источникам и результативности социального инвестирования, исследуется институт информационного обслуживания. Особо подчеркнута важность взаимодействия центра и субъектов Федерации при формировании региональной политики.

При институциональной интерпретации региональной политики следует исходить из трехуровневой системы ее пространственной организации: речь идет о федеральном, региональном и муниципальном уровнях, на которых должны совершенствоваться функционирующие и слагаться новые институты, призванные определять и осуществлять политику социальной ответственности во всех сферах жизнедеятельности человека. Во времени институциональная среда должна складываться для решения долгосрочных, среднесрочных и краткосрочных задач. Полагаем, что нельзя согласиться с утверждением о том, «...что планировать правительственные меры на долгосрочную перспективу довольно проблематично, так как на коротких интервалах события экономической жизни обесценивают предпринимаемые усилия» [9, с. 317]. При подобном подходе заниматься долгосрочным индикативным планиро-

ванием и прогнозированием на местах вообще не имеет смысла.

Относительно формы и содержания институциональной политики следует отметить следующее.

Важнейшей характеристикой региональной институциональной политики должна стать гибкость, многообразие государственных и общественных институтов и взаимообусловленность формальных и неформальных институтов. «В России ... судебная и финансовая системы, сфера деловых услуг, включая юридические и консалтинговые, гибкие формы занятости и т. д., если и существуют, то в зачаточном состоянии. Более того, в последние 10 лет основные институциональные реформы, которые оказались более или менее успешными, были связаны с созданием институциональных форм, необходимых для догоняющего развития, замены плановых институтов рыночными или просто для осуществления макроэкономической стабилизации...» [10, с. 6]. К процитированному добавим, что сложившаяся на федеральном уровне государственная институциональная система, во-первых, практически игнорирует принцип социальной ответственности, во-вторых, не учитывает региональную специфику и, в-третьих, имеющая место в системе невосприимчивость к технологическим инновациям в полной мере относится к инновациям социальным. Более того, в декларируемой Правительством РФ политике перехода на инновационную модель развития экономики крайне недостаточное внимание уделяется инновационным подходам к решению регио-

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 10-02-00294а «Оценка влияния малого предпринимательства на социально-экономическое развитие узкоспециализированных территорий в условиях кризиса».

5. Совершенствование экономических механизмов государственного управления рациональным природопользованием: сборник научных трудов / Отв. ред. д. э. н., проф. А. Г. Шеломенцев. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2009. 112 с.

6. Беляев В. Н., Мыслякова Ю. Г., Крючкова А. В. Оценка эффективности освоения северных малоизученных территорий: месторождение «Новогоднее-Монто» / Под ред.

д. э. н. Е. Л. Андреевой. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2010. 100 с.

УДК 334.722(1-21)

ключевые слова: предпринимательство, организация предпринимательской деятельности, узкоспециализированная территория, моногорода, предпринимательская активность, социально-экономическое развитие территорий

ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ СОЦИАЛЬНО ОТВЕТСТВЕННОЙ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ¹

Ю. Г. Мыслякова, С. Б. Бронштейн

В статье рассмотрена такая особенность становления региональной социально ориентированной институциональной политики, как требование повышенного внимания к социальным инновациям, к масштабам, источникам и результативности социального инвестирования, исследуется институт информационного обслуживания. Особо подчеркнута важность взаимодействия центра и субъектов Федерации при формировании региональной политики.

При институциональной интерпретации региональной политики следует исходить из трехуровневой системы ее пространственной организации: речь идет о федеральном, региональном и муниципальном уровнях, на которых должны совершенствоваться функционирующие и слагаться новые институты, призванные определять и осуществлять политику социальной ответственности во всех сферах жизнедеятельности человека. Во времени институциональная среда должна складываться для решения долгосрочных, среднесрочных и краткосрочных задач. Полагаем, что нельзя согласиться с утверждением о том, «...что планировать правительственные меры на долгосрочную перспективу довольно проблематично, так как на коротких интервалах события экономической жизни обесценивают предпринимаемые усилия» [9, с. 317]. При подобном подходе заниматься долгосрочным индикативным планиро-

ванием и прогнозированием на местах вообще не имеет смысла.

Относительно формы и содержания институциональной политики следует отметить следующее.

Важнейшей характеристикой региональной институциональной политики должна стать гибкость, многообразие государственных и общественных институтов и взаимообусловленность формальных и неформальных институтов. «В России ... судебная и финансовая системы, сфера деловых услуг, включая юридические и консалтинговые, гибкие формы занятости и т. д., если и существуют, то в зачаточном состоянии. Более того, в последние 10 лет основные институциональные реформы, которые оказались более или менее успешными, были связаны с созданием институциональных форм, необходимых для догоняющего развития, замены плановых институтов рыночными или просто для осуществления макроэкономической стабилизации...» [10, с. 6]. К процитированному добавим, что сложившаяся на федеральном уровне государственная институциональная система, во-первых, практически игнорирует принцип социальной ответственности, во-вторых, не учитывает региональную специфику и, в-третьих, имеющая место в системе невосприимчивость к технологическим инновациям в полной мере относится к инновациям социальным. Более того, в декларируемой Правительством РФ политике перехода на инновационную модель развития экономики крайне недостаточное внимание уделяется инновационным подходам к решению регио-

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 10-02-00294а «Оценка влияния малого предпринимательства на социально-экономическое развитие узкоспециализированных территорий в условиях кризиса».

нальных социальных проблем. Между тем современный мировой кризис показал, насколько по-разному отразились на социально-экономическом состоянии регионов и локальных территорий (прежде всего моноотраслевых городов) такие факторы как: падение бюджетных доходов в результате снижения цен на нефть и сокращения спроса на продукцию металлургической промышленности на мировых рынках; неконкурентоспособность автопрома, масштабы и направленность структурных преобразований градообразующих отраслей и предприятий; предпринимательская активность населения; уровень образования и квалификация кадров, демографическая ситуация и даже обеспеченность населения загородными садово-огородными участками. Только гибкая и социально ориентированная институциональная среда способна содействовать решению подобных проблем.

Особенности становления в регионах социально ориентированной институциональной политики в связи с необходимостью перехода на инновационную модель развития территориальных социально-экономических систем заключаются в следующем.

Во-первых, как в научных исследованиях, так и в практической работе инновационная деятельность ассоциируется обычно с производственно-хозяйственной технологической сферой, с необходимостью активизации внедрения инноваций в так называемый высокотехнологический комплекс. Это действительно одна из актуальнейших задач отечественной экономики. Однако переход территориальных социально-экономических систем на инновационную модель развития требует существенного усиления внимания в субъектах Федерации и муниципальных образованиях к социальным инновациям, к приведению существующих на местах формальных и неформальных норм, правил и традиций в социальной сфере в соответствие с современными требованиями жизни. Социально ориентированная институциональная политика предполагает включение социальных инноваций во все сферы жизнеобеспечения при четком определении функций управляющих структур с учетом использования современных научно обоснованных механизмов и инструментов.

Во-вторых, в переходе регионов на инновационную модель социально ориентированного развития определяющее значение имеют масштабы, источники и результативность социаль-

ного инвестирования. Доминирующим источником социальных инвестиций в современных российских условиях является государственный (федеральный и региональный) бюджет. Вместе с тем инновационные подходы необходимы для привлечения к решению наиболее острых территориальных социальных проблем бизнес-структур. Представляется, что привлечение предпринимательских структур сделает борьбу с очагами социальной напряженности более эффективной [7, с. 15]. Социально ориентированная экономика непременно должна предполагать развитие человеческого потенциала общества [2, с. 42]. Региональные и муниципальные органы управления должны сделать все от них зависящее, чтобы принципы корпоративной социальной ответственности на территориях дислокации промышленных предприятий по мере преодоления кризиса соблюдались в максимальной мере. В первую очередь, должны соблюдаться принципы экономического гуманизма [3, с. 4]. При оценивании результативности социального инвестирования широко используют понятия «качество жизни» и «уровень жизни». Воспользуемся определениями данных понятий, сформулированными в работе [4, с. 8, 13]. Категория «качество жизни» характеризует сущность развитости личности, социальных групп и общества в целом и реализацию их способностей, обусловленных удовлетворением всего комплекса их потребностей и интересов. Категория «уровень жизни» представляет собой денежную оценку ресурсов, направляемых на потребление и сознательную деятельность личности, социальных групп и всего общества. Полагаем, что наиболее широкое поле для инновационной деятельности представляют мероприятия по радикальному повышению качества жизни: в образовании – от дошкольного воспитания до подготовки соответствующих мировому уровню кадров высшей квалификации; в медицине – от переоснащения лечебных учреждений до существенного повышения профессионализма и культуры медицинского обслуживания; в ЖКХ – от способов утилизации бытовых отходов до снижения энергоемкости и т. д.

В-третьих, при становлении в регионах социально ориентированной институциональной политики необходимо учитывать достоинства созданной за годы советской власти социальной институциональной среды. Это относится и к решению жилищной проблемы, и к медико-санитарным частям на предприятиях, и к

молодежным общежитиям, и к системе подготовки рабочих кадров и т. д. При этом нельзя не согласиться с тем, что «...самыми сложными могут оказаться проблемы, связанные с изобретательностью людей, их раскованностью, свободой мышления, заложенной образованием, и с качеством их работы, навыками и компетенциями, которыми они владеют. При этом и изобретательность, и качество работы людей обусловлены институтами, обычаями, которые плохо поддаются изменениям» [10, с. 17]. Иными словами, институциональные преобразования в регионах должны быть сориентированы не на точечную инновационную деятельность, а на массовое вовлечение граждан в творческую деятельность во всех сферах жизнеобеспечения.

В формировании региональной социальной политики большое значение имеет институт социальной стандартизации и аудита, которому у нас не уделяется надлежащего внимания.

В то время как в отечественной базе социальной стандартизации (см. например, национальный стандарт РФ ГОСТ Р 52143-2003 «Социальное обслуживание населения. Основные виды социальных услуг») преимущественное внимание уделено социальному обслуживанию людей, оказавшихся в сложной жизненной ситуации, в Европейской социальной хартии (Страсбург, 03.05.1996) упор делается на социальную защиту индивидуума и семьи, на оказание социальных услуг населению в самом широком спектре жизнеобеспечения. В дореформенный период система социальных стандартов хотя и была весьма действенной, однако ограничивалась узким кругом отмеченных выше количественных параметров. Особенно сложными, требующими научного осмысления являются проблемы оценки качества социальных услуг. «Все социальные услуги оказываются человеком, носят непроизводственный характер, характеризуются сложным или комбинированным технологическим процессом, высокой степенью взаимодействия потребителя и производителя, законностью и массовостью оказания, могут являться основной или дополнительной услугой... В силу неотделимости услуги от ее исполнителя (человека) особенно актуальна проблема качества социальной услуги, которую пытаются обеспечить с помощью системы стандартов» [4, с. 801]. Социальные стандарты должны стать нормативной основой социального аудита, становление которого требует решения следующих задач [5, с. 97-114]:

— разработка и принятие рамочного закона РФ о социальном аудите и социальной стандартизации и соответствующих нормативно-законодательных актов в регионах;

— создание на федеральном уровне при Российской трехсторонней комиссии Совета по аудиторской деятельности, создание аналогичных структур в субъектах Федерации;

— формирование при Общественной палате РФ специальной комиссии по социальной стандартизации и развитию социального аудита в РФ с учетом региональных национально-культурных особенностей;

— создание общероссийского Научно-методического центра социального аудита на базе уже существующего Национального института социального аудита, учрежденного Академией труда и социальных отношений.

Институту сохранения окружающей среды научной общественностью уделяется повышенное внимание с начала 80-х годов прошлого столетия, после решений упоминавшейся выше конференции.

Отметим следующие направления совершенствования данного института в региональном разрезе:

— упорядочение системы контроля за состоянием окружающей среды с использованием обновленных нормативов предельно допустимых концентраций вредных веществ в атмосфере, воде, на земной поверхности, уделив особое внимание хозяйственно-питьевому водоснабжению, промышленным и бытовым отходам, выбросам от автотранспорта в крупных городах;

— несмотря на наличие многочисленных методик оценки экономического ущерба, наносимого природной среде промышленным производством и браконьерством, в них (методиках) недостаточно учтена социальная составляющая. Кроме того, размер платы за загрязнение у нас сплошь и рядом занижается; приведение денежной компенсации в соответствие с мировым уровнем является задачей, решение которой связано с повышением ответственности как экономической, так и административной (и даже уголовной) за нарушение законодательства о сохранении окружающей природной среды;

— радикальное повышение на инновационной основе качества оборудования, приборов и реагентов, с помощью которых контролируется качество природной среды, привлечение для этих целей высокотехнологичных предприятий,

размещенных на данной территории. Прежде всего это относится к предприятиям военно-промышленного комплекса;

— уточнение функций контролирующих организаций, концентрация данных о состоянии природной среды в едином информационном блоке, организация систематизированного экологического мониторинга;

— нормативно-правовая регламентация в субъектах Федерации финансирования мероприятий по сохранению окружающей среды с привлечением местных источников капиталовложений (региональных, муниципальных, частных).

При совершенствовании сложившегося за годы реформ института регионального и муниципального контроля и надзора следует исходить из того факта, что на федеральном уровне ведется работа по упорядочению государственного законодательства в данной сфере общественной жизни. Это подтверждается в частности, тем, что в конце 2008 года Федеральным собранием было принято два закона: №293-ФЗ от 26 декабря 2008 года «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части исключения внепроцессуальных прав органов внутренних дел Российской Федерации, касающихся проверок предпринимательской деятельности»; №294-ФЗ от 26 декабря 2008 года «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля». Можно отметить следующие положительные моменты нового законодательства:

— регламентация муниципального контроля, исключение дублирования деятельности государственных и муниципальных контролеров;

— запрет на проведение плановых проверок чаще одного раза в три года с введением прозрачного основания для включения проверки в ежегодный план;

— направление в органы прокуратуры планов проверок и согласование с ними внеплановых проверок субъектов малого и среднего предпринимательства;

— признание недействительными проверок, проведенных с грубым нарушением законодательства (приводится перечень таких нарушений).

Вместе с тем «...анализ закона № 294-ФЗ дает основания для двойственной оценки его вклада в устранение избыточных ограничений

для развития предпринимательства: с одной стороны, появление ряда новелл позволяет делать умеренно оптимистические прогнозы, с другой стороны, для документа такого уровня слишком много положений выглядят как полумеры. Несомненно, определяющим является то, насколько заложенные в новом законе принципы будут реализованы в предусмотренных подзаконных актах» [6, с. 86-96].

В связи с рассмотрением института контроля отметим два обстоятельства. Во-первых, лишь некоторые законодательные меры, по выражению Президента Д. А. Медведева, позволят в какой-то мере прекратить «кошмарить бизнес». Во-вторых, действенность института контроля во многом зависит от неформальных правил. Вспомним, насколько эффективным контролирующим органом был Комитет партийного контроля при ЦК КПСС. Возможно, правящей партии следует вспомнить этот опыт хотя бы с точки зрения результативности выполнения партийных решений, внутривнутрипартийной этики и дисциплины.

Хотя институт информационного обслуживания в последние годы в России в целом развивается, отметим следующую особенность: по мере снижения административного уровня управления темпы развития информационного сектора, включающего средства связи, телекоммуникационные системы, компьютеризацию и пр. заметно снижаются.

Наиболее интенсивно этот сектор развивается в федеральных столицах — Москве и Санкт-Петербурге, затем следуют города-миллионники и столицы субъектов Федерации, в зависимости от масштабов и отраслей специализации информационная сфера получает развитие в крупных промышленных центрах, наконец, наиболее слабо информационное обслуживание развито в муниципальных образованиях агропромышленной специализации.

При совершенствовании института информационного обслуживания населения следует учитывать, что «информационный подход в теории организации позволяет обратить пристальное внимание на изменение ее структуры, функций и задач при вторжении компьютерно-вычислительных систем, преобразующих роль административного аппарата, мотивы поведения, стиль управления, проводя многие решения и процедуры в автоматическом режиме, повышая степень автономности организации и одновременно размывая ее границы, так как обладание одинаковым информационными

возможностями неуклонно ведет к усреднению роли отдельных индивидов, групп и организаций в целом» [9, с. 800]. В этой связи особое значение приобретает, с одной стороны, наукоемкость института информационного обслуживания, использование научной методологии, наработанной как отечественной, так и мировой наукой в данной области знаний, и с другой — систематическое ознакомление широких кругов общественности с ходом и результатами принимаемых региональной и муниципальной властью решений, используя такие инструменты гражданского общества как общественные слушания, обсуждение наиболее актуальных проблем в общественных палатах, организация гражданского контроля, общественной экспертизы и др. Все более весомое значение приобретает интернет. Наконец, совершенствование института информации связано с широким обменом опытом и знаниями между властными структурами субъектов Федерации и органами местного самоуправления, а также между институтами гражданского общества хотя бы в пределах федеральных округов. Использование накопленного на местах так называемого тезауруса (под которым подразумевается сумма осмысленного опыта и знаний) может послужить действенным средством повышения качества информационного обслуживания населения.

Важным представляется рассмотрение вопросов формирования социально ориентированной политики при совершенствовании института стратегического социально-экономического планирования и прогнозирования.

Региональное стратегическое планирование и прогнозирование должно быть направлено на повышение качества и уровня жизни населения с учетом передовых мировых стандартов жизнеобеспечения. Для этого необходимо решить следующие задачи:

- создать адекватную институциональную среду;
- формировать стратегии регионального развития на инновационной основе;
- определить приоритеты в социальном и экономическом развитии территории;
- подвергнуть научному анализу факторы, определяющие возможности достижения намеченных целей;
- определить реальные сроки достижения предварительно разработанных социальных стандартов.

Институциональным фундаментом социально ориентированной политики являются ус-

тановки федерального Центра. Так, «...региональные программы представляют собой комплекс мероприятий, инициируемых, разрабатываемых, утверждаемых и осуществляемых органами государственной власти субъектов Российской Федерации на долгосрочный период в соответствии с типовым макетом программы социально-экономического развития субъекта Российской Федерации ... и обеспечивающих эффективное решение задач в области социально-экономического развития субъектов Российской Федерации» [8]. Вместе с тем совершенствование института стратегического планирования и прогнозирования в регионах связано, с одной стороны, с формализацией научного сопровождения, содержания, последовательности и оценивания результативности стратегических разработок, и с другой — с формированием системы неформальных партнерских отношений между властью, бизнесом и гражданским обществом с целью согласования интересов при определении перспектив социально ориентированного развития каждой локальной территории и субъекта Федерации.

Формирование стратегии регионального развития на инновационной основе предполагает прежде всего проведение предшествующего разработке перспективных материалов комплекса научных исследований по глубокому осмыслению социально-экономического потенциала территории. Необходимо подчеркнуть, что традиционно Центр стремится к выравниванию социально-экономического состояния территорий. При этом региональная власть регионов-реципиентов прикладывает максимальные усилия к выбиванию из федерального Центра дотаций и субсидий, а не к поиску путей саморазвития. Во всяком случае, экономическая наука практически не получает заказов на выполнение исследований по объективной оценке возможностей более эффективного использования природно-ресурсного, трудового, рекреационного и других потенциалов проблемных регионов.

В связи с определением других приоритетов в социальном и экономическом развитии территорий различной отраслевой специализации в экономической литературе дискутируются проблемы выбора сценариев, с одной стороны, для сырьевых территорий, а с другой — для территорий различной технологической специализации, производственную основу которых составляет обрабатывающая промышленность. Мы полностью разделяем следующую точку

зрения: «...В рамках инновационного сценария для многих регионов можно рассматривать и сырьевую, и технологическую составляющие с присущими им ожиданиями и рисками. При этом нельзя противопоставлять сырьевую и инновационно-технологическую модели развития для регионов. Это связано с тем, что, во-первых, каждый регион в силу объективных экономико-географических условий имеет свою сложившуюся социально-экономическую структуру; во-вторых, сырьевая специализация не только не отрицает, но и предполагает реализацию инновационной модели развития» [1, с. 22]. Вместе с тем представляется весьма спорным соображение о том, что «...в рамках инновационного сценария первоочередными, скорее всего, будут инновации в сфере сырьевых, экспортоориентированных производств. Что же касается инновационного развития в технологическом секторе, то здесь инкубационный период консолидации и накопления ресурсов, достаточных для того, чтобы инновационный сектор стал играть значимую роль в экономике, будет более длительным» [1, с. 27]. Полагаем, что при правильно выбранных приоритетах технологического развития вовсе не обязательно ориентироваться только на собственные ресурсы. Возможно привлечение заемных средств, участие государства в реализации хорошо обоснованных проектов, наконец, привлечение зарубежных инвестиций. Политика ориентации исключительно на собственные силы здесь, по нашему мнению, неуместна. Вспомним поучительный китайский опыт: в течение многих лет в двадцатом веке доминировала установка опоры на собственные силы, а сегодня используются самые передовые технологии мирового уровня в сочетании с созданием особо благоприятного инвестиционного климата для продвинутых и надежных западных инвесторов.

Факторы, определяющие условия формирования и реализации социально ориентированной политики регионального развития, традиционно классифицируем по двум основным видам – эндогенные, характеризующие внутрирегиональные условия, влияющие на перспективы территории, и экзогенные, характеризующие воздействие внешней среды на перспективы развития региона. По каждому из указанных видов подлежит научному анализу система факторов, включая политические, социальные, экономические, организационные, инфраструктурные, инновационные, технологические и экологические. Содержание классифи-

кации выходит за рамки данной работы, здесь отметим лишь, что к эндогенным социальным факторам отнесены демографический потенциал, трудообеспеченность, качество и уровень жизни, нравственно-культурные нормы и традиции, социальное самочувствие населения; к экзогенным социальным факторам отнесены: решения государственной власти по улучшению демографической ситуации, помощь государства в лице федеральной власти в решении проблем трудоустройства и социальной защиты населения, деятельность федеральных органов управления по сохранению и развитию положительных традиций и устранению негативных социальных явлений (преступность, наркомания и т. п.), определение комплекса государственных мер по улучшению социального самочувствия населения.

Одной из наиболее сложных задач, которую предстоит решить в ходе совершенствования института стратегического социально-экономического планирования и прогнозирования, является определение реальных сроков достижения социальных стандартов, соответствующих передовому мировому уровню. Необходимо признать, что пока экономическая наука не располагает методологической базой для решения данной задачи.

В заключение представляется целесообразным отметить, что в трехуровневой системе пространственного формирования социально ответственной региональной политики роль федерального Центра является определяющей. Во-первых, необходимо иметь в виду, что экономический рост и институциональные преобразования, связанные с решением социальных проблем, не находятся в непосредственной взаимосвязи. Приоритетной целью институтов государственного регулирования федерального уровня должно стать повышение качества и уровня жизни населения всей страны. Институциональные реформы, провозглашенные Правительством РФ, в ряде случаев не воплощаются в жизнь. Во-вторых, одним из исключительно актуальных направлений институциональной политики на федеральном уровне должно стать упорядочение взаимоотношений власти и экспертного сообщества; дальнейшее крайне неэффективное использование интеллектуального потенциала, накопленного в Российской академии наук и в системе высшего образования не может быть оправдано. В-третьих, учитывая разнообразие политических, экономических, социальных, экологичес-

ких и экономико-географических условий российских регионов, институты взаимодействия Центра и субъектов Федерации должны перманентно совершенствоваться в направлении индивидуальных адресных гибких подходов к каждому региону в отдельности. Унифицированный подход здесь абсолютно непродуктивен.

Что касается совершенствования институциональной базы социальной ответственности власти непосредственно в субъектах Федерации и органах местного самоуправления, то можно выделить необходимость упорядочения и приведения в соответствие с современными требованиями следующих институтов:

- взаимодействие региональных властных структур с федеральными органами управления и с другой — с муниципалитетами;

- развитие человеческого потенциала и инфраструктурного обеспечения жизнедеятельности населения;

- регулирование отношений собственности;

- инновационное развитие региональных социально-экономических систем;

- социальная стандартизация и социальный аудит;

- сохранение окружающей природной среды; контроля и надзора;

- информационное обслуживание населения;

- стратегическое социально-экономическое планирование и прогнозирование.

Список источников

1. Агафонов В. А. Инновационная стратегия развития региона // Экономическая наука современной России. 2009. № 3. с. 22-27.

2. Андреева Е. Л. Демографическая составляющая концепции человеческого потенциала // Демографическая политика в регионе. Проблемы и перспективы : сб. ст. Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 2010. 196 с.

3. Андреева Е. Л., Лосева Е. Ю. Экономический гуманизм как методологическая основа социально ориентированного развития // Механизмы оценки влияния социальной ответственности бизнеса на устойчивое развитие регионов России / Под ред. д. э. н. Е. Л. Андреевой. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2010. 243 с.

4. Качество жизни и экономическая безопасность России / Под ред. В. А. Черешнева, А. И. Татаркина. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2009.

5. Мешков В. Социальный аудит. Российская практика // Общество и экономика. 2009. № 6. с. 97-114.

6. Мигин С. О новом законодательстве РФ о государственном и муниципальном контроле // Общество и экономика. 2009. № 6. с. 86-96.

7. Мыслякова Ю. Г. Методические положения по мониторингу социальной ответственности бизнеса на базе оценки возникновения очагов социальной напряженности // Методология оценки влияния социальной ответственности бизнеса на экономику регионов России : сб. науч. тр. под ред. д. э. н. Е. Л. Андреевой. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2009. 195 с.

8. О совершенствовании разработки, утверждения и реализации программ экономического и социального развития субъектов Российской Федерации. Приказ Министерства экономического развития и торговли РФ от 17 июня 2002 г. № 170.

9. Сухарев О. С. Институциональная экономика. Теория и политика // Институт экономики РАН. М.: Наука, 2008.

10. Юдаева К., Ясин Е. Стратегия-2050. Справится ли Россия с вызовами глобализации? // Вопросы экономики. 2008. № 5. с. 6-17.

УДК 332.14

ключевые слова: институциональная политика региона, социальная ответственность, инновационное развитие, стратегическое планирование, социальное инвестирование, институциональная среда

ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ КОРПОРАТИВНОГО РАЗВИТИЯ В РОССИИ: СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ БИЗНЕСА¹

Ж. С. Беляева

Финансовый и экономический кризис сделал видимой степень готовности к изменениям в различных типах организаций во всем мире и России. Наблюдается трансформация социально-экономических программ, осуществляемых государственным и корпоративным сектором; не все они работают во благо населения, особенно в странах с быстроразвивающимися рынками. В то же время за двадцать лет рыночной экономики в России, например, определенно построили новую социально-экономическую систему, но изменились ли управленческие методы кардинальным образом? В исследовании обобщены тенденции корпоративного развития России в контексте социальной ответственности бизнеса и социально-экономической трансформации. Предпринята попытка определения места России на мировой карте социальной ответственности бизнеса.

В условиях трансформации мировой экономики, глобализации и постепенного создания новой модели глобального управления старые ценности и идеалы, связанные с первоочередной задачей получения прибыли, уступают место приоритету создания общественно значимых благ, а следовательно, только социально-ответственные компании смогут быть успешными участниками мировой экономики. Повышение значимости нематериальных факторов экономического роста заставляет компании стремиться к инновациям и внедрять новые технологические достижения, в основе которых лежит человеческий, интеллектуальный, социальный капитал. Это задает экономические императивы социализации бизнеса.

В результате длительного и непрерывного процесса капиталистического развития западных стран сформировалась сложная и сбалансированная система регламентации взаимоотношений частного предпринимательства и власти общества в сфере социально-экономического развития стран и отдельных территорий. В настоящее время в разных странах участие бизнеса

в решении социальных проблем либо жестко регулируется в рамках действующего коммерческого, налогового, трудового, экологического законодательства, либо осуществляется самостоятельно под воздействием специально установленных стимулов и льгот.

В России этот процесс находится на начальных этапах своего развития и происходит в условиях господствующих позиций государства, крайне слабого развития институтов гражданского общества и олигархического развития бизнеса. И правила взаимодействия этих институтов, роль отдельных сторон и мера их участия в социальном развитии только формируются [7].

Сам термин «корпоративное развитие» появился в российских академических источниках середине 90-х, в бизнес-среде вопросы эффективности данного подхода и соответствующих инструментов до сих пор представляются весьма дискуссионными. Социальная ответственность российского бизнеса берет истоки в бесцельной филантропии 90-х, а в западном понимании начала реализовываться только в 2001–2003 гг.

По утверждению некоторых авторов, культурные, структурные и рутинные коммуникации, возникающие на разных корпоративных уровнях, становятся проводниками воздействия на фирмы [6]. В этой связи приверженцы институционального подхода утверждают, что система корпоративного развития будет в значительной степени определена институциональными нормами в экономической культуре.

Другой интересный теоретический подход к развитию сферы корпоративного управления — это социальная перспектива, которая основывается на теории ресурсной зависимости в контексте влияния социальных сетей на формирование и состав совета директоров [5]. Фундаментальным является вывод о том, что действия фирмы настолько интегрированы в социальные сети, что действия совета директоров в значительной степени определяются устойчивыми корпоративными и общественными отношениями [3].

Наконец, известная теория заинтересованных лиц системы корпоративного управления Фримана основывается на плюралистическом подходе к организациям [4]. Стейкхолдеры

¹ Статья подготовлена при поддержке интеграционной программы с учеными ДВО РАН № 09-С-6-1004 «Региональная социально-экономическая политика как инструмент устойчивого экономического роста в условиях экономической интеграции».

Подходы к сущности социальной ответственности бизнеса

Тип	Сторонники	Сущность КСО (СОБ)
Либеральный	Т. Левитт (1958), М. Фридман (1970)	Отрицание экономического эффекта КСО, соблюдение установленных законом и деловыми обычаями обязательств, правил и традиций, низкий или нулевой уровень поддержки социальных проектов
Традиционный	представители бизнес-среды	Несистемная поддержка социальных проектов посредством спонсорства и благотворительности как дань тенденциям рынка; социальные расходы приравниваются к убыткам
Социальный	Г. Боуэн (1953), С. Сети (1975), Д. Вуд (1991)	Внутренне- и клиентоориентированная ответственность (производство качественных товаров и услуг, уплата налогов, создание рабочих мест, достойная оплата труда персонала)
Стратегический	К. Девис (1960), Р. Аккреман (1973), Э. Эпштайн (1987), Портер и Креймер (2007)	КСО – элемент стратегии с экономическим эффектом, направлена на решение социальных, экологических; направленность во внешнюю и внутреннюю среду корпорации.
Интегрированный	Р. Фриман (1984), Т. Дональдсон, Л. Престон (1995), Р. Штойер (2005), О. Фалк, С. Хиблич (2007)	Направленность во внешнюю и внутреннюю среду корпорации, учет интересов всех заинтересованных сторон; КСО – часть системы корпоративного управления и имеет экономический эффект

серьезным образом заинтересованы в финансовых, корпоративных и иных результатах организации. Они активно предпринимают попытки повлиять на развитие организации с целью влияния на ее руководство так, чтобы это последовательно удовлетворяло их потребности и приоритеты.

Сопоставление точек зрения на содержание, границы, формы проявления социальной ответственности бизнеса позволяет выделить пять подходов к пониманию содержания и границ социальной ответственности бизнеса: либеральный, традиционный, социальный, стратегический и интегрированный (см. табл. 1).

В смысле свободы экономической культуры стейкхолдеров ситуация носит циклический характер. Например, положение в области корпоративного управления в России до 2004 г. коррелирует с ситуацией в Америке в 50-х годах. Так, из существующих наделенных властью органов компании (а именно: общее собрание, совет директоров и глава) первый преднамеренно отстранен от дел компании, второй не принимает активного участия в них, а контроль находится в руках главы компании.

Учитывая уровень социально-экономических трансформаций в России в период 2000–2001 гг. был правильным моментом для того, чтобы начать институционализацию корпоративного развития и социальной ответственности в России. В последние несколько лет ведущую роль в установлении стандартов корпоративного управления играют регулирующие органы, которые ведут обширную образовательную кампанию — внедрение культуры надлеж-

ающего корпоративного управления посредством специально разработанных принципов надлежащей практики корпоративного управления для России. После последнего кризиса 2008–2010 гг. государство активно включилось в процессы регулирования развития системы корпоративного управления, можно снова говорить о появлении «невидимой, но жесткой руки».

В то же время в России, в отличие от зарубежных моделей, центральным субъектом управления, в частности корпоративного, остается менеджер, выстраивающий определенную систему управления бизнесом изнутри [2]. Его задача и главная цель — реализовать потенциал предприятия, а главный критерий эффективности — производительность. С другой стороны, менеджер выстраивает отношения с собственником, исходя из его интересов, главные из которых — рост рыночной стоимости бизнеса и возврат инвестиций на вложенный капитал. Последнее является для собственника основным критерием эффективности работы бизнеса. Классический конфликт интересов «менеджер — собственник» — важный элемент внутренней среды бизнеса. Соответственно, организационная культура корпорации технократического типа, преобладавшая до недавнего времени, и господствовавший стиль менеджмента основывались преимущественно на принятии решений и контроле их исполнения. При традиционном подходе хозяйственная организация рассматривается как закрытая система, ее цели и задачи считаются заданными и остаются, как и другие условия деятельности, достаточно стабильными в течение длительного времени, а

в механизмах управления решающее значение имеют исполнительность и эффективный контроль над всеми видами деятельности.

Одной из черт социально-экономической трансформации, касающейся корпоративного развития российских субъектов, является социально ответственный подход бизнеса к системе корпоративных отношений вне зависимости от облигаторных и добровольных мотивов.

Становится очевидным, что должным образом выбранные векторы стратегического социально-экономического направления приводят к определению портфеля категорий членов процесса корпоративного развития. В том числе формируется информация о фактической и потенциальной заинтересованности стейкхолдеров, а также дается оценка корпоративным ценностям. Основные явно сформулирован-

ные и скрытые ценности предприятия влияют на выбор стратегических целей и решения о выполнении своих формальных и неформальных обязанностей перед заинтересованными лицами. Наконец, стратегия определяет, какие заинтересованные лица важны для успеха предприятия и почему. Стейкхолдеры способствуют доходности компании посредством влияния на определение стратегических программ в сфере социальной ответственности перед заинтересованными лицами.

Некоторые особенности корпоративного развития бизнес-среды российских компаний систематизированы в таблице 2.

Одной из основных проблем введения в практику компаний принципов КСО в настоящий момент является краткосрочность ориентирования стратегий развития компаний, их зависимость от

Таблица 2

Этапы корпоративного развития в разрезе тенденций корпоративного управления (КУ) и социальной ответственности бизнеса (СОБ)

Субъекты корпоративного развития		1991–1998 гг.	1999–2002 гг.	2003 г. — наст. время
Акционеры	КУ	Отстранены от дел корпорации, теневые поглощения. Формируется особая экономическая культура, не публикуется информация о стратегических планах, реструктуризация может стать большим сюрпризом для акционеров	Волна слияний и поглощений промышленности продолжает оказывать существенное влияние на корпоративное управление в России. Корпоративное управление стало центром общественных интересов, появляется кодекс корпоративного поведения	Формируется особая российская модель корпоративного управления, отличная от англо-американской, немецкой или японской. Регулирующие органы ведут образовательную кампанию — внедрение культуры надлежащего корпоративного управления посредством специально разработанных принципов надлежащей практики корпоративного управления для России
	СОБ	Нарушения прав собственности. Низкий уровень ответственности, раскрытия информации, этики бизнеса.	Институциональные инвесторы выступают против злоупотреблений в сфере корпоративного управления и делают первые шаги к повышению прав стейкхолдеров и социальной ответственности компаний	Корпорации развивают свою социальную ответственность и деловую этику на более высоком уровне. Отчетность по мировым стандартам публикуется в сфере КСО. «Гиперответственность» вследствие обремененности российских фирм социальными обязательствами
Совет Директоров	КУ	Пассивная роль, минимальное количество независимых директоров-аутсайдеров. Директора лоббируют интересы тех групп акционеров, которые голосовали за этих директоров	Старые лидеры приходят к власти в недавно основанных компаниях. Остается практика совмещения одним и тем же человеком двух постов (главы компании и ее председателя).	«Повышение стоимости» на корпоративном уровне, произошло в сфере восприятия роли Совета директоров и признания важности этой роли. Наличие независимого директора в совете директоров стало показателем прогрессивной компании. Лидеры корпораций - профессиональные управленцы (вместо лидеров власти прошлого)

Окончание табл. 2 на следующей странице

Субъекты корпоративного развития		1991–1998 гг.	1999–2002 гг.	2003 г. — наст. время
	СОБ	Ориентация бизнеса на социальные запросы государства (часто принудительная)	Точечная поддержка социальных проектов, работа по направлению государственных целей в социальной политике, реструктуризация органов управления в области КСО	Стратегически выверенная постановка приоритетов в корпоративной социальной политике, функциональные комитеты по социальной стратегии компании. Но КСО в основном воспринимается как забота о персонале и неприбыльная благотворительность в рамках пиара
Внутренние стейкхолдеры	КУ	Контроль в руках исполнительных директоров, топ-менеджмент обладает расширенными полномочиями	Менеджмент остается центральным звеном корпорации	Актуализированы вопросы социальной политики в отношении работников (повышение квалификации и образование, система мотивации; охрана здоровья и улучшение условий труда; добровольное медицинское страхование; корпоративные пенсионные фонды и пр.)
	СОБ	Обеспечение сотрудников компаний и их семей при невыполнении базовых элементов (уплаты налогов, нормированный рабочий день и т. д.)	Повышение качества социального пакета сотрудника	Создание органов социальной поддержки сотрудников и их семей, работа над формированием и внедрением корпоративной культуры компании
Внешние стейкхолдеры	КУ	Институциональные нормы не разработаны, законодательная база и регулирующие органы не обеспечены инструментарием	Появляются институциональные инвесторы, формализованная структура регулирования сферы корпоративного управления	Государство активно включилось в развитие корпоративного сектора, теперь можно снова говорить о появлении «невидимой, но жесткой руки».
	СОБ	Поддержка государственных социальных учреждений (особенно со стороны градообразующих предприятий)	Поддержка разовых несвязанных общей направленностью проектов, социальный маркетинг	Конкурсный отбор программ для социальных инвестиций; управление имиджем предприятия посредством инструментов КСО. Появление спектра инструментов донесения информации о социальной ответственности бизнеса до стейкхолдеров

движений на фондовом рынке. Известный своими рисковыми операциями У. Баффет отмечает возможность негативных последствий ориентированности на краткосрочных инвесторов для долгосрочного развития компании [1].

Основной элемент социально-экономических преобразований — это встраивание российской экономической культуры в процессы мирового корпоративного развития путем интеграции общих ценностей в деловую среду компании. Социальная ответственность проявляется на разных уровнях социально-экономических систем. Как уже отмечено выше, многие исследователи отмечают необходимость большего вклада Совета Директоров в развитие корпоративной ответственности и формирования соответствующей корпоративной культуры.

Корпоративная культура полезна в понимании различных символов и действий, поэтому позволяет заинтересованным лицам найти самое подходящее решение. Кроме того, используя корпоративные символы как эталон в описании процесса корпоративного развития, можно определить стратегический потенциал корпоративных ценностей. Этика управления позволяет усилить систему корпоративных ценностей, учитывая соответствие принимаемых решений требованиям социальной ответственности в отношении распределения ресурсов.

Связь между лидерством и социально ответственным развитием компании является характеристикой российской модели социальной ответственности бизнеса. Высокая ценность лидерства в системе управления берет истоки в

Таблица 3

Сравнительная характеристика распространенных моделей социальной ответственности

Распространенные модели социальной ответственности бизнеса в мировой экономике				
Европейская		Американская	Азиатская	Российская модель
Бельгия, Нидерланды, Финляндия, Швеция	Австрия, Германия, Франция, частично Великобритания	США, Канада, страны Латинской Америки, англоязычные страны Африки	Япония, Южная Корея, Китай, Малайзия, Таиланд	
Активное участие государства в регулировании социально-трудовых отношений, происходящее на уровне страны, отрасли, отдельного предприятия.	Государство вмешивается в социально-трудовые отношения, но при этом предприниматели и профсоюзы сохраняют автономию. Это включение социальной деятельности в общую стратегию создания добавленной стоимости компании.	Роль государства заключается в принятии соответствующих законодательных и нормативных актов, рекомендаций и требований. Регулирование социально-трудовых отношений на уровне предприятия и в значительно меньшей степени на уровне отрасли или региона. С точки зрения инвестора благотворительная деятельность свидетельствует о социальной устойчивости компании, что при прочих равных условиях делает ее более привлекательной для вложений.	Государство активно участвует, иногда принуждает к КСО, а бизнес предоставляет жилье, поощряет семейные династии, осуществляет обучение специалистов за счет корпораций, отвечает за социальные программы на конкретных предприятиях и содержали всю социальную инфраструктуру.	<p>Приобретенные черты Активное участие государства в продвижении социальной ответственности, регулировании социально-трудовых отношений. Частно-государственное партнерство в сфере КСО. Предприятия с государственным участием обеспечивают всю социальную инфраструктуру.</p> <p>Особые черты Принудительный характер социальной ответственности крупных компаний Собственное понимание сущности социальной ответственности бизнеса у каждой группы компаний (как во внешней, так и во внутренней социальной политике). Несистемная гиперблаготворительность. Социальные отчеты могут не соответствовать корпоративным ценностям компании и быть декларированными только на бумаге</p>
<i>Интегрированный триединый подход (экономический, экологический и социальный)</i>		<i>Экономический вектор</i>	<i>Социальный вектор соучастия</i>	

советской трактовке лидера как руководителя, соответственно, лидерство в реализации корпоративной социальной ответственности можно рассмотреть как технику повышения эффективности компании. Реализация основанной на лидерстве стратегии требует широкого использования ресурсов и скоординированной работы последователей, что является западной характеристикой лидерства.

Корпорации с высокой ролью лидерства в совете директоров в России наиболее успешно управляют бизнес-процессами и эффективнее выстраивают отношения с внешней деловой средой, по этой причине их можно расценивать как социально ответственные. Развитие лидерства в корпорации и в процессах корпоративных отношений является механизмом, который использует инновационные подходы через потенциал «более высокой» степени организационного, социально-экономического превосходства

над конкурентами. Это — главный результат трансформации корпоративного социального развития.

Россия имеет возможность извлекать уроки из зарубежного опыта. Так, достижение нового социального контракта между государством, бизнес-сообществом и гражданским обществом — задача, зафиксированная в Европейской социальной модели, актуальна и для нас. Конечно, каждая страна имеет свои особенности развития, традиции, свои национальные интересы. Но в условиях глобализации все оказываются перед необходимостью решать сходные проблемы, связанные с обеспечением интересов человека, охраной его достоинства, условиями жизни и труда, социальной защитой. Мировые модели социальной ответственности бизнеса формируют векторы социальной архитектуры российского бизнеса и варианты его развития, наиболее отвечающие вызовам XXI века.

Анализ мировой практики позволяет выделить несколько разновидностей корпоративной социальной ответственности и партнерства, отличающихся вектором направленности программ и участием государства. На наш взгляд, все эти особенности оказали существенное влияние на формирование российской модели корпоративной ответственности, хотя, как и относительно национальной модели корпоративного управления, существует много академических споров.

Институциональный контур выстраиваемой российской модели социальной ответственности должен учитывать существенные типы идеологической, экономической, политической и общественной деятельности, направленные на гармонизацию баланса интересов всех стейкхолдеров. Заимствованные и уникальные черты российской модели начинают принимать устойчивую форму. Некоторые аспекты особенностей мировых моделей социальной ответственности отражены в таблице 3.

Динамика текущего этапа корпоративного развития в контексте повышения социальной ответственности бизнеса предоставляет хорошую возможность российскому деловому сообществу повысить уровень экономической культуры и интегрировать национальные корпорации в мировую карту социальной ответс-

твенности. Это позволит сформировать положительный инвестиционный и корпоративный климат в российской деловой среде как части мировой модели корпоративной развития.

Список источников

1. Баффет У. Эссе об инвестициях, корпоративных финансах и управлении компаниями. М.: Альпина Бизнес Букс, Альпина Паблишерз, 2009. 272 с.
2. Иванова В. Особенности формирования моделей корпоративной социальной ответственности в зарубежных странах и России // Человек и труд. 2009. №10. [Электронный ресурс]. URL: http://www.chelt.ru/2009/10-09/ivanova_10-09.html (дата обращения: 24.11.2010)
3. Granovette M. Economic action and social structure. A theory of embeddedness. // American Journal of Sociology. 1985. № 91. P. 481-510.
4. Freeman R. E. Strategic management. A stakeholder approach. Boston: Pitman Publishers, 1984. 276 p.
5. Pfeffer J. New Directions for Organizational Theory. N. Y.: Oxford University Press, 1997. 264 p.
6. Scott W. R. Institutions and organizations. Foundations for organizational science. Sage Publications: 2nd ed. 2000. 277 p.
7. Russia and Slovakia. Modern tendencies of demographic and socioeconomic processes / General Editor: Academician Tatarin A. I. Ekaterinburg: Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Ural Branch, 2009. 218 pp.

УДК: 339.926: 332.012.2

ключевые слова: корпоративное развитие, социальная ответственность бизнеса, управленческое лидерство

TRANSFORMATION PROCESSES OF THE CORPORATE DEVELOPMENT IN RUSSIA: CORPORATE SOCIAL RESPONSIBILITY¹

Zh. S. Belyaeva

The financial and economic crisis made visible the level of readiness to changes in the different types of organizations throughout the world and Russia. The variation of social and economic programmes implemented by governmental and corporate sectors is widely seen; not all of them work positive for population, especially in the emerging markets countries. In the same time twenty years of the market economics in Russia, for instance, have definitely built a new social and economic system, but whether we have changed fundamentally in the

management techniques? The research generalizes some trends of the corporate development in Russia in the context of social responsibility and socio-economic transformation. The author attempts to define the Russia's place on the world map of corporate social responsibility.

Under conditions of world economy transformation, globalisation and gradual creation of a new model of global management the old values and the ideals based on the profit approach give way to priority socially important projects, and, hence, only socially-responsible companies can be successful participants of the world economy. Increase of the importance of nonmaterial factors of economic growth

¹ Article is prepared by support of integration programme with scientists of Far East branch of Russian Academy of Sciences № 09-C-6-1004 «Regional socioeconomic policy as a tool of sustainable economic growth in terms of economic integration».

Анализ мировой практики позволяет выделить несколько разновидностей корпоративной социальной ответственности и партнерства, отличающихся вектором направленности программ и участием государства. На наш взгляд, все эти особенности оказали существенное влияние на формирование российской модели корпоративной ответственности, хотя, как и относительно национальной модели корпоративного управления, существует много академических споров.

Институциональный контур выстраиваемой российской модели социальной ответственности должен учитывать существенные типы идеологической, экономической, политической и общественной деятельности, направленные на гармонизацию баланса интересов всех стейкхолдеров. Заимствованные и уникальные черты российской модели начинают принимать устойчивую форму. Некоторые аспекты особенностей мировых моделей социальной ответственности отражены в таблице 3.

Динамика текущего этапа корпоративного развития в контексте повышения социальной ответственности бизнеса предоставляет хорошую возможность российскому деловому сообществу повысить уровень экономической культуры и интегрировать национальные корпорации в мировую карту социальной ответс-

твенности. Это позволит сформировать положительный инвестиционный и корпоративный климат в российской деловой среде как части мировой модели корпоративной развития.

Список источников

1. Баффет У. Эссе об инвестициях, корпоративных финансах и управлении компаниями. М.: Альпина Бизнес Букс, Альпина Паблишерз, 2009. 272 с.
2. Иванова В. Особенности формирования моделей корпоративной социальной ответственности в зарубежных странах и России // Человек и труд. 2009. №10. [Электронный ресурс]. URL: http://www.chelt.ru/2009/10-09/ivanova_10-09.html (дата обращения: 24.11.2010)
3. Granovette M. Economic action and social structure. A theory of embeddedness. // American Journal of Sociology. 1985. № 91. P. 481-510.
4. Freeman R. E. Strategic management. A stakeholder approach. Boston: Pitman Publishers, 1984. 276 p.
5. Pfeffer J. New Directions for Organizational Theory. N. Y.: Oxford University Press, 1997. 264 p.
6. Scott W. R. Institutions and organizations. Foundations for organizational science. Sage Publications: 2nd ed. 2000. 277 p.
7. Russia and Slovakia. Modern tendencies of demographic and socioeconomic processes / General Editor: Academician Tatarin A. I. Ekaterinburg: Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Ural Branch, 2009. 218 pp.

УДК: 339.926: 332.012.2

ключевые слова: корпоративное развитие, социальная ответственность бизнеса, управленческое лидерство

TRANSFORMATION PROCESSES OF THE CORPORATE DEVELOPMENT IN RUSSIA: CORPORATE SOCIAL RESPONSIBILITY¹

Zh. S. Belyaeva

The financial and economic crisis made visible the level of readiness to changes in the different types of organizations throughout the world and Russia. The variation of social and economic programmes implemented by governmental and corporate sectors is widely seen; not all of them work positive for population, especially in the emerging markets countries. In the same time twenty years of the market economics in Russia, for instance, have definitely built a new social and economic system, but whether we have changed fundamentally in the

management techniques? The research generalizes some trends of the corporate development in Russia in the context of social responsibility and socio-economic transformation. The author attempts to define the Russia's place on the world map of corporate social responsibility.

Under conditions of world economy transformation, globalisation and gradual creation of a new model of global management the old values and the ideals based on the profit approach give way to priority socially important projects, and, hence, only socially-responsible companies can be successful participants of the world economy. Increase of the importance of nonmaterial factors of economic growth

¹ Article is prepared by support of integration programme with scientists of Far East branch of Russian Academy of Sciences № 09-C-6-1004 «Regional socioeconomic policy as a tool of sustainable economic growth in terms of economic integration».

Table 1

Approaches to the essence of the corporate social responsibility

Type	Theorists	Essence of CSR
Liberal	T. Levitt (1958), M. Friedman (1970)	The denial of economic benefits of CSR, compliance with legal and business practices, liability rules and traditions, low level of support of social projects
Traditional	Business-environment reps	Non-systematic support of social projects through sponsorship and charity as a tribute to the market trend, social expenditures are understood as equal to losses
Social	H. Bowen (1953), S. Sethi (1975), D. Wood (1991)	Internally — and client-oriented responsibilities (the production of quality goods and services, paying taxes, creating jobs, decent wages)
Strategic	K. Davis (1960), R. W. Ackerman (1973), E. Epstein (1987), Портер и Креймер (2007)	CSR — is an element of strategy, economic impact, which serves to solve social, environmental problems, thrust into the external and internal environment of the corporation.
Integrated	R. E. Freeman (1984), T. Donaldson, L. Preston (1995), R. Steurer (2005), O. Falk, S. Hiblich (2007)	Orientation to the external and internal environment of the corporation, counts on the interests of all stakeholders; CSR — is a part of the corporate governance and has the economic effect

forces the companies to improve innovations and to introduce new technological achievements which put together the human, intellectual, social capital. All mentioned above sets the economic imperatives of socialisation of business.

The specifics of the capitalist development of western countries had been always a continuous and ongoing process that ended up with a difficult but balanced system of a regulation of mutual relations of the business and the society power in the sphere of social and economic development of the countries. Nowadays in different countries participation of business in the social problem-solving is strictly regulated in frames of the commercial, tax, labour, ecological legislation or carried out independently under the influence of specially established stimulus and privileges.

This process in Russia stands at the initial stages of development and occurs in the conditions of state dominant positions, extremely poor development of institutions of the civil society and oligarchic development of business. And rules of institutional cooperation, a role of different parties and a level of their participation in the social development only start to be formed [7].

The term "corporate development" itself has appeared in the Russian academic sources in the middle 90s', questions of efficiency of the given approach and corresponding tools are still under deep discussion in the local business environment. Social responsibility of the Russian business takes sources in aimless philanthropy of 90s', and in the western understanding has started its development only in 2001–2003.

According to some sources cultures, structures, and routines operating at multiple levels of jurisdiction become the carriers through which institutions

impact firms [6]. Institutional theorists thus argue that corporate governance system will be determined largely by prevailing institutionalized norms in the organizational field and society.

The other theoretical perspective on corporate governance is a sociological perspective that builds on resource dependence theory — specifically, the influence of social networks on board formation and composition [5]. Fundamental to this perspective is the notion that a firm's actions are embedded in social networks, where embeddedness refers to the extent that actions are informed, influenced, and enabled by the network of accumulated stable and preferential social relations [3]. The final stakeholder theory of corporate governance system adopts a pluralistic approach to organizations [4]. Stakeholders have much more than just a passing interest in an organisation's outcomes. They also actively attempt to affect an organisation's behaviours in order to influence its direction so that it consistently meets the needs and priorities.

Comparative analysis of some approaches regarding maintenance, borders, display the forms of social responsibility of business allows to allocate five basic approaches: liberal, traditional, social, strategic and integrated (see tab. 1).

In sense of freedom of economic culture of stakeholders the situation has cyclic character. For example, position in corporate governance area in Russia up to 2004 correlates with a situation in America in the fifties. Thus, general meeting of the shareholders was purposely discharged from the company's activity, board of directors played passive role and the governance was duty of the head of the company.

Considering level of social and economic transformations in Russia 2000–2001 was the correct

moment to begin an institutionalization of corporate development and social responsibility in Russia. Now the leading part in working out the standards of corporate governance system is played by regulating authorities that have begun an extensive educational campaign - introduction of economic culture of corporate governance system by means of specially developed principles of appropriate practice in Russia. After the last economic crisis in 2009–2010 the government power shared a big pie of the corporate regulations and management. So to say the Russian companies have again invisible, but tough hand.

Still in Russia the central player in general and corporate governance is a manager, who is inside of the business and builds a determined control system of business [2]. His commitments and overall objectives are to realize the potential of the enterprise. The main criterion of the efficiency is ROI. At the same time the manager builds relationships with the owner, proceeding from his interests, where the major motive is the growth of the business market value and return on the invested capital. The ROI is the basic criterion of an overall performance of business for the owner. The classic agency conflict of interests is the important element of the national business environment.

The organizational culture of a corporation of the technocratic type and the dominating style of management were based on decision-making control. A traditional approach considers an economic organization the «closed» system, its purposes and commitment are considered agreed and stable, as well as other conditions of activity, stable enough for a long time, and the sense of duty and an effective control have crucial importance in management techniques.

One of lines of the social and economic transformation in frames of corporate development in Russia is socially-responsible approach of business to corporate relations without dependence from obligatory and voluntary motives. Thus, the properly chosen factors concerning the dimension of the strategic choice lead to defining portfolio of categories shared by the members of corporate governance process. Moreover, we can find out which of the actual and potential interests we should fulfill, care about and protect. Strategies also reflect corporate values. An enterprise's core values, whether clearly announced or not, influence upon the selection of strategic goals and decisions on how the enterprise will negotiate and carry out its explicit and implicit contracts with stakeholders. Finally, the strategy identifies which stakeholders are important to the enterprise's success and why. Stakeholders may be important because they contribute to profitability,

because corporate management and the board feel a sense of social responsibility to the stakeholder group, because the corporation is legally obliged to participate in that stakeholder group. The final major element also refers to the research of social relations - cultural context, which introduces to the model of corporate governance a process concerning shared values and possibility of their adoption into the whole enterprise. Some features of corporate development of a business environment of the Russian companies are systematised in table 2.

One of the basic problems of sharing CSR principles at the moment is the brevity of orientation of strategy of development of the companies, their dependence on stock market. W. Buffett marks possibility of negative consequences ориентированности on short-term investors for long-term development of the company [1].

The basic element of social and economic transformations is an embedding of the Russian economic culture in processes of world corporate development by integration of general values into the business environment of the company. Social responsibility is shown at different levels of social and economic systems. As it is already noted above, many researchers mark necessity of stronger contribution of Board of directors to development of corporate responsibility and building the corresponding corporate culture.

The corporate culture is helpful in understanding different symbols and activities; therefore it enables the stakeholders to find the most suitable solution. Moreover, using corporate structures, as a dimension in the description of corporate governance process can be useful in exploring values, which are required but may not exist at the time of research. Ethics control enables determining how the decisions are taken in respect with an increase of long-term value in an enterprise, and how they correspond to justice requirements regarding resource distribution.

Communication between leadership and socially responsible development of the company is the characteristic of the Russian model of social responsibility of business. High value of leadership in a control system routes in the Soviet understanding of «leader» as «the head», accordingly, leadership in realisation of corporate social responsibility can be considered as the technique of efficiency increase of the company. The strategy based on leadership demands a wide use of resources and the coordinated work of followers, which is the western characteristic of leadership.

The Corporations with leadership management type in Russia most successfully form the internal business processes, and also relations with an exter-

Table 2

Stages of corporate development in the context of corporate governance (CG) and social responsibility trends (CSR)

Players of corporate development		1991–1998	1999–2002	2003 — present
Shareholders	CG	No control on corporations and a passive management role. A lot of shadow acquisitions. A unique economic culture routes in 90s. No strategic plans are disclosed. Restructuring might be a big surprise for the shareholders	The wave of mergers and acquisitions continues to have a significant influence on corporate governance in Russia. Corporate governance becomes the center of public interest, the code of corporate conduct is worked out	Russian model of corporate governance starts to have specifics if compared to the Anglo-American, German or Japanese. The Regulators start an educational campaign – a culture of good corporate governance through a specially developed principles of good corporate governance practices in Russia
	The Board of Directors	CG	Passive role, the minimum number of independent directors as outsiders. Directors lobby the interests of those groups of shareholders who voted for them	«Increasing the corporate value», the role of the Board of Directors increases and the recognition of the importance of the Board. The presence of independent directors on the board of directors has signs of progressive companies. Leaders of corporations — professional managers instead of the former government leaders
Internal Stakeholders	CSR	The orientation of business to social needs of the State (often compulsory)	Point support for social projects, work towards national goals in social policy, restructuring of CSR support structure at the corporate level	Strategically verified statement of priorities in the corporate social policy, functional committees on social strategy. CSR is still mainly seen as a personnel care and non-profit charity to PR the company
	CG	Control in the hands of the executive directors, top management has enhanced powers	The management stays the central decision part of company	Actualized social policy issues with respect to employees (training and education and incentives, health care and improved working conditions, voluntary health insurance, corporate pension funds, etc.)
External Stakeholders	CSR	Caring of the employees and their families at default basic elements (taxes, workday, etc.)	Increase of the social package quality.	Social support to employees and their families, work on the formation and implementation of corporate culture
	CG	Institutional norms are not developed, legislation and regulatory bodies do not have the appropriate tools	Appearance of the class of institutional investors, a formalized structure of regulation of corporate governance	The state actively involved in the development of the corporate sector, it is often called “the invisible hand”
External Stakeholders	CSR	Support for government social agencies (particularly from the impact of enterprise)	Support the general thrust of unrelated one-time projects, social marketing.	Competitive selection of programs for social investment, management of the company image using CSR as a tool. The appearance of the spectrum of tools to deliver information about corporate social responsibility to stakeholders.

nal business environment; for this reason they can be considered as socially responsible. The phenomenon of leadership in a corporation and in frames of the corporate relations system is the mechanism that uses innovative approaches through potential of the «higher» degree in inventing the organizational, social and economic superiority over competitors. It is the main result of transformation of corporate social development.

Russia has a possibility to take lessons from foreign experience. So achievement of the new social contract between the state, business community and

a civil society, the problem fixed in the European social model, is actual for us as well. Certainly, each country has the features of unique development, tradition, national interests. But in the context of globalisation all members of world economy need to solve similar problems related to the interests of an individual, protection of his advantage, living conditions and work, social protection. World models of social responsibility of business form vectors of social architecture of the Russian business and the variants of its development that match to the calls of the XXIst century.

Table 3

Comparative Characteristics of the Common Models of Social Responsibility

The grouped models of corporate social responsibility in the world economy			
European		American	Asian
Belgium, the Netherlands, Sweden	Austria, Germany, France, and partially Great Britain	USA, Canada, Latin America, Anglophone Africa	Japan, South Korea, China, Malaysia, Thailand
Active participation of the state in regulating social and labour relations, as well as what is happening at the country level, industry, individual companies.	State intervenes in social and labour relations, but the employers and trade unions retain autonomous. This is the inclusion of social activities in the overall strategy of creating added value.	The state role consists of improving the corresponding legislative and statutory acts, recommendations and requirements. Regulation of sociolabour relations at the level of an enterprise and in much smaller degree at a regional level. Investor considers charity as a sign of social stability of the company that with other things attracts more investment.	The state is actively involved, sometimes leads CSR, and business provides shelter, encourages family dynasties, carries out training at the expense of corporate responsibility for social programs in specific enterprises, and contained the entire social infrastructure.
The integrated tripple approach (economic, ecological and social)		Economic Vector	Social Vector of partnership
THE RUSSIAN MODEL			
Adopted (shared) features		Unique features	
Active participation of the state in advancement of social responsibility, regulation of sociolabour relations. The private-public partnership in CSR The enterprises with the state participation provide all social infrastructures.		Compulsory character of social responsibility of the large companies The Essence of the social responsibility of business at each group of companies it is original and different (both with external, and with internal social policy of the company). Non-systematic hyper-charity The Social reports might not correspond to the corporate values of the company and might be declared only on a paper.	

The analysis of world practice allows allocating some types of corporate social responsibility that vary depending on orientation vector of programs and state participation. In our opinion, all these features have made essential impact on formation of the Russian model of corporate responsibility. Although as well as concerning national model of corporate governance, there are still many academic disputes.

The institutional contour of built Russian model of social responsibility should consider essential types of ideological, economic, political and the public work, directed on harmonisation of balance of interests of all stakeholders. The borrowed and unique lines of the Russian model start to take a steady form. Some aspects of features of world models of social responsibility are reflected in table 3.

The dynamics of the current stage of corporate development in a context of increase of corporate social responsibility gives a good possibility to the Russian business community to raise the level of economic culture and to integrate national corporations into the world map of social responsibility. It will allow generating a positive investment and corporate climate in the Russian business environment in frames of world corporate development model.

References

1. Баффе́т У. Эссе об инвестициях, корпоративных финансах и управлении компаниями. М.: Альпина Бизнес Букс, Альпина Паблишерз, 2009. 272 с.
2. Иванова В. Особенности формирования моделей корпоративной социальной ответственности в зарубежных странах и России//Человек и труд, 10/2009. url: http://www.chelt.ru/2009/10-09/ivanova_10-09.html (дата обращения: 24.11.2010)
3. Granovetter, M. Economic action and social structure: A theory of embeddedness. *American Journal of Sociology*, 1985. № 91. P. 481-510.
4. Freeman, R. E. Strategic management: A stakeholder approach. В.: Pitman Publishers, 1984. 276 p.
5. Pfeffer J. *New Directions for Organizational Theory*. N. Y.: Oxford University Press, 1997. 264 p.
6. Scott, W. R. *Institutions and organizations: Foundations for organizational science*. Sage Publications, Inc, 2nd ed., 2000. 277 p.
7. Russia and Slovakia: modern tendencies of demographic and socioeconomic processes / General Editor: Academician Tatarin A. I. Ekaterinburg: Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Ural Branch, 2009. 218 pp.

UDC: 339.926: 332.012.2

keywords: corporate development, corporate social responsibility, managerial leadership

ЭКОЛОГИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ КАК ИНСТРУМЕНТ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ¹

В. Н. Беляев, Е. А. Илинбаева

В статье выделяются особенности реализации государственной политики в сфере регионального природопользования: совершенствование системы государственного управления в природоохранной сфере, формирование системы экономического регулирования рыночных отношений, экологизация социально-экономического развития регионов России, необходимость учета сценарных условий развития. Экологизация экономики определяется как основное направление социально-экономической и инновационной политики регионов России. Кроме того, обозначаются следующие направления экологизации экономического развития и улучшения природной среды: экология производства, экология человека, экология природной среды, экология бизнеса. Устанавливается взаимосвязь между направлениями.

Задачи Министерства природных ресурсов и экологии России определены в двух основополагающих документах — «План действий Правительства Российской Федерации до 2012 года» и «Стратегии социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 года». В соответствии с прогнозируемыми показателями, к 2012 году должен сократиться объем загрязнения воздуха и водоемов, а также образование отходов на 20%. Площадь территорий, занятой заповедниками и национальными парками, должен увеличиться на 11 млн гектаров. К 2020 году должен снизиться уровень энергоемкости наших предприятий на 40%, а также должно уменьшиться число «экологических горячих точек» и сократиться численность городского населения, проживающего в условиях неблагоприятной окружающей среды².

¹ Статья подготовлена в рамках интеграционного проекта 09-И-6-2001 «Концептуальные основы формирования региональной социально-экономической политики северных территорий с учетом фактора освоения природных ресурсов» (совместно с НИЦ Архангельска и Сыктывкара).

² В 2008 году была реформирована система государственного управления и контроля в области охраны окружающей среды. В соответствии с Постановлением Правительства №404 от 29 мая 2008 года, у Росприроднадзора были изъяты следующие полномочия: государственный лесной контроль и надзор на землях лесного фонда (находится в ведении Россельхознадзора); контроль за безопасностью

Главной целью формирования и реализации государственной политики в природоохранной сфере является **повышение эффективности государственного управления, а также контрольно-надзорной деятельности** по соблюдению природоохранного законодательства и интересов граждан [1].

Применительно к природоохранной сфере на современном этапе социально-экономического и институционального развития страны можно выделить ряд особенностей реализации государственной политики России:

- 1) необходимость пересмотра направлений реализации совершенствования системы государственного управления в природоохранной сфере;
- 2) совершенствование нормативно-правовой основы системы государственного управления в сферах сохранения природной среды и экологической безопасности;
- 3) формирование системы экономического регулирования рыночных отношений;
- 4) превращение государственной политики в природоохранной сфере в движущую силу процессов экологизации социально-экономического развития регионов России;
- 5) необходимость учета сценарных условий развития Российской Федерации.

Кратко охарактеризуем каждую из перечисленных особенностей.

Направления реализации совершенствования системы государственного управления в природоохранной сфере [4]:

— дальнейшее развитие системы государственного управления в сфере рационального природопользования и охраны окружающей среды, которое включает следующие элементы: развитие государственного нормирования контроля качества окружающей среды и установ-

гидротехнических сооружений (Ростехнадзор); государственный пожарный надзор в лесах (Россельхознадзор); контроль за исполнением органами государственной власти субъектов Федерации переданных им полномочий в области лесного контроля и надзора (Россельхознадзор); организации и проведение государственной экологической экспертизы — ГЭЭ (Ростехнадзор). В числе добавленных полномочий — осуществление федерального государственного экологического контроля.

ление единых требований к хозяйствующим субъектам;

— обеспечение четкого разграничения полномочий и ответственности между федеральными и региональными органами государственной власти и органами местного самоуправления по контролю за использованием природных ресурсов, состоянием и качеством окружающей природной среды;

— обеспечение экологически эффективного разграничения собственности на природные ресурсы между федеральным центром, субъектами РФ, муниципальными образованиями, юридическими и физическими лицами;

— развитие системы лицензирования экологически опасной деятельности; усиление роли государственной и общественной экспертизы проектов и государственных программ;

— организация единой государственной системы социально-экологического мониторинга;

— проведение НИОКР, направленных на оздоровление среды обитания человека и экобезопасности;

— последовательный переход на международные стандарты технологических процессов и производимой продукции.

Совершенствование нормативно-правовой основы системы государственного управления в сферах сохранения природной среды и экологической безопасности, а также совершенствование правоприменительной практики в целях обеспечения адекватной ответственности за экологические правонарушения предполагает: закрепление в правовой системе РФ действующих международных стандартов в области ООС (экологические стандарты), в том числе международной организации стандартизации; введение экологических норм в нормативно-правовые акты различных отраслей права (экологизация хозяйственного, бюджетного, налогового, гражданского и уголовного права); совершенствование методик расчета и практики компенсации ущерба за экологические правонарушения и экологически опасные виды деятельности; широкое применение экоэкспертизы и ОВОС при реализации программ и проектов хозяйственной деятельности.

Формирование системы экономического регулирования рыночных отношений для обеспечения рационального природопользования и охраны окружающей среды, привлечения частных инвестиций, включает создание системы экономического стимулирования хозяйствующих субъектов с целью внедрения экологически чис-

тых технологий и производств; модернизацию очистных сооружений, использование альтернативных источников энергии, строительство мощностей по переработке отходов производства и потребления; увязка размеров платы за выбросы и сбросы с реальным ущербом и рисками окружающей среде; совершенствование методического обеспечения оценки ущерба, обоснование компенсаций за ущерб, наносимый окружающей среде и здоровью граждан в результате хозяйственной деятельности; развитие экологического аудита действующих предприятий, экологического предпринимательства, добровольной сертификации; государственную поддержку реконструкции действующих производств при переходе на экологические, безотходные, ресурсосберегающие технологии.

Государственная политика в природоохранной сфере должна стать движущей силой процессов экологизации социально-экономического развития России.

Новая модель экологической политики, предусматривающая стимулирование экологического бизнеса и снижение воздействия на окружающую среду от всех источников загрязнений, а также усиление институтов, направленных на сохранение природной среды, предложена в «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации» [2].

Институциональной основой экологической политики должна стать обновленная (модернизированная) система экологического регулирования, соответствующая приоритетам развития страны до 2020 года и новому постиндустриальному уровню развития российского общества [3].

Цель экологической политики — значительное улучшение качества природной среды и экологических условий жизни человека, формирование сбалансированной, экологически ориентированной модели развития экономики, экологически конкурентоспособных производств. Успешная реализация Российской Федерацией программы экологического развития является важнейшим вкладом в сохранение глобального биосферного потенциала и поддержание глобального экологического равновесия.

Выделяются четыре основных направления экологизации экономического развития и улучшения экологической среды:

— **экология производства**, в основе которого поэтапное сокращение уровней воздействия на окружающую среду всех антропогенных источ-

ников. Основными элементами направления должны стать: новая система нормирования допустимого воздействия на окружающую среду, предусматривающая отказ от установления индивидуальных разрешений по каждому предприятию; установление нормативов и планов поэтапного снижения загрязнения до уровней, соответствующих наилучшим экологически безопасным мировым технологиям; создание развитой индустрии по утилизации отходов и расширение использования альтернативных возобновляемых источников энергии; сдерживание объемов антропогенной эмиссии парниковых газов. Целевым ориентиром является снижение удельных уровней воздействия на окружающую среду в 3–7 раз в зависимости от отрасли;

— **экология человека** — направление, предусматривающее создание экологически безопасной и комфортной среды проживания населения, мест его работы и отдыха, иной социальной активности. В рамках этого направления планируется установление новых нормативов качества воздуха, воды, почвы и других важных экологических характеристик, соответствующих как минимум безопасному уровню воздействия этих сред на здоровье человека; императивных нормативов допустимой антропогенной нагрузки, осуществление которой обеспечивает не превышение нормативов качества природной среды. Тем самым будут установлены количественные и качественные ориентиры для разработки местных экологических программ и поэтапного снижения негативного воздействия от экономической деятельности. Данное направление включает в себя ликвидацию накопленного загрязнения, восстановление эродированных, захламленных территорий, обеспечение эффективной санитарии, управление бытовыми отходами, пропаганду здорового образа жизни. Целевыми показателями реализации этого направления к 2020 г. являются: сокращение числа городов с высоким и очень высоким уровнем загрязнения не менее чем в 5 раз; сокращение количества жителей, проживающих в неблагоприятных экологических условиях, не менее чем в 4 раза. К 2020 г. необходимо полностью решить проблему восстановления безопасной среды обитания в регионах экологического кризиса, где проживают около 1 млн жителей страны;

— **экологический бизнес** включает создание эффективного экологического сектора экономики. Этот сектор может включить в себя конкурентоспособный бизнес в области общего и

специализированного машиностроения, бизнес-девелопмента, экологического консалтинга, развития рынка квот на выбросы. Роль государства состоит в формировании правил осуществления экологического аудита, требований к разработке технологий, создании условий для широкого внедрения экологического менеджмента, повышения информационной открытости промышленных предприятий об их воздействии на окружающую среду и принимаемых мерах по снижению негативного воздействия, организации мониторинга динамики экологических показателей экономики. Целевыми показателями прогресса этого направления являются рост рынка экологического девелопмента, товаров и услуг в 5 раз и увеличение занятости с 30 до 300 тысяч рабочих мест.

— **экология природной среды** — направление, предусматривающее сохранение и защиту природной среды. Основу действий в этом направлении будут составлять новые методы территориального планирования, землепользования и застройки, учитывающие экологические ограничения. Целевыми показателями реализации направления должны стать сокращение региональных различий в сети особо охраняемых природных территорий, повышение биопродуктивности природных систем до безопасных уровней, восстановление видовой разнообразия.

Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации базируется на стратегии обеспечения экономического лидерства России в XXI веке и, как результат, в формировании нового образа — страны привлекательной для жизни. Основными характеристиками и, соответственно, поставленными задачами являются кратный рост среднедушевого ВВП, значительный рост средней продолжительности жизни (до 72–75 лет), кратное увеличение доли среднего класса, комфортные условия проживания подавляющего большинства граждан страны, включая социальный климат, личную безопасность, доступное комфортное жилье, развитую систему общественных услуг и благоприятную экологию [2].

Основные варианты долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации определяются степенью реализации целого ряда ключевых факторов, в том числе интенсивностью инновационного обновления обрабатывающих производств и динамикой производительности труда; динамикой разви-

тия транспортной и энергетической инфраструктуры, а также интенсивностью повышения качества человеческого капитала [5].

В зависимости от степени реализации этих и других факторов выделяются три качественно отличных сценария социально-экономического развития в долгосрочной перспективе — инерционного, энергосырьевого и инновационного развития.

Сценарий инерционного развития характеризуется сохранением доминирования энергосырьевого комплекса в экономике при резком замедлении роста добычи и экспорта углеводородов и отставании в развитии транспортной и энергетической инфраструктуры. Среднегодовые темпы роста ВВП в 2011–2020 гг. не превысят 4%.

Сценарий энергосырьевого развития опирается на наиболее полное использование конкурентных преимуществ России в энергетическом секторе, устойчивое наращивание экспорта сырья и повышение глубины его переработки, модернизацию транспортной инфраструктуры страны. Экономика может развиваться с темпом 5–6% в год.

Сценарий инновационного развития, наряду с использованием конкурентных преимуществ в энергосырьевом секторе, предполагает прорыв в повышении эффективности человеческого капитала и развитии высоко- и среднетехнологичных производств. Российская экономика выходит на траекторию устойчивого роста с темпом около 6,5% в год.

Для экономической политики именно инновационный сценарий выступает в качестве целевого, так как системное решение поставленных задач состоит в переходе российской экономики от экспортно-сырьевого к инновационному социально-ориентированному типу развития. Это позволит резко расширить конкурентный потенциал российской экономики за счет наращивания ее сравнительных преимуществ в науке, образовании и высоких технологиях и на этой основе задействовать новые источники экономического роста и повышения благосостояния. Переход на инновационный путь развития предполагает существенное изменение в механизмах и структуре экономического роста. Его основным источником должен стать НТП [6].

Инновационный социально ориентированный тип роста имеет ряд качественных и количественных характеристик.

Во-первых, он опирается на модернизацию традиционных секторов российской эконо-

мики (нефтегазового, сырьевого, аграрного и транспортного), опережающее развитие высоких переделов, которые вплоть до 2020 г. остаются ведущими секторами производства ВВП.

Во-вторых, превращение инноваций в ведущий фактор экономического роста во всех секторах экономики, повышение производительности труда в ведущих секторах, определяющих национальную конкурентоспособность, в 3–5 раз и снижение энергоемкости в среднем в 1,6–1,8 раза.

В-третьих, формирование новой экономики — экономики знаний и высоких технологий, которая становится одним из ведущих секторов национальной экономики, конкурентоспособной на мировом уровне и 2020 г. по своему вкладу в ВВП должна быть сравнима с нефтегазовым и сырьевым секторами.

Инновационность, свойственная многим видам деятельности, активно реализуется и в энергетическом комплексе, и в сырьевых отраслях. В настоящее время они выступают в качестве основных локомотивов НИОКР в России. В то же время инновационный сценарий предполагает не только изменение структуры экономики и параметров эффективности, но и превращение именно высокотехнологичного сектора производства идей, технологий и человеческого капитала в значимый фактор экономического роста и позиционирования России на мировых рынках. Его качественный эффект выше, чем прямой количественный вклад в рост ВВП. Реализация данного сценария позволяет обеспечить выход на уровень социально-экономического развития, характерный для развитых постиндустриальных стран, за счет повышения конкурентоспособности российской экономики, ее структурной диверсификации и роста эффективности. В соответствии с требованиями постиндустриальной экономики повысится качество человеческого капитала. Показатели, характеризующие развитие человеческого капитала (в первую очередь, уровень и качество профессионального образования), как минимум, придут в соответствие со средним значением для развитых стран.

В целом для скорейшего и результативного перехода на инновационный тип развития необходимо «сконцентрировать усилия на решении трех ключевых проблем: создании равных возможностей для людей, формировании мотивации к инновационному поведению и радикальном повышении эффективности экономики, прежде всего на основе роста произ-

водительности труда» [7]. И «ключевым вопросом является технология перехода с инерционного и на инновационный путь развития» [6]. Немаловажно учитывать, что инновационный социально ориентированный сценарий предполагает значительно более сложную модель управления и для государства, и для бизнеса. Он связан с инвестированием в высокотехнологичные проекты и развитие человека с параметрами, далеко выходящими за сложившиеся на рынке среднесрочные пределы окупаемости. Однако основные барьеры вызваны не проблемами недостаточной доходности, а дефицитом конкурентоспособных по мировым меркам профессиональных кадров, на уровне как корпораций, так и государственного управления, неэффективностью механизмов координации усилий.

Следует отметить, что инновационный сценарий — это экологический сценарий. Он характеризуется значительным усилением требований к экологичности экономического развития. В соответствии с требованиями Киотского протокола и ожидаемыми параметрами рамочного соглашения по снижению антропогенной эмиссии парниковых газов после 2012 г., выбросы парниковых газов в России в 2008–2012 гг. не должны превысить уровень 1990 г., и к 2050 г. возможен ориентир на уменьшение выбросов на 30–50% от уровня 1990 года. В то же время ужесточение экологических требований может значительно видоизменить параметры экономического развития в рамках инновационного сценария.

По предварительной оценке, повышение стоимости оборудования в результате ужесточения требований к объемам выбросов и сдвиг структуры инвестиций в пользу транспорта, ТЭК и ЖКХ могут привести к снижению темпов роста ВВП по сравнению с основным инновационным сценарием на 0,3–0,5% в год после 2020 г. По экспертным оценкам, объемы выбросов парниковых газов в России приблизятся к уровню 1990 г. не ранее 2015 г.

При экологическом сценарии развития предполагается изменение структуры используемых топливно-энергетических ресурсов со снижением доли ископаемого топлива, особенно угля и других видов топлива с высоким содержанием серы. Фактором сдерживания эмиссии парниковых газов в электроэнергетике может стать замещение твердого топлива газом. Эффективной мерой будет замещение угольных ТЭС газовыми, у которых ниже стоимость стро-

ительства, ниже уровень выбросов в атмосферу и выше КПД. Снизить эмиссию парниковых газов позволит увеличение доли энергии, вырабатываемой на ГЭС и АЭС, и альтернативных видов энергии.

Вместе с тем экологизация производства создает новые окна возможностей для развития экономики. Прежде всего, это касается создания современной индустрии переработки отходов, новых возможностей в развитии сельского хозяйства (биотопливо) и углерододепонирующих насаждений («лесов Киото»).

Таким образом, экологизация экономики является не только особым направлением деятельности бизнеса и экономической политики, но и общей характеристикой инновационного развития экономики, тесно связанной с повышением эффективности ресурсопотребления. В результате повышения технологической и экологической эффективности экономики к 2020 г. предполагается снижение уровня «экологического воздействия» в 2–2,5 раза, что позволит выйти на современные показатели сбережения природы развитых европейских стран. При этом уровень экологических издержек (затрат на снижение вредных выбросов, утилизацию отходов и восстановление природной среды) может возрасти до 1–1,5% ВВП в 2020 г. Для России актуальна задача капитализации экологических преимуществ, что должно найти выражение в развитии экологического туризма, продаже чистой воды и др.

Мировой финансовый кризис, начавшийся в 2008 г., вызывает серьезные опасения в реализуемости государственных, региональных и корпоративных экологических программ в 2009–2010 гг. Он может замедлить и осложнить реализацию направлений экологизации [8].

Однако кризисные процессы никоим образом не снижают значимость перехода природопользования на инновационный тип развития. В связи с этим в Программе антикризисных мер Правительства РФ четвертым приоритетом деятельности было заявлено стимулирование инноваций и структурная перестройка экономики. Государство расширяет поддержку инновационных проектов, в том числе направленных на технологическое обновление предприятий, повышение ресурсо- и энергоэффективности. Наличие программы повышения производительности труда, использования энергосберегающих технологий и инновационного развития станет условием предоставления государственной помощи предприятиям [9].

При этом приоритет государственных расходов должен быть направлен на развитие инновационных природосберегающих технологий и охрану окружающей среды, в первую очередь, в природоэксплуатирующих отраслях. Кроме того, должны создаваться стратегические условия для экономического роста, в частности, инновационная инфраструктура в природно-ресурсном комплексе [10].

В этих условиях должны быть приняты дополнительные меры по стимулированию инновационной активности в природоохранной деятельности, в частности, необходимо принять упрощенные процедуры выведения на рынок новых экологически чистых технологий, основанные на добровольном декларировании соответствия: ускорить таможенное оформление импорта промышленного оборудования, применяющегося в целях снижения воздействия на окружающую среду; актуализировать программу разработки технических регламентов и национальных стандартов с учетом экологических приоритетов инновационного развития.

Стимулировать инновации в сфере природоохранной деятельности и охране окружающей среды государству необходимо через реализацию экологических инновационно ориентированных федеральных целевых программ. В целях поддержки малого инновационного бизнеса в сфере экологии должны быть созданы специальные венчурные фонды.

Особое внимание должно уделяться развитию отечественных экологически чистых технологий и оборудования, наиболее перспективных с точки зрения импортозамещения и наращивания внутреннего спроса.

В заключение отметим, что в рамках Концепции выделены три основных этапа экономического развития: первый — до 2012 г., второй — до 2020 и третий — до 2030 г.

В рамках первого этапа (2008–2012 гг.) создаются необходимые условия для эффективного использования уже имеющихся конкурентных преимуществ страны, а также решается задача адаптации к мировому экономическому кризису. Именно первый этап — ключевой в плане принятия необходимых для дальнейшего инновационного развития мер. Основное внимание будет уделяться созданию институциональной среды инновационной экономики, модернизации образования и здравоохранения, запуску проектов развития в высокотехнологичных и инфраструктурных секторах.

Отличительной особенностью второго этапа (2013–2020 гг.) развития инновационного варианта является переход экономики на новую технологическую базу, основанную на перспективных разработках в области информационно-коммуникационных, био- и нанотехнологий. Ключевая роль отводится инвестициям в человеческий капитал.

На втором этапе обеспечивается «инновационный прорыв», структурная диверсификация экономики, завершение модернизации инфраструктурных секторов, системы образования и здравоохранения. Решаются задачи смягчения социальной и региональной дифференциации.

После 2020 года российская экономика вступает в фазу развития в условиях снижающихся физических объемов экспорта нефти и нефтепродуктов и снижающейся добычи нефти при стабилизации объемов экспорта газа. В этих условиях резко возрастает нагрузка на инновационные высоко- и среднетехнологичные сектора экономики и сектор услуг как основные движущие силы экономического роста и поддержания сбалансированности внешней торговли.

Особенностью третьего этапа (2021–2030 гг.) инновационного варианта развития станет закрепление лидирующих позиций России в мировом хозяйстве и развитие в режиме инновационной экономики.

На рубеже 2025–2030 гг. можно ожидать формирования новой технологической инновационной волны, которая вновь создаст импульс развитию экономики, особенно экономики знаний и обслуживания. Резко возрастет роль экологических и климатических барьеров роста, предоставляющих в то же время России в силу многообразия ее природных богатств новые уникальные шансы развития, при условии значительного снижения природоемкости экономики.

В целом выделенные особенности реализации государственной политики в сфере регионального природопользования усиливают необходимость совершенствования системы экономических механизмов государственного управления рациональным природопользованием и охраной окружающей среды.

Список литературы:

1. Формирование системы контроля и надзора в сфере природопользования: препринт / Шеломенцев А. Г., Абдуллаев Н. А., Беляев В. Н., Дорошенко С. В., Илинбаева Е. А. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2010. с. 57.
2. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации. [Электронный ре-

сурс]. Доступ из справочно-правовой системы Консультант Плюс.

3. Особенности государственного управления природопользованием в условиях инновационного развития России / Шеломенцев А. Г., Абдуллаев Н. А., Беляев В. Н., Дорошенко С. В., Илинбаева Е. А. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2010. 62 с.

4. Направления совершенствования экономических механизмов повышения результативности природоохранной деятельности: препринт / Шеломенцев А. Г., Абдуллаев Н. А., Беляев В. Н., Дорошенко С. В., Илинбаева Е. А., Михайлова А. В., Фоменко Г. А. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2010. 54 с.

5. Основные параметры прогноза социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020–2030 годов. Приложение к Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации. Москва. 2008. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.economy.gov.ru> (дата обращения август 2009).

6. Глазьев С. Стратегия и Концепция социально-экономического развития России до 2020 года: экономический анализ. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.apn.ru/publications/article19384.htm> (дата обращения август, 2009.)

7. Путин В. Выступление на расширенном заседании Государственного совета «О стратегии развития России до 2020 года», 8 февраля 2008 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/text/appears/2008/02/159528.shtml>

8. Экология и глобальный кризис: события 2008 года глазами российских экологов. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.press-release.ru/branches/org/494f8b877adbb/> (дата обращения август 2009).

9. Программа антикризисных мер Правительства Российской Федерации 2009. [Электронный ресурс]. URL: www.government.ru/content/governmentactivity/antikrizismeriprf/.

10. Фоменко Г. А., Фоменко М. А. Национальная инновационная система и рациональное природопользование. Ярославль: АНО НИПИ «Кадастр», 2008.

УДК 330.15:001.895

ключевые слова: социально-экономическое развитие регионов, государственная политика, региональное природопользование, инновационная природоохранная деятельность